СОДЕРЖАНИЕ**Научный отдел****Отечественная история**

- Зайцев М. В.** Городовое положение 1870 г. и муниципальное устройство германских городов: проблема заимствования элементов избирательной системы 5
- Варфоломеев Ю. В.** Закат Российской империи, или Образ власти революционной эпохи (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) 13
- Панькин П. В.** Начало XX века как переломный период в истории Уральского казачьего войска: постановка научной проблемы 21
- Кустов В. А.** Российский парламент и внешняя политика страны после Февральской революции 24
- Зотова А. В.** Финансовые органы Ленинграда накануне блокады (22 июня – 8 сентября 1941 года) 28
- Данилов В. Н.** Коренной перелом в Великой Отечественной войне: подходы и суждения в историографии проблемы 32
- Герман А. А.** Немцы СССР на спецпоселении 39

Всеобщая история

- Болдырева И. И.** Ветхозаветное предание о Юдифи в книжной традиции раннесредневековой Англии 48
- Галяничев А. Н.** Средневековые города Чехии: общее и особенное в европейском контексте 54
- Гошко Т. Д.** Экономические аспекты истории средневекового и раннемодерного города в современной украинской историографии 58
- Морозов С. М.** Эдвард Хайд, граф Кларендон, и его «История мятежа» в восприятии английских интеллектуалов первой половины XVIII века 65
- Гладышев А. В.** «Кзаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 году 70
- Демченко Е. С.** Состояние здоровья детей, занятых в фабричном производстве Англии второй четверти XIX века 76

Международные отношения

- Рыбалко О. К.** Иранский вопрос в контексте американо-российских отношений (2000–2008 гг.) 81
- Арсентьева И. И.** Политика Китая в Центральной Азии и стратегия России 85
- Эсенгул Ч.** Возможные последствия вступления Кыргызской Республики в Таможенный союз / Единое экономическое пространство 89
- Лапенко М. В.** Проект строительства железной дороги Китай – Узбекистан и транспортная система Кыргызстана 94

Региональная история и краеведение

- Майорова А. С.** Культурные новшества в среде купечества Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века 100
- Симонов А. А.** Гарнизонные формирования Казанского военного округа на защите власти Советов 107
- Стребкова Н. В.** Динамика социального состава студенчества вузов в г. Саратове в 1920-е годы 112
- Фернандес А. П.** История одной эвакуации: Испанский детский дом № 1 в селе Куккус 115

Приложение**Хроника**

- Памяти Николая Алексеевича Троицкого 121

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год.

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Юдина Инна Геннадиевна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Издательство Саратовского

университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 25.06.14.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 31.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета© Саратовский государственный
университет, 2014

**ПРАВИЛА
ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ**

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS**Scientific Part****Russian History**

- Zaytsev M. V.** Municipal Statute of 1870 and the Municipal Government of the German Cities: the Problem of Borrowing Elements of the Electoral System 5
- Varfolomeev Yu. V.** Sunset Russian Empire or Image Power Revolutionary Era (on Materials Extraordinary Commission of Inquiry Provisional Government) 13
- Pankin P. V.** The Beginning of the XXth Century as the Critical Moment in the History of the Ural Cossacks: the Positing of the Problem 21
- Kustov V. A.** The Russian Parliament and the Foreign Policy of Country after February Revolution 24
- Zotova A. V.** Financial Bodies on the Eve of the Siege of Leningrad (June 22 – September 8, 1941) 28
- Danilov V. N.** The Aborigine Alteration in the Big World War: Suits and Deliberations in the Historiography of Problem 32
- German A. A.** Germans of the USSR on a Special Settling 39

World History

- Boldyreva I. I.** Old Testament Legend about Judith in the Literary Tradition of Early Medieval England 48
- Galyamichev A. N.** The Medieval Towns of Bohemia: in European Context 54
- Hoshko T. D.** The Economic Aspects of the History of Medieval and Early Modern Towns in Modern Ukrainian Historiography 58
- Morozov S. M.** Edward Hyde, Earl of Clarendon, and his «History of the Rebellion» in the Opinion of English Intellectuals of the First Half of 18th Century 65
- Gladishev A. V.** «Cossacks» and Anti-russian Napoleonic Propagation in 1814 year 70
- Demchenko E. S.** Health of Children Employed in a Factory Production of England in Second Quarter of the XIX Century 76

International Relations

- Rybalko O. K.** The Iranian Issue in the Context of the American-russian Relations (2000–2008) 81
- Arsentyeva I. I.** China's Policy in Central Asia and Russia's Strategy 85
- Esengul C.** Possible Implications of Kyrgyzstan's Membership in the Customs Union 89
- Lapenko M. V.** New Project of the Railway Uzbekistan – China and Transportation System of Kyrgyzstan 94

Regional History and Local Studies

- Mayorova A. S.** Cultural Innovation Among Saratov Province Merchants in Late XVIII – First Half of the XIX Century 100
- Simonov A. A.** Garrison Units of Kazan Military District in Fight for Soviet Ascension to Power 107
- Strebkova N. V.** The Dynamics of Social and Class Structure of University Students in Saratov during 1920s 112
- Fernandes A. P.** The Story of One Evacuation: Orphanage № 1 for Spanish Kids in the Village Kukkus 115

Appendices**Chronicle**

- For the Memory of Nikolay Alekseevich Troitskiy 121

Information about the Authors

123

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

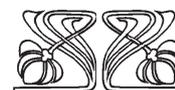
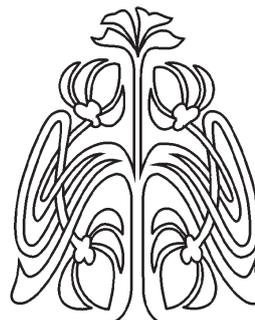
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

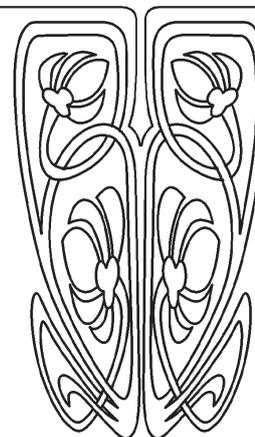
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

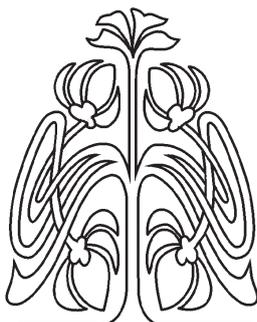
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

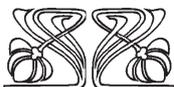
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

Mezin S. A. (Saratov, Russia)

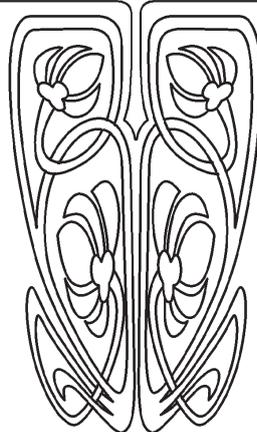
Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).081

ГОРОВОДОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 1870 г. И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКИХ ГОРОДОВ: ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

М. В. Зайцев

Саратовский государственный университет
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Статья посвящена одному из аспектов подготовки городской реформы Александра II. Автор рассматривает проблему заимствования элементов муниципальной избирательной системы, существовавшей в германских городах в середине XIX в. В статье выясняются наиболее вероятные причины этого заимствования.

Ключевые слова: реформы Александра II, Городовое положение 1870 г., городское самоуправление в России, Германия и Россия.

**Municipal Statute of 1870 and the Municipal Government of the German Cities:
the Problem of Borrowing Elements of the Electoral System**

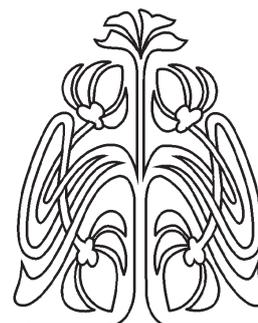
М. V. Zaytsev

The article is devoted to one aspect of the preparation of the urban reform of Alexander II. The author studies the problem of borrowing elements of the municipal electoral system, which existed in the German cities in the middle of the XIX century. The most probable causes of this borrowing are investigated in this article.

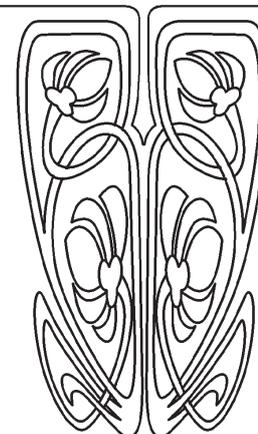
Key words: reforms of Alexander II, Municipal Statute of 1870, city self-government in Russia, Germany and Russia.

В 1870 г. в России была проведена реформа городского самоуправления. Утвержденное Александром II Городовое положение ввело бессословную систему муниципальных выборов, в которой право голоса получал «всякий городской обыватель, к какому бы состоянию он ни принадлежал»¹, уплачивавший налоги в местный бюджет. Избиратели делились на три собрания, – крупных, средних и мелких налогоплательщиков, – значительно различавшиеся между собой по численному составу (третье – самое многочисленное). Каждое из них делегировало в городскую думу одну треть гласных, тем самым в избирательной системе устанавливалось превосходство крупных налогоплательщиков над средними и мелкими. Однако уже в 1892 г. правительство Александра III издает новую редакцию Городового положения, по которому трехразрядный способ организации выборов отменяется. Необходимо понять причины и обстоятельства введения в Городовое положение 1870 г. куриального принципа избрания гласных городской думы, так скоро оказавшегося «лишним».

Этот вопрос довольно редко оказывался в поле зрения исследователей. Первым его поднял И. И. Дитятин в своих работах, опубликованных в 1870–1880-е гг.² Его взгляды на данную проблему будут изложены ниже, пока же стоит отметить, что для исследования им использовались исключительно опубликованные к тому моменту делопроизводственные материалы. В отдельных работах начала XX в. (смешанного историко-публицистического характера), посвященных городской реформе 1870 г., вопрос о заимствовании прусской «трехразрядной» избирательной системы либо обходился молчанием³, либо

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

это заимствование просто констатировалось, а его причины и обстоятельства целенаправленно не анализировались⁴. После этого, на протяжении нескольких десятилетий, городская реформа Александра II почти не привлекала внимания специалистов. Лишь в некоторых редких исследованиях советских историков излагались главные обстоятельства ее подготовки, с обязательным резюме о том, что она проводилась лишь в интересах правящих классов⁵.

Современные историки, изучающие городскую реформу 1870 г., предметно не выявляют истоки использованной в ней избирательной системы. Так, В. А. Нардова в своей, уже ставшей в некотором роде «классической», монографии констатирует, что система городских выборов была заимствована из прусского муниципального законодательства, и лаконично передает основные доводы, высказывавшиеся в ее пользу при обсуждении проекта Городового положения⁶. Однако критический анализ этих доводов и возможные альтернативные варианты избирательного закона в указанной работе отсутствуют, поскольку, очевидно, эти вопросы не являлись приоритетными для автора. Некоторый интерес представляют также публикации Т. А. Свиридовой⁷, которые имеют преимущественно историографическую направленность. Автор подчеркивает высокий уровень влияния европейского (главным образом германского) опыта на реформы местного самоуправления в России XIX в., но причины и обстоятельства заимствования прусской избирательной системы Городовым положением 1870 г. специально не разбирает.

До середины XIX в. система городского самоуправления в России базировалась на началах Жалованной грамоты городам Екатерины II от 1785 г. Этот документ имел множество внутренних противоречий и недостатков. Со временем в верхах осознали, что Жалованная грамота «не есть окончательно организованный закон, а скорее программа, по которой предстояло правительству вести дело городского преобразования»⁸. Поэтому отдельные нормы грамоты Екатерины II дополнялись и видоизменялись преемниками этой императрицы, а в правительстве зрело убеждение в необходимости кардинального преобразования всего муниципального законодательства.

Подспудная канцелярская подготовка изменения всей системы городского самоуправления велась с начала 1820-х гг. Однако долгое время правительство не могло выработать проект общероссийской реформы и ограничивалось лишь изменением городского общественного управления в крупнейших центрах империи. В 1846 г. было утверждено «Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга», которое с некоторыми изменениями и дополнениями вводилось затем в Москве (1862), Одессе (1863) и Тифлисе (1866)⁹. Избирательные системы, закрепленные в этих городах, предусматривали деление электората на

сословные группы. Таким образом, разработчики реформы 1846 г. (среди которых главную роль играл чиновник хозяйственного департамента МВД Н. А. Милютин) не сочли возможным в тех исторических условиях полностью отказаться от сословности в городском самоуправлении. Хотя Милютин и другие лица, участвовавшие тогда в подготовке преобразований, были, конечно же, знакомы с муниципальными системами европейских стран, где происходил постепенный переход к сословному либо бессословному представительству¹⁰, для Санкт-Петербурга в 1846 г. они сформулировали принципы городских выборов, больше отталкиваясь от исторических реалий российского общества, где сословные перегородки были еще очень сильны. Тем не менее, самоуправление крупнейших городов Российской империи (обе столицы, Одесса и Тифлис) эволюционировало к сословному представительству, поскольку в избрании гласных теперь могли участвовать и представители не только «типично городских» категорий, но и другие (например, дворянство). После отмены крепостного права движение к сословности получило новый «толчок», хотя сословный статус все еще учитывался в избирательной системе.

После «севастопольского грома» в России было форсировано проведение реформ во всех сферах жизни, в том числе и в городской. Разработка нового закона об общественном управлении городов началась в 1862 г. По распоряжению Министерства внутренних дел в 509 российских городах были созданы местные комиссии для подачи мнений о желательных принципах будущей реформы. Теоретически в комиссии должны были войти депутаты «от всех сословий города, не исключая дворян и других званий лиц, владеющих там недвижимую собственностью», но персональный состав их все-таки зависел от усмотрения губернаторов¹¹.

Помимо соображений, поступивших в 1862–1864 гг. от местных комиссий, МВД тогда же собрало, систематизировало и опубликовало важнейшие материалы, касающиеся истории правительственной политики в отношении российских городов и их современного социально-экономического состояния¹². Все эти материалы должны были стать информационно-справочной базой для выработки общего проекта реформы. Среди них особого внимания заслуживает издание, посвященное сравнительному обзору муниципального устройства крупнейших западно-европейских стран, составленное вице-директором хозяйственного департамента МВД Н. И. Второвым¹³.

Собранные сведения послужили основой для создания первоначального законопроекта о городском самоуправлении, который МВД оформило в 1864 г. Именно в этом проекте впервые появилась трехзрядная избирательная система. Интересно, что ни одна из местных комиссий не предлагала ввести такой порядок выборов. Некоторые из них

вообще не высказались за какое-либо изменение существующей на тот момент избирательной модели – избрание представителей в городскую думу отдельно по каждому из нескольких городских сословий¹⁴. Большинство хотели бы применения по всей России основных правил выборов, действовавших тогда в Санкт-Петербурге и Москве, где, как уже отмечалось, существовало особое муниципальное устройство¹⁵. Хотя последний вариант заключал в себе определенный элемент социального неравенства, поскольку в столицах в общую городскую думу каждое собрание избирателей отдельно делегировало своих представителей в равном количестве¹⁶ (численность избирателей в собраниях, сформированных по сословно-имущественному принципу, естественно была различной). Две комиссии (из более чем пятисот), чтобы компенсировать численное преимущество мещан над купечеством и дворянством, прямо высказались за наделение избирателей от двух последних сословий большим количеством голосов по сравнению с первыми¹⁷.

Первоначальный проект МВД предполагал наделение избирательными правами всех горожан, уплачивающих государственные, земские и городские налоги и сборы. Исходя из того что «уплачиваемые обывателями повинности весьма неравномерны», министерство считало целесообразным предоставить им право на «участие в общественных делах по возможности соразмерно упдающим на их долю тягостям». Для этого всех избирателей планировалось разделить на три отдела «с тем, чтобы на каждый отдел причиталась одна треть всех уплачиваемых в городе повинностей; <...> таким образом, к первому отделу были бы причисляемы те платящие высшего размера повинности обыватели, на которых упадает до одной трети общей суммы повинностей; ко второму – обыватели, уплачивающие вторую треть повинностей, и к третьему – платящие низший размер повинностей обыватели, на часть которых причитается остальная треть». Каждый из этих отделов, несмотря на то что численность избирателей в них оказывалась различной (в первом – наименьшая, в третьем – наибольшая), должен был избирать одну треть гласных городской думы¹⁸.

Интересна мотивация введения данных принципов организации выборов. «Такая система, – гласит проект, – принятая новейшим законодательством некоторых западных государств (наприм[ер] в Пруссии и Австрии)¹⁹, можно надеяться, будет, с одной стороны, вполне удовлетворять тем целям, для которых собственно и устанавливается ценз при выборах, а с другой стороны, даст возможность принять участие в назначении представителей и обывателям менее достаточным, которые при возвышенном цензе были бы совершенно устранены от всякого участия в общественных делах; последнее будет отчасти соответствовать и выраженному некоторыми местными комиссиями желанию, чтобы не-

достаточные обыватели не были вовсе устраняемы от выборов, а пользовались бы правом составлять для этой цели собирательные голоса»²⁰. Следовательно, введение трехразрядной системы авторы проекта обосновывают как необходимость дать преимущество более состоятельным горожанам над менее состоятельными (в этом же и смысл введения ценза как такового), так и защитой интересов последних. Эти умозаключения выглядят казуистикой со значительной дозой лицемерия.

Главное, что можно понять из проекта: предлагаемая система являлась плодом не столько анализа существующих в России недостатков городских выборов и предложений местных комиссий, сколько результатом заимствования основных принципов муниципального законодательства Пруссии и Австрии. Кто же являлся инициатором этого заимствования? Проект «Положения о городском общественном управлении» и приложенное к нему представление с мотивацией подписаны министром внутренних дел П. А. Валуевым (занимавшим эту должность в 1861–1868 гг.), чью подпись «скрепил» директор хозяйственного департамента (с 1861 по 1879 г.) А. Д. Шумахер. В структуре МВД хозяйственный департамент был призван, кроме всего прочего, руководить городским хозяйством, поэтому, очевидно, разработка законопроекта велась именно в этом подразделении. Шумахер впоследствии упоминал в своих мемуарах, что проект нового городского общественного управления был составлен его ближайшим помощником – вице-директором департамента (1861–1865) Н. И. Второвым, причем Валуев, ознакомившись с проектом, остался высокого мнения о его авторе²¹. Следовательно, и Валуев, и Шумахер полностью разделяли высказанные Второвым идеи.

Как упоминалось выше, в том же 1864 г. Второв опубликовал специальную работу, в которой изложил принципы муниципальных выборов, действовавшие в западноевропейских странах. В начале 1860-х гг. во Франции, Бельгии и Италии избиратели голосовали по участкам, на которые делилась городская территория, тогда как в городах Австро-Венгерской империи и Прусского королевства электорат делился на разряды («wahlkörper») в зависимости либо от суммы уплачиваемых налогов, либо от получаемых доходов, либо от сочетания этих критериев²². Такие принципы муниципальных выборов в германских государствах закрепились в 1849–1850 гг. Второв передает и мотивы, которыми руководствовались германские законодатели, разделяя избирателей на курии. Они полагали, что горожанин, вносящий большую долю общинных налогов, должен иметь «большее участие в избрании облагающего его налогами и управляющего общинным имуществом представительства». Кроме того, по логике немецких правоведов, из наиболее зажиточных слоев населения в муниципалитет могут попасть самые интеллектуально одаренные представители:

«Общество нуждается вообще в физических и умственных силах его членов и в их гармоническом содействии для поддержания его существования и дальнейшего преуспевания. Чрез распределение же права голоса соразмерно количеству платимых налогов можно ожидать правильного результата, потому что как в беднейшем классе обыкновенно соединяется наибольшая сумма сил физических, так в богатейшем сосредоточивается наибольшая мера сил умственных. Истинно равномерное право голоса есть то, которое обеспечивает не только за многочисленнейшею частью народонаселения, но за всеми членами и элементами общества представительство, равномерно охраняющее их интересы и соответствующее их политическому и социальному значению»²³. Источником, из которого Второв почерпнул эти рассуждения, была работа немецкого юриста и публициста Людвиг фон Рёне «Муниципальный кодекс 11 марта 1850 г. с практическими комментариями»²⁴.

Книга Второва носила научно-справочный характер, благодаря ей российские чиновники, связанные с подготовкой городской реформы, получали представление об общих принципах организации европейских муниципальных систем и о тех мотивах, которыми руководствовались западные политики, вводя ту или иную модель. Сам же автор работы не высказывал в ней практических рекомендаций или симпатий в отношении какой-либо избирательной системы. Но, переходя к созданию проекта «Положения о городском устройстве», Второв естественно заимствовал те элементы муниципального законодательства, которые считал наиболее эффективными и полезными для России. Таким ему показался прусско-австрийский вариант системы городских выборов.

Стоит подчеркнуть, что хотя трехразрядный принцип был включен в первоначальную программу реформы именно Второвым, утверждало программу его начальство – Шумахер и Валуев, которые могли бы изменить любую ее часть, если бы сочли нужным. Кроме того, в силу служебного положения именно им, а не Второву²⁵, предстояло отстаивать проект в различных инстанциях. Забегая несколько вперед, надо отметить, что главную роль в «продвижении» проекта и осуществлении городской реформы Александра II сыграл не столько глава министерства внутренних дел, сколько директор хозяйственного департамента Шумахер. Об этом писал еще в конце 1890-х гг. один из первых исследователей эпохи Великих реформ – Г. А. Джаншиев: «Для судеб этого преобразования, несколько запоздавшего, было счастливою особенностью то обстоятельство, что реформой руководил не П. А. Валуев – почитатель половинчатых и неискренних мероприятий. В отличие от других реформ городская избежала расслабляющего и расшатывающего влияния этого много обещавшего на словах “либерала-соловья”. Как выработка, так и проведение Городового поло-

жения 1870 г. <...> находились в руках искреннего сторонника самоуправления Шумахера»²⁶.

Но и мнение Шумахера или даже Валуева не было определяющим в вопросе о будущей системе городского самоуправления, ведь прежде чем стать законом, проект должен был пройти несколько инстанций обсуждения и доработки, во время которых любая его статья могла подвергнуться изменениям. В том же 1864 г. он был направлен для рассмотрения во второе (кодификационное) отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – СЕИВК). Один из источников личного происхождения содержит любопытные подробности судьбы проекта во втором отделении. Здесь для работы по городской реформе была составлена специальная комиссия под руководством товарища главного управляющего отделением Д. М. Сольского²⁷. В эту комиссию попал и служащий второго отделения К. Ф. Головин, который в своих мемуарах сообщает: «Однажды курьер принес мне огромный пакет с бумагами и приглашение Дмитрия Мартыновича явиться к нему на следующий день. Конверт заключал в себе печатную записку тогдашнего министра внутренних дел П. А. Валуева и целый ряд отзывов на эту записку <...>. По принятому тогда обычаю, мне как делопроизводителю будущей комиссии <...> поручалось составить сводную записку из основных предположений министерства и из всех сделанных по этому поводу критик. Такая критика была делом обязательным, и плохим считался тот сановник, который не доказал бы, что мнение его коллеги совершенно неосновательно. Точно также сводная записка сколько-нибудь уважающего себя чиновника должна была непременно заключать в себе порицание существующего порядка, *примеры из иностранных законодательств* (выделено мной. – М. З.), мнения знаменитых ученых и окончательное заключение. <...> Всего забавнее было то, что ни Сольский, ни я об устройстве муниципалитетов на Западе и понятия не имели. А написать критику проекта все-таки было надо. По совету Дмитрия Мартыновича, я обратился к прусскому и французскому законодательству. Гнейста²⁸ я тогда совсем не знал и вынес впечатление, что мэр второй империи – какая-то двойственная личность – не то правительственный чиновник, не то представитель самоуправления, а что прусская трехразрядная система должна дать прекрасные результаты. Давала ли она их в самом деле, об этом я не беспокоился. Идея и Дмитрию Мартыновичу очень понравилась. Он откровенно признался, что про трехразрядную систему до сих пор не слыхал. Благодаря этому пустому случаю городские избиратели у нас были распределены на три группы согласно прусскому образцу. И вот так пишется у нас закон»²⁹.

Свои мемуары Головин создал по завершению карьеры, через много лет после описываемых событий, поэтому какие-то детали могли быть им переданы не совсем верно. Тем не менее,

выясняется, что чиновники второго отделения СЕИВК, так же как и служащие МВД, в вопросах законодательства охотно обращались к иностранному опыту и даже считали это, в определенном смысле, обязательным для себя. В изложении автора мемуаров заимствование прусской трехразрядной системы выглядит чуть ли не как его личная «заслуга», хотя скорее он в этом пункте согласился с первоначальным проектом. Так или иначе, ознакомившись с «критикой», составленной Головиным и Сольским, второе отделение СЕИВК рекомендовало изменить «Положение о городском общественном управлении» в статье, касающейся разделения избирателей на разряды, но только с точки зрения оснований этого разделения. Если министерский проект предполагал взять за основу сумму уплачиваемых избирателем налогов, то второе отделение считало более целесообразным отталкиваться, прежде всего, от стоимости недвижимой собственности и годового оборота предприятий, которыми владели горожане. Сам же принцип трех избирательных собраний, делегирующих по одной трети гласных в думу, оставался в неприкосновенности³⁰.

Дальнейшая судьба проекта была довольно сложной. К концу 1866 г. он попал в Государственный совет, причем статья об избирательных собраниях была отредактирована в духе пожеланий второго отделения СЕИВК³¹. В совете проект находился долго, а когда в марте 1868 г. П. А. Валуева на посту министра внутренних дел сменил А. Е. Тимашев, последний затребовал все материалы обратно в МВД, для того чтобы лично ознакомиться с началами грядущей реформы. Новый министр имел более консервативные взгляды, нежели его предшественник, и в этом смысле в проектируемом городском самоуправлении его внимание привлекла, прежде всего, избирательная система. Шумахер (сохранивший при смене министра свой пост директора хозяйственного департамента) позднее вспоминал: «Мне нетрудно было разъяснить Тимашеву, как человеку умному, что начала, на основании коих предположено преобразование городского общественного управления, вполне соответствуют консервативному направлению, так как, по силе этих начал, вместо шумного сборища всего городского общества, в состав которого входили купцы, мещане и ремесленники, и численность которых в больших городах доходила до нескольких тысяч и десятков тысяч, образовалась городская дума, состоявшая из нескольких десятков и, самое большее, сотен лучших людей, избираемых не бездомными мещанами и ремесленниками, но исключительно домовладельцами, в том числе и дворянами и почетными гражданами, а также лицами, выбравшими купеческие свидетельства первой и второй гильдии (с устранением 3-ей гильдии мелких торговцев), а такие избиратели наиболее заинтересованы в сохранении общественного порядка и спокойствия. <...> Когда мы

таким образом пришли к такому общему взгляду на земскую и городскую реформы, дела пошли совершенно гладко...»³² Следовательно, и нового главу МВД, после объяснений Шумахера, устроила проектируемая избирательная система, причем в этих объяснениях речь шла только о цензе, устраняющем от выборов «бездомных мещан и ремесленников», а не о делении «лучших людей» на три курии.

Все же министерство, повторно обсудив проект в своих внутренних структурных подразделениях, решило внести в него ряд частных поправок, после чего возникла необходимость согласовать их во втором отделении СЕИВК и Министерстве финансов... Неизвестно, сколько могли бы продолжаться подобные бюрократические проволочки, но правящие круги, видимо, осознали, что разработка реформы длится уже седьмой год и рискует затянуться еще на неопределенный срок. Чтобы форсировать подготовку нового городского законодательства Государственный совет инициировал создание межведомственной комиссии из представителей министерств внутренних дел и финансов, второго отделения СЕИВК, других ведомств, а также специально приглашенных в качестве экспертов городских голов и гласных из некоторых городов. Задача комиссии заключалась в выработке в определенные сроки окончательного проекта, который должен был поступить в Государственный совет до завершения «весенней» сессии 1870 г.

В заседаниях комиссии еще раз была обсуждена проектируемая избирательная система. Против деления на разряды высказался только один из экспертов, заявляя, что это противоречит «духу времени» и «историческому складу русского народа», может вызвать борьбу «голытьбы с людьми лучшими»³³. Однако подавляющее большинство, как чиновников, так и экспертов, категорически поддержало куриальную модель, сформулировав следующие мотивы. Во-первых, только так можно было бы обеспечить порядок на выборах, поскольку единственное общее собрание могло теоретически включать несколько тысяч избирателей, а разделение их на три курии значительно упрощало процедуру голосования. Во-вторых, заведование городскими делами не должно было замыкаться «в тесном круге лиц, принадлежащих к податным сословиям». Численное преобладание купечества и мещанства, при общей подаче голосов на выборах, исключало привлечение к делам самоуправления «высших классов общества», без которых, по мнению сановной бюрократии, «предполагаемые преобразования по городскому управлению не в состоянии были бы получить <...> широкое и плодотворное для общества значение и развитие». В-третьих, «всеми признанным и едва ли не единственно правильным началом» объявлялся тезис, что степень участия каждого горожанина в общественном представительстве должна строго соответствовать количеству уплачиваемых им налогов в городской бюджет. Такое

соответствие могла обеспечить именно разрядная система. Наконец, в-четвертых, проектируемая избирательная система положена в основу муниципального устройства «в более развитых законодательствах иностранных» и мотивы, по которым это сделано на Западе, совпадают с нашими: «устранить беспорядки, происходящие в многочисленных собраниях» и «не допустить преобладания большинства над меньшинством, неизбежного при совокупной подаче голосов». К этому прибавлялось, что «в Австрии и Пруссии избиратели разделяются на классы, сообразно количеству платимых ими податей», чтобы «предоставить преимущественнейшее участие на выборах лицам, платящим наибольшие подати»³⁴.

Эти доводы и стали для комиссии решающими в вопросе об утверждении в проекте трехразрядной избирательной системы. Кроме того, в качестве основы для разделения избирателей на разряды было решено принять не стоимость их недвижимости, принадлежность к купеческим гильдиям или размер годового оборота принадлежащих им предприятий³⁵, а сумму уплачиваемых в пользу города налогов (как это предполагал первоначальный проект 1864 г.). Отстаивая эту идею, все тот же Шумахер заявил, что «на осуществление этой мысли <...> признавалось бы возможным и правильным решиться, не опасаясь каких-либо вредных последствий, тем более, что она принята во многих иностранных законодательствах» и опять-таки привел в пример Пруссию и Австрию, где городской электорат делился на три группы, каждая из которых перечисляла в бюджет города одну треть от общей суммы уплачиваемых избирателями налогов. Комиссия без прений единогласно приняла предложенную Шумахером модель³⁶.

Если у входивших в состав комиссии высокопоставленных чиновников и экспертов приведенные выше мотивы вопросов не вызвали, то историк не может не подвергнуть их пристальному анализу. Первым это сделал крупный специалист по истории городского самоуправления России в XVIII–XIX вв. И. И. Дитятин. Уже в 1875–1877 гг. он опубликовал двухтомное сочинение, посвященное эволюции городского устройства нашей страны с конца XVII в. до 60-х гг. XIX столетия³⁷. Рассмотрев политику российского правительства в отношении городов в связи с муниципальными реформами, происходившими в тот же период в западноевропейских государствах, этот автор пришел к выводу, что отечественные законодатели зачастую механически копировали некоторые внешние формы западного городского устройства. Причем происходило это тогда, когда городское развитие шло в двух соседствующих цивилизациях в прямо противоположных направлениях. Уровень административной самостоятельности муниципалитетов на Западе в XVIII–XIX вв. снижался, а надзор над ними со стороны государства возрастал. В то же время в России со времен Петра I главной задачей государства было побу-

дить городское население к самостоятельности, «создать, выработать в нем просто тенденцию к самостоятельности». Но поскольку, как отмечалось выше, многие принципы муниципального устройства в этот период заимствовались из Западной Европы, вместе с ними сюда проникало «опасливое, почти враждебное отношение правительства к городской автономии»³⁸.

Данная противоречивая тенденция проявила себя, по мнению Дитятина, и в городской реформе Александра II. В своей работе «К истории Городового положения», опубликованной в 1885 г., он подверг сомнению убедительность аргументов, высказанных в пользу трехразрядной избирательной системы. Почему, – задавал он риторический вопрос авторам городской реформы, – для устранения беспорядка на выборах, вызываемого многочисленностью избирателей, необходимо делить их на разряды в соответствии с уплачиваемыми налогами, тогда как этой же цели можно было добиться простым созданием территориальных избирательных округов (например, по кварталам города)? Каким образом трехразрядная система сможет устранить «влияние страшного почему-то большинства», если в каждом собрании выборы все равно будут осуществляться решением отнюдь не меньшинства? «Что-то все не то», – пишет Дитятин. Даже стремление привлечь к муниципальной службе «высшие классы общества», которые могли бы сделать самоуправление более эффективным, на практике не осуществилось, поскольку безграмотная или полуграмотная масса избирателей из податных сословий все равно доминировала во всех трех куриях и определяла основной состав гласных дум (это показали городские выборы в 1870-х и начале 1880-х гг.)³⁹.

С точки зрения Дитятина, основной причиной внедрения правила о делении избирателей на три разряда было то, что оно «вовсе не изобретено в недрах министерских канцелярий, а просто позаимствовано у богатых опытом соседей»⁴⁰. При этом была заимствована не только сама форма «трехразрядного» голосования, введенного в прусских городах с 1850 г., но и мотивация такой системы, за что автор жестко критикует создателей проекта. Власти Пруссии объясняли необходимость деления избирателей на три разряда тем, что «одинаковым обязанностям должны соответствовать одинаковые права», т. е. люди, уплачивающие одну треть городских налогов, должны иметь пропорциональное представительство в городском самоуправлении. Прусские законодатели, закрепляя для зажиточной части горожан преимущество на выборах перед малоимущими, видели в этом положительный момент, поскольку «как в среде бедных преобладают силы физические, так в среде богатых – силы умственные», а посему закон о трех разрядах избирателей и водворяет в городском управлении «ум богатых»⁴¹. Дитятин ставит под сомнение обоснованность этих построений и считает, что

истинная цель введения в прусских городах трехразрядной системы была чисто политической и заключалась «в устранении от представительства элементов в общественном и политическом отношениях *сомнительных* (курсив Дитятин. – М. З.), так встревоживших правительство в шумные дни мартовской революции^{42,43}».

Парадоксальным образом русская бюрократия решила заимствовать прусскую избирательную систему, хотя не могла иметь тех же политических мотивов, что и королевское правительство. «Наше более чем благонадежное в политическом отношении городское население, – пишет Дитятин, – никоим образом не заслуживало подозрения в его неблагонадежности»⁴⁴. Тем не менее, при длительном обсуждении проекта городской реформы, при его переработке в 1866 и 1869 гг., прусская трехразрядная система в нем сохранилась и вошла в утвержденное 16 июня 1870 г. Городовое положение. Автор отмечает, что хотя полемика, разворачивавшаяся в эти годы вокруг реформы, неоднократно затрагивала предлагаемую систему голосования и принципы предоставления избирательных прав, но сторонники прусского варианта неизменно одерживали верх.

На мой взгляд, Дитятин несколько переоценивает политические мотивы российских чиновников. Полемика, о которой он пишет, прежде всего, затрагивала основания предоставления избирательных прав (характер и размер избирательного ценза), а не разделение электората на курии. Именно цензом правительство пыталось устранить неблагонадежные в смысле охраны «общественного порядка и спокойствия» элементы от городского самоуправления. Но избирательные права жители городов получали независимо от размера уплачиваемых сборов в муниципальный бюджет. Сам факт внесения в городскую казну любых налогов⁴⁵ давал возможность широкого участия в общественных делах. Куриальный же принцип имел и некоторые прогрессивные для России того времени элементы.

Так, одним из мотивов его введения было стремление правящей бюрократии привлечь к городскому самоуправлению людей с высоким уровнем образования, способных эффективно заниматься муниципальной работой. Дитятин справедливо указывает, что куриальная система вряд ли была способна обеспечить такой результат, поскольку «богатство» и «образование» не являются синонимами. Здесь российские чиновники попали под влияние рассуждений прусских законодателей. Но нельзя отрицать, что правительство Александра II действительно пыталось решить эту важнейшую на тот момент проблему активного вовлечения образованного слоя (представленного тогда, в основном, дворянами и чиновниками) в городские дела.

Другим относительным достижением куриальной системы было то, что она заменила деление городских избирателей по сословиям.

Стремление к разрушению сословных привилегий и ограничений пронизывало многие реформы Александра II, особенно судебную и военную. И если в земском Положении 1864 г. законодатели еще сохраняли сословный принцип представительства, то городская реформа 1870 г. пошла дальше по этому пути. Полностью слить всех избирателей в единую массу законодатели тогда еще не решились, но деление избирателей по принадлежности к социальным категориям заменила схожая по форме и абсолютно другая по сути куриальная система. Окончательное расставание с элементами сословного строя в городском самоуправлении было зафиксировано Городовым положением Александра III.

Примечания

- 1 Городовое положение 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. (Далее – ПСЗ-II). Т. 45. Отд. 1. 1870 год. СПб., 1874. № 48498. С. 825.
- 2 См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России : в 2 т. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877 ; *Его же*. К истории Городового положения 1870 г. // Юридический вестник. 1885. Т. 18, кн. 1–3.
- 3 См.: Джанишиев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. 8-е доп. изд. М., 1900. С. 507–540.
- 4 См.: Шрейдер Г. И. Город и Городовое положение 1870 г. // История России в XIX в. : в 9 т. Т. 4. СПб., 1908. С. 1–29 ; Пичета В. И. Городская реформа 1870 г. // Три века : в 6 т. Т. 6. М., 1913. С. 173–179 ; Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913.
- 5 См.: Горловский М. А. История городской реформы 1870 г. в России. Подготовка реформы // Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Ученые записки. Вып. 5. Общественные науки. Свердловск, 1948. С. 74–93.
- 6 См.: Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. : Правительственная политика. Л., 1984. С. 31–32, 42–44.
- 7 См.: Свиридова Т. А. Европейские модели местного самоуправления в русской публицистике середины XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 152–165 ; *Ее же*. Прусский (германский) тип местного самоуправления в русской публицистике и историко-правовой мысли (1840-е гг. – 1917 г.) // Российская история. 2009. № 2. С. 15–24.
- 8 Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи : в 6 т. Т. 1. СПб., 1877. С. III.
- 9 См.: Дитятин И. И. К истории Городового положения 1870 г. Кн. 1. С. 4–5.
- 10 В частности, в Пруссии со времен реформы Г. Фон Штейна 1808 г. выборы в муниципалитеты осуществлялись по городским территориальным округам независимо от принадлежности к сословиям или корпорациям. С 1831 г. городским общинам было разрешено самостоятельно (если они этого хотели) делить избирателей на классы «смотря по занятиям или

- образу жизни». Кроме того, в некоторых частях Прусского королевства (Познань, Вестфалия, прирейнские провинции) до середины XIX в. существовали особые муниципальные системы, испытавшие влияние французского законодательства революционной эпохи, которое стремилось ликвидировать сословные ограничения. См. об этом подробнее: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 65–106.
- 11 Циркулярное предложение Министерства внутренних дел о доставлении соображений относительно улучшения общественного управления в городах (от 26 апреля 1862 года за № 61) // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 1. С. 2.
  - 12 См.: *Городские поселения в Российской империи* : в 7 т. СПб., 1860–1865 ; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. I–II ; *Муллов П. А.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864.
  - 13 См.: *Второв Н. И.* Сравнительное обозрение муниципальных учреждений Франции, Бельгии, Италии, Австрии и Пруссии, с присовокуплением очерка местного самоуправления в Англии. СПб., 1864.
  - 14 Жалованная грамота Екатерины II устанавливала шесть сословных категорий городских избирателей, но реалии российских городов первой половины XIX в. свели муниципальные выборы к голосованию трех сословий – купцов, ремесленников и мещан. См.: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 156–160.
  - 15 См.: Свод соображений местных комиссий об улучшении городского общественного управления // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 1. С. 144.
  - 16 См.: Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга // *ПСЗ-II*. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1847. С. 235 ; Положение об общественном управлении города Москвы // *ПСЗ-III*. Т. 37. Отд. 1. СПб., 1865. С. 222.
  - 17 См.: Свод соображений местных комиссий об улучшении городского общественного управления // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 1. С. 147–148.
  - 18 Проект представления Министерства внутренних дел об устройстве городского общественного управления (составленный в 1864 году) // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 1. С. 261–262.
  - 19 Здесь в тексте следует отсылка к упомянутой выше работе Н. И. Второва «Сравнительное обозрение муниципальных учреждений Франции, Бельгии, Италии, Австрии и Пруссии, с присовокуплением очерка местного самоуправления в Англии».
  - 20 Проект представления Министерства внутренних дел об устройстве городского общественного управления (составленный в 1864 году) // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 1. С. 262.
  - 21 См.: *Шумахер А. Д.* Поздние воспоминания о давно минувших временах // *Вестник Европы*. 1899. Кн. 4. С. 711.
  - 22 См.: *Второв Н. И.* Указ. соч. С. 168–174.
  - 23 Там же. С. 173.
  - 24 *Rönne L.* Die Gemeindeordnung vom 11 märz 1850 nebst praktischen Kommentar. Brandenburg, 1850.
  - 25 Тем более, что Н. И. Второв умер в декабре 1865 г.
  - 26 *Джанишиев Г. А.* Указ. соч. С. 750.
  - 27 Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), на тот момент молодой чиновник СЕИВК, впоследствии сделал блестящую карьеру, закончив ее на посту председателя Государственного совета (1905–1906), с титулом графа.
  - 28 Гнейст Рудольф Герман Фридрих (1816–1895) – прусский юрист и политик, принимавший активное участие в реформах местного самоуправления Германской империи после ее создания в начале 1870-х гг. В своих историко-правовых трудах высоко оценивал роль системы местного самоуправления в Англии для развития гражданских свобод в этой стране.
  - 29 *Головин К. Ф.* Мои воспоминания : в 2 т. Т. 1. СПб., 1908. С. 158–161.
  - 30 См.: Замечания второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии на проект Положения о городском общественном управлении и городском хозяйстве // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 1. С. 487–488.
  - 31 См.: Проект Положения о городском общественном управлении, внесенный в Государственный совет 31 декабря 1866 года // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 2. С. 11.
  - 32 *Шумахер А. Д.* Указ. соч. С. 726, 727.
  - 33 Второй журнал Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру проекта Положения о городском общественном управлении и хозяйстве, с участием приглашенных к занятиям оной, в качестве экспертов, представителей от городских общественных управлений // *Материалы, относящиеся до нового...* Т. 3. С. 216.
  - 34 Там же. С. 218–220.
  - 35 На таких критериях базировалась статья о городских избирательных съездах в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях», утвержденном 1 января 1864 г.
  - 36 См.: Второй журнал Высочайше учрежденной комиссии... С. 224–226.
  - 37 *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. 1. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875 ; *Его же.* Устройство и управление городов России. Т. 2. Ярославль, 1877.
  - 38 *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 109–113.
  - 39 *Дитятин И. И.* К истории Городового положения 1870 г. Кн. 2. С. 211–212.
  - 40 «Не даром же, – иронизирует он, – один из министерских чиновников ездил к этим соседям для изучения их городских порядков на месте, не даром министерство потратилось на издание книги, как результатов этой поездки – «Муниципальные учреждения в главнейших государствах западной Европы», недвусмысленно намекая на командировку Н. И. Второва в 1861 г., во время которой тот собирал материалы для своего труда. (Там же. С. 209).
  - 41 *Дитятин И. И.* К истории Городового положения 1870 г. Кн. 2. С. 209, 210.
  - 42 Мартовская революция – политические события, происходившие в германских государствах с марта 1848 г.

под лозунгами объединения Германии и развития в ней буржуазно-демократических прав и свобод.

⁴³ Дитятин И. И. К истории Городового положения 1870 г. Кн. 2. С. 210.

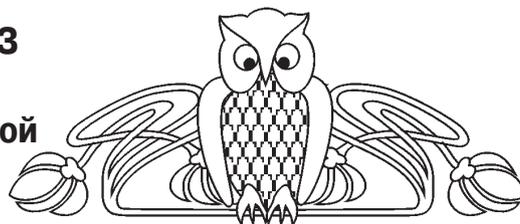
⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Практика применения Городового положения 1870 г. в

таком крупном городе Российской империи, как Саратов показала, что избирателями становились даже те, кто вносил буквально несколько копеек налогов в год. См.: Зайцев М. В. Муниципальные выборы и состав Саратовской городской думы в 1871–1892 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 38–48.

УДК 94(47).083+929

ЗАКАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ИЛИ ОБРАЗ ВЛАСТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В работе с использованием материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства предпринята попытка анализа деловых и морально-психологических качеств некоторых ключевых фигур царского режима, составивших характерные черты образа власти последних лет правления Николая II.

Ключевые слова: Российская империя, образ власти, Чрезвычайная следственная комиссия.

Sunset Russian Empire or Image Power Revolutionary Era (on Materials Extraordinary Commission of Inquiry Provisional Government)

Yu. V. Varfolomeev

In this paper, using materials of the Extraordinary Commission of Inquiry Interim Government an attempt is made to analyze the professional and moral and psychological qualities of some key figures in the Tsarist regime, formed the characteristic features of the image power in recent years the reign of Nicholas II.

Key words: Russian Empire, an image of authority, Extraordinary Commission.

На протяжении всего царствования Николая II постоянно находился под тем или иным внешним влиянием. Самым постоянным и сильным из них следует, безусловно, признать влияние его жены – императрицы Александры Федоровны. Однако в последнее десятилетие его правления, и особенно после гибели премьер-министра П. А. Столыпина, стало заметным влияние на него реакционных, так называемых безответственных и «темных» сил. А. И. Гучков определил «три гнезда» этих реакционных сил: во-первых, – придворные сферы – камарилья¹; во-вторых, – группа высших бюрократов, которые объединились в виде правого крыла в Государственном совете, и, в-третьих, – так называемое объединенное дворянство². Последняя сила, конечно, не являлась выразителем интересов всего дворянского

сословия, а только его части – наиболее консервативной верхушки, и напрямую не входила в состав законодательных учреждений, но, тем не менее, оказывала существенное влияние на политику правительства.

Впервые развернутую характеристику так называемых безответственных сил дал лидер октябристов Гучков. «При первых моих соприкосновениях с верховной властью и с представителями власти правительственной я пришел к убеждению, – заявил он на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК), – хотя это убеждение и не ново, что в нашей государственной жизни играют решающую роль не те видимые носители власти, которые представляют собой как бы ее фасад, а закулисные силы, которые, конечно, находят себе пристанище в разных центрах, но, главным образом, прочное гнездо свили себе в дворцовых сферах, откуда они невидимо управляют судьбами России и действиями официальных представителей власти»³.

Та же самая картина вырисовывалась и в вопросах внутренней политики. Даже представители либерально-консервативных сил не сомневались в том, что правительство в лице П. А. Столыпина, хотя и расходилось с радикальными требованиями самых нетерпеливых кругов русского общества, все-таки ставило перед собой весьма прогрессивные задачи, реализация которых привела бы к значительным улучшениям и в государственном управлении, и в хозяйственно-экономической сфере. «Но здесь точно так же мы замечаем ту же борьбу закулисных влияний с видимыми носителями власти, – отмечал А. И. Гучков, – и по мере того, как страх перед переворотом отходит в область истории, крепнут и растут эти элементы реакции»⁴. Таким образом, официальной власти в лице Столыпина, пытавшейся путем взаимных уступок добиться чего-нибудь существенного в осуществлении реформаторского курса, приходилось вести тяжелую борьбу с безответственными силами и, к сожалению, сдавать одну позицию за

другой. Гучков считал, что эта политика компромиссов, проводимая главой правительства, была ошибочной. «Может быть, надо было послушаться моих советов, – полагал лидер октябристов, – дать бой и порвать с этими влияниями; но ответственность за реакционную политику, ознаменовавшую эти годы, приходится перекинуть все-таки на сторону безответственных влияний и главным образом влияний придворных»⁵.

Когда речь зашла о «безответственных придворных кругах», то в первую очередь ЧСК заинтересовал вопрос: входили ли в эти сферы великие князья? Гучков по этому вопросу высказался весьма однозначно: «Несомненно, – заявил он. – Я считаю их чрезвычайно ответственными за состояние нашей обороны и нашего военного дела. Но, как вы сами знаете, за последние годы их роль во внутренней нашей жизни была сведена на нет, потому что на их место стали совсем другие лица, потому что, по отношению к ним образовалась оппозиция, и они сами были взяты под подозрение»⁶.

В то же время протопресвитер русской армии Г. И. Шавельский считал, что влияние великих князей на императора было незначительным: «они очень боялись и в решительный момент прятались за спины других»⁷, – пояснял он, и в доказательство малозначительности и никчемности великих князей приводил мнение о них герцога Лейхтенбергского: «Владимировичи – шалопаи и кутилы; Михайловичи – стяжатели, Константиновичи – в большинстве какие-то несуразные. Все они обманывают государя и прокучивают российское добро». В примечании Шавельский уточнял: «Я сильно смягчаю фактические выражения герцога»⁸. Принимая все это во внимание, Аврех предполагал, что если бы великие князья были «...действительными политическими фигурами, пользующимися авторитетом и весом в определенных политических кругах, обладай они способностью сколь-нибудь широко мыслить и действовать, стать в критическую для строя минуту выше собственных шкурных интересов – одним словом, не будь они мелкой, ничтожной, паразитарной, выродившейся кучкой, царь просто не смог бы не посчитаться с их мнением и требованиями»⁹.

Между тем великие князья традиционно находились во главе Главных управлений русской армии, и эти ведомства становились, по сути, их «удельными княжествами», как метко выразился А. И. Гучков. Когда правительство П. А. Столыпина при поддержке думского центра приступило к реформам в армии, то они очень скоро убедились в том, что никаких преобразований, сколько-нибудь серьезных, нельзя провести при том строе военного ведомства. Любой важный вопрос, касавшийся военной политики, а тем более крупных реформ в этой сфере, неизменно замыкался на Совет Государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича. «Убедить

в необходимости реформ военное ведомство, убедить народное представительство – этого было недостаточно, – уточнял Гучков, – нужно было преодолевать еще и симпатии или антипатии, возражения или предрассудки того или другого из великих князей, стоявших во главе ведомства, и затем еще все это провести через инстанцию совета Государственной обороны, находившейся под председательством Вел. кн. Николая Николаевича...»¹⁰

По мнению великого князя Александра Михайловича, его двоюродный брат великий князь Николай Николаевич имел в императорской семье самое большое влияние на государственные дела. «Два важнейших акта в истории России – манифест 17 октября 1905 года и отречение Императора Николая II 2 марта 1917 года, – считал он, – следует приписать полнейшей aberrации политического предвидения Великого князя Николая Николаевича»¹¹. В то же время он резонно указывал на слабости Николая Николаевича как политика, который, по его мнению, «терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта. Всеобщая забастовка в октябре 1905 года поставила его в тупик, так как кодекс излюбленной им военной мудрости не знал никаких средств против коллективного неповиновения»¹².

Практика политической жизни царской России показывала, что вокруг великих князей, как правило, вращались люди корыстные и недобропорядочные, пользовавшиеся неосведомленностью особ царской фамилии в том или ином вопросе, так как сами великие князья подчас или не хотели, или не имели возможности глубоко вникнуть и разобраться в той или иной проблеме. «К известным предрассудкам, известной рутине, которой они пропитаны, присосались еще всякие посторонние вредные влияния, – отмечал А. И. Гучков, – и когда мы толкнулись, в деле реформ, туда и сюда, и увидали, что не можем преодолеть препятствия, я выступил с речью по смете, где указал на вред присутствия безответственных людей и настаивал на их устранении»¹³.

Члены Государственной думы, в том числе и крайние правые, единогласно присоединились к формуле «об отстранении безответственных лиц из военного ведомства», которую предложил лидер октябристов, и это обстоятельство, несомненно, повлияло на то, что некоторые из великих князей тогда добровольно покинули свои посты, а влияние других если и не было сведено на нет, то, во всяком случае, ослабило их позиции. Вместо должностей начальников Главных управлений они были переведены на должности генерал-инспекторов и лишь с правом вмешательства в некоторые дела, например хозяйственные, соответствующих ведомств. Им было поручено наблюдение за общим ходом дел этих учреждений без права принимать соб-

ственные распоряжения. Между тем за великими князьями оставалось право доводить до сведения военного министра замеченные ими недостатки в военном устройстве, а также соображения о необходимости принятия тех или иных мер. Однако окончательное решение все равно оставалось за руководителем военного ведомства. В то время как великие князья Константин Константинович и Петр Николаевич подчинились решению императора и не только формально, но и фактически перешли на должности генерал-инспекторов, великий князь Сергей Михайлович по-прежнему оставался безраздельным хозяином артиллерийского ведомства и своим вмешательством вносил серьезный диссонанс в его работу.

Как ни значительны были непродуманные шаги и ошибки августейших родственников царя, все-таки наихудшее положение в военном ведомстве пришлось на время руководства им В. А. Сухомлиновым.

В ходе расследования дела Сухомлинова перед Президиумом ЧСК встала проблема юридической квалификации его деятельности на посту военного министра царского правительства. Предстояло ответить на главный вопрос: является ли его поведение изменой или только бездействием власти, повлекшим за собою тяжелые последствия? Следователи И. А. Кузмин и В. П. Носович усмотрели в этом лишь бездействие власти, а Президиум комиссии высказался за измену. А. Я. Аврех считал, что единственным следственным делом в активе комиссии по части измены было дело Сухомлинова. «Но и оно было мнимым, – пришел к заключению исследователь. – Обвинение Сухомлинова в государственной измене и шпионаже, так же как и С. Н. Мясоедова, было ложным. В отношении последнего это очень убедительно показал К. Ф. Шацилло¹⁴. А. Л. Сидоров, изучив материалы “дела Сухомлинова”, находившиеся в фонде ЧСК, также пришел к выводу, что тот не был шпионом»¹⁵.

Вместе с тем, эти выводы противоречат заключениям, сделанным членами комиссии. Например, такой въедливый и опытный правовед, как С. В. Завадский поддержал идею составления обвинительного акта в отношении Сухомлинова по признакам измены. Мотивируя свою позицию, он рассуждал так: «Не озаботиться достаточным запасом снарядов и вооружения во время войны, когда решается вся будущая судьба родины, слишком большая для военного министра небрежность и естественной признана быть не может; до такой степени бездействовать мог бы разве человек, или вовсе не сведущий в военном деле, или крайне ограниченный или поразительно легкомысленный¹⁶; ни тем, ни другим, ни третьим считать Сухомлинова у меня не было основания; а еще более подозрительной становится подобного рода беспечность, если не упустить из виду, что командование армии неустанно будило министра от сна...»¹⁷

Проблема квалификации дела военного министра находилась в центре внимания ЧСК в первые месяцы ее работы: «мы потратили много времени на обсуждение вопроса о дальнейшем направлении дела Сухомлинова»¹⁸, – засвидетельствовал Завадский. Канвой этого дела, несомненно, выступала измена, слухи о которой курсировали в различных слоях общества на протяжении нескольких лет. А. Я. Аврех справедливо указал на то, что «слухи об “измене” стали широко муссироваться по стране, начиная с момента галицийского разгрома и отступления весной и летом 1915 г. Здесь мы наблюдаем два параллельных, а иногда и перекрещивающихся потока слухов: в “низах” – в обывательской массе и в “верхах” – в помещичье-буржуазных и даже придворных кругах»¹⁹.

Между тем и среди сотрудников ЧСК были те, кто считал, что «сухомлиновское дело, как и все другие, тем более оказалось пухом, материалов особых нет»²⁰, – так заявил в приватной беседе С. П. Мельгунову его друг – следователь комиссии Ф. П. Симсон²¹. Думается, что это мнение наглядно демонстрирует характерное разочарование, свойственное людям, рассчитывавшим увидеть в работе комиссии более грандиозные разоблачения.

Однако председатель ЧСК Муравьев не считал «пухом» преступное равнодушие высших военных чиновников к обеспечению жизнедеятельности армии. На примере нескольких эпизодов комиссией была доказана преступная бездеятельность и халатность бывшего царского министра в ходе боевых действий периода Первой мировой войны. Подобное должностное преступление генерала Сухомлинова «...помимо сношения с каким-нибудь германским агентом, с нашей точки зрения, – отмечал председатель ЧСК, – еще глубже позволяет нам поставить обвинение по 108 ст., т. е., в государственной измене, т. е. в поспешествовании неприятелю во время военных действий». Таким образом, не заикливаясь на представленной в деле хитросплетенной шпионской паутине сухомлиновского дела, председатель ЧСК мотивированно указал на прямую связь должностного преступления царского министра с тяжелейшими поражениями русской армии на фронте. А это, несомненно, и есть не что иное, как пособничество неприятельским войскам, а значит – государственная измена.

Протоколы допросов некогда «сильных мира сего», ещё недавно вершивших судьбу Российской империи, представляют собой красноречивый материал, характеризующий личные качества и деятельность ключевых фигур власти павшей монархии. В этом отношении яркой иллюстрацией прогнившей бюрократической системы Российской империи может служить запечатленный сотрудниками ЧСК портрет И. Л. Горемыкина. Бывший председатель Совета министров, по мнению близко знавших его людей, не отличался качествами необходимыми политику столь высокого ранга. «Природный лентяй, – так характеризовал

его В. И. Гурко, и уточнял, – он не хотел никакого портфеля, а ограничиться проведением своих мыслей»²². Еще более убийственную характеристику подследственному дал секретарь комиссии А. А. Блок: «Горемыкин – полный рамолик, от него ничего не узнать, воли у него уже нет, не на что действовать <...> Горемыкин еще более деформирован»²³.

Вопреки этому наблюдению Аврех назвал Горемыкина «матерым царским бюрократором», хотя вынужден был при этом все-таки признать, что тот, «выражаясь спортивным языком, далеко не в лучшей форме, <...> очень умно и хитро держался на допросе», и которому, в итоге, председатель комиссии Муравьев «проиграл по всем статьям»²⁴. То, что бывший царский премьер находился «далеко не в лучшей форме», было сказано еще очень мягко. Он вообще, по образному выражению Блока, был «деформирован»! 78-летний старик был, очевидно, «расплющен» тяжелыми обстоятельствами и переживаниями, свалившимися на него. Его «пограничное» состояние между жизнью и смертью точно отобразил секретарь комиссии: «В паузах Горемыкин дремлет или вдруг уставится вперед тусклыми глазами и смотрит в смерть. <...> Горемыкин – полный рамолик»²⁵, от него ничего не узнать, воли у него уже нет...»²⁶, а С. В. Завадский дополнил к портрету Горемыкина еще несколько штрихов: «бедный старик имел жалко согбенный вид»²⁷.

Между тем полумаразматичный и полуживой старик, каким он запомнился очевидцам, предстал в изображении Авреха хитрым и умным дебатером, разбившим муравьевский тезис о делегировании царских полномочий. По версии уважаемого историка, получалось так, что «всякий раз, когда Муравьев заводил речь о “делегировании”, он попадал в трудное положение. Особенно насолил ему Горемыкин...»²⁸. Да, действительно, Горемыкин «насолил» председателю и в целом всей комиссии, но только тем, что не смог вразумительно ответить по существу ни на один из поставленных ему вопросов и ничего толком не сообщил комиссии. Этот факт предельно точно зафиксировал Блок: «От этого допроса ничего нельзя получить для комиссии...»²⁹ Горемыкин сомнамбулически твердил: «...дело шло “о числе, о числе”»³⁰. Но Муравьев, не теряя терпения, пытается втолковать бывшему главе правительства: «Видите ли, когда Государственная Дума находится в борьбе с правительством, тогда, во-первых, соглашение с председателем ее является пустым звуком: Дума ведь не желает расколоться; во-вторых, выбор числа не является выбором просто цифровым, а является выбором момента; Дума живет и борется с правительством, надо пресечь эту борьбу; выбор момента для пресечения предоставляет себе председатель совета министров»³¹.

Допрос Горемыкина по этой проблеме закончился тем же, чем и начался – увиливанием сановника от прямых и точных ответов на четко

и недвусмысленно сформулированные вопросы. Резюмируя показания допрашиваемого, Муравьев обратился к нему: «Да, вы (Николай II, И. Л. Горемыкин и др. министры. – Ю. В.) сговаривались раньше, но о чем же вы могли сговариваться, как не о том, что лучше, чтобы Дума поменьше работала, поменьше жила; в такой общей форме; между тем, закон требовал от вас иного»³². Что требовал от него, как от главы правительства, закон, Горемыкин так и не понял или сделал вид, что не понял, а в свойственной ему манере ответил – ни «да», ни «нет»: «Я вас понимаю, но дело в том, что я не знаю; может быть, это правда; но я ничего не могу сказать в настоящее время»³³.

Наряду с этим ЧСК заинтересовал вопрос о попытках безответственных сил, особенно в конце 1916 – начале 1917 г., поднять и возвысить до государственного значения реакционные, промонархические элементы. «Я говорил об этом в течение всего десятка лет, – заявил членам комиссии П. Н. Миллюков, – и для меня это было красной нитью всей моей политической борьбы, потому что я считал, что здесь главное зло. Куда бы мы ни уходили, мы возвращались к этому пункту»³⁴. Еще до войны, 26 апреля 1914 г., Миллюков, выступая с думской трибуны, обратил внимание общества на то, что «Теперь союз правительства с партией правительственного переворота совершается открыто и цинично»³⁵. Под «партией правительственного переворота» он имел в виду Союз Михаила Архангела. Особую озабоченность в либеральных кругах вызывала консолидация безответственных сил из «гнезда высших бюрократов правого крыла Государственного совета» с черносотенными элементами. В подтверждение оформления такого союза цитировались слова министра внутренних дел Н. А. Маклакова, сказанные им на приеме представителей черносотенной армии железнодорожников Всероссийского национального союза, которую создал министр путей сообщения С. В. Рухлов: «принимаю этот знак, а членом вашего союза я был и всегда буду»³⁶.

Миллюков всегда подозревал, где находятся корни такого рода элементов, и следил за внешними проявлениями, подбирая фактический материал. «Но мне всегда приходилось клеить мозаично из отдельных фактов, часто мелких, – признавался он. – Так что мои сведения апостериорны, они, скорее, догадки, чем сведения. Относительно Маклакова, для меня не было сомнения, что он стоял очень близко у источника, пользовался личным доверием, вкравшись в это доверие, когда ликвидировали Столыпина, что он ведет определенную линию, что он не может отступить ни на йоту. Поэтому я всегда старался его проверять, всегда старался подчеркивать психологию его выражений, которые он употреблял»³⁷.

В то же время главным вдохновителем правых направлений в правительстве и безответственных влияний, по мнению М. В. Родзянко, был последний министр торговли князь В. Н. Ша-

ховской. Это был убежденный сторонник правых течений, который очень враждебно относился к особому совещанию и к Государственной думе, и в частности к ее председателю. Правда уже в последнее время он всячески старался помириться с Родзянко и с Думой, но они на это не пошли, так как считали его влияние в правительстве крайне вредным. Были сведения о том, что отставка генерала А. А. Поливанова с поста военного министра произошла при непосредственном участии кн. Шаховского³⁸.

Внимание президиума ЧСК привлекла также деятельность так называемого кружка сенатора А. А. Римского-Корсакова, который они склонны были расценивать как неформальный центр координации безответственных влияний на политику правительства. Однако ни от одного ведущего и сведущего политика того времени – М. В. Родзянко, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова получить какие-либо конкретные данные, подтверждающие эти предположения, комиссии не удалось. Они все как один утверждали, что деятельность этого кружка им малоизвестна.

Точно так же на вопрос председателя комиссии Н. К. Муравьева о политическом салоне Б. В. Штюрмера, который привел его к власти и около которого сосредоточились атаки на основные законы, Родзянко однозначно заявил, что ему этот салон неизвестен, и что он не понимает, зачем ему надо было заводить этот салон, «когда он через Распутина, без всякого салона, на одной этой кухне, мог все сделать великолепно. Я Штюрмера великолепно знаю по Новгородской губ., где он был губернатором. Он единственный губернатор, который уехал без проводов. Его никто не провожал, кроме хора оркестра пожарных, и то они играли какой-то марш из оперетки. Так что ему, для усиления политического влияния, не надо было салона, он был и так крепок в Александро-Невской лавре; ко мне монахи бегали и говорили, что Распутин все там сидит с Питиримом и Штюрмером. Я не думаю, чтобы этот салон имел значение. Теоретически я знал, что кружок Римского-Корсакова существует»³⁹.

Тем не менее, влияние этого кружка, своеобразного «теневого» правительства, на политическую жизнь страны было заметно. Из этих сфер в адрес императора регулярно направлялись записки, в которых резко оценивалась деятельность Государственной думы, а также высказывались предложения, как, например, в пресловутой записке М. Я. Говорухо-Отрока, об изменении Основных законов с целью политической программой в этом направлении. Не зная о закулисных маневрах безответственных сил, М. В. Родзянко, как и многим депутатам, в конце 1916 – начале 1917 г. стали известны слухи о грядущем усилении правого крыла Государственного совета после того, как в нем возобладали свободомыслящее направление. Указывали на то, что под подозрением оказался сенатор Н. С. Таганцев, а сенатору С. С. Ману-

хину правые, очевидно, «готовили чемодан для отъезда».

Председатель III Государственной думы А. И. Гучков, общаясь по должности с императором, всегда «чувствовал присутствие или помеху со стороны так называемых темных сил. Надо сказать, что все мои доклады, которые приходилось делать государю, происходили, конечно, с глазу на глаз, – вспоминал он. – С внешней стороны, они встречали всегда очень внимательное отношение, несмотря на то что заключали в себе всегда чрезвычайно тягостные элементы»⁴⁰. Принимая пост председателя Думы, Гучков поставил себе задачу доводить до сведения государя все то, о чем другие не решались или не хотели ему говорить, поэтому лидер октябристов открыто и прямо заявил Николаю II: «...я сделал свою специальностью говорить вам только тяжелые вещи. Я знаю, что вы окружены льодьми, которые сообщают вам только приятное, так уж сохраните за мной эту монополию говорить вам только неприятное»⁴¹.

Надо отдать должное последнему самодержцу – он довольно терпеливо, не показывая неудовольствия, выслушивал от Гучкова, а затем и от М. В. Родзянко все удручающие, но достоверные сведения относительно реального положения дел в стране. Однако окончательного решения царь никогда сразу не принимал, считая, по-видимому, что это только одностороннее освещение проблемы, и предпочитал выслушать другие точки зрения при рассмотрении того или иного вопроса. Лидер центра неоднократно говорил императору о том положении, в котором находятся официальные представители власти, о том, что они бессильны в решении многих важных вопросов.

В ходе расследования влияния безответственных сил на Николая II и в целом политику страны почти осязаемыми становились их взаимодействия и связь с «темными» силами придворных кругов⁴². На одном из допросов в комиссии М. В. Родзянко подтвердил, что И. Г. Щегловитов пришел к власти и получил пост председателя Государственного совета через протекцию Г. Е. Распутина. «Говорили определенно, – вспоминал Родзянко. – Но Распутин эти дела делал очень ловко и сравнительно недорого. Даром он ничего не делал, а за соболью шапку, за соболью шубу»⁴³. Тогда председатель комиссии поинтересовался: «А до Государственной Думы доходило, министры платили Распутину небольшие, но все же вступные деньги?»⁴⁴. Родзянко осторожно, но все-таки согласился: «Об этом говорили, но я боюсь быть привлеченным за клевету <...> У нас было такое мнение, что вне собольей шубы или шапки это не идет»⁴⁵. Оказалось, что «идет»: предводитель «темных» сил был ценителем не только меховых изделий, но и безответственных политиков, а за свои «скромные услуги» получал от них знаки внимания, и самое главное, беспрекословную преданность. Н. К. Муравьев, основываясь на имею-

щихся в комиссии сведениях, подтвердил догадки Родзянко: «Некоторые из них это признали»⁴⁶.

Влияние «темных» сил стало особенно ощутимым в годы войны. Самым болезненным и губительным проявлением безответственных влияний для страны явилась «министерская чехарда». А. И. Гучков, хотя практически и не находился в то время в центре событий – в столице, а чаще всего на фронте, тем не менее, определил характерный признак этих бесконечных перестановок в правительстве: «Я не думаю, чтобы в смене этих лиц играли роль какие-нибудь серьезные государственные соображения, – считал он. – Это были совершенно случайные влияния, какое-нибудь вмешательство или то обстоятельство, что вмешательство запоздало, что и вызывало ту или другую перемену. Так что я отрицаю, чтобы тут был какой-нибудь определенный план. Были какие-то поиски случайных лиц, устранение негодных и поиски годных, но это не имело в основе своей государственного смысла»⁴⁷.

Трудно не согласиться с этой оценкой опытного политика, тем более что на самом деле никакого «государственного смысла» и плана в действиях безответственных и «темных» сил, очевидно, не было. Их деятельность преследовала, прежде всего, корыстные цели и решение банальной задачи – удержаться как можно дольше на вершине власти в непосредственной близости от царя и пользоваться его расположением. «Конечно, вся суть была в этих закулисных силах, – делал вывод Гучков. – Думаю, что эти силы, в сущности, и руководили верховной властью всецело. Я считаю, что верховная власть была в плену у этих сил; что касается их самих, то тут, несомненно, была целая масса всяких элементов, которые к этому источнику власти, исходящей от престола, присосались и делали свои дела. Я убежден, что всякие темные биржевые акулы тут тоже немалую роль играли»⁴⁸.

Одним из таких безответственных элементов, продвинутых на вершину власти распутинской кликой, был А. Д. Протопопов, получивший пост министра внутренних дел. М. В. Родзянко утверждал, что с 1915 г. начинается особенно агрессивное влияние Распутина, а наибольшей, наивысшей точки это влияние достигло в момент назначения Протопопова, когда император оказался непреклонен перед всеми доводами и уговорами председателя Думы по поводу отмены этого решения.

Во время допроса в ЧСК, когда речь зашла об этом эпизоде, Родзянко даже признался: «Немножко совестно, потому что никто так не обманулся в Протопопове, как я. Я должен сказать, что трансформация Протопопова была для меня ударом по голове, потому что предательства я меньше всего ожидал от Александра Дмитриевича. Протопопов в 3-й Думе занимал позицию чрезвычайно левого октябриста, близкого если не к кадетам, то, по крайней мере, к прогрессистам. Например, в рабочем вопросе он председательствовал в тор-

гово-промышленной комиссии. Когда проходил рабочий закон, он стоял на чрезвычайно левых нотах и всегда отстаивал интересы рабочего класса против промышленников, хотя сам промышленник. Затем, в 4-ю Думу он перешел с тем же настроением»⁴⁹.

Действительно, Протопопов зарекомендовал себя одним из видных представителей либерально-консервативных сил, и Родзянко даже рекомендовал Николаю II назначить его министром торговли и был убежден, что если бы он был поставлен на эту должность, то был бы на месте. «Это человек с большими знаниями, умный и чрезвычайно грамотный в этом деле, – считал Родзянко. – Сам промышленник, много изучал это дело, очень толковый. Он был председателем комиссии. Он был бы на месте в составе этого министерства, насколько я помню. Я попался впросак. Я думал, вот был бы наш человек, наш левый элемент, в этом составе правительства чрезвычайно левый. Таковы были мои соображения»⁵⁰.

Получается, что председатель Думы на самом деле попал впросак, так как А. Д. Протопопов был назначен не министром торговли, а внутренних дел, и твердо пошел на сближение с так называемым «салом Штюрмера», а, по сути, – с безответственными и «темными» силами. Для М. В. Родзянко это назначение и политическая метаморфоза, произошедшая с бывшим соратником, естественно, стали крайне неприятным сюрпризом, так как новый назначенец открыто перешел в лагерь правых сил. Родзянко был уверен, что этому способствовало определенное соглашение Протопопова и Б. В. Штюрмера, т. е. он принял все условия главы правительства, чтобы попасть к власти, «а предложение Штюрмера ясно, – уточнял Родзянко, – идти на правую сторону, давить, душить, тащить и не пущать»⁵¹.

Протопопов, чувствуя за собой вину, избегал встречи с председателем Думы, и когда вернулся из Ставки, долгое время скрывался от него. Поначалу Родзянко надеялся на то, что Протопопов откажется от этой должности, и жестко заявил ему: «Вы не будете, вы не имеете права, потому что, если вы становитесь министром внутренних дел и Штюрмер остается, это значит, что вы идете в союзе с ним, и, стало быть, изменяете вашему знамени и Государственной Думе. Вы меня подводите, вы всю Думу подводите, потому что она вас избрала в качестве человека известного направления, а вы идете под фирмой чуть ли не Союза Русского Народа»⁵². Протопопов смутился, но решения своего не изменил. 18 сентября 1916 г. он был назначен управляющим министерства внутренних дел, а в декабре – утвержден министром и главноначальствующим отдельного корпуса жандармов.

В ответ Родзянко занял по отношению к новому министру внутренних дел obstructивную позицию и публично не подавал ему руки при встрече. «Я никогда не стал бы подавать

руку человеку, который обманул, который ренегат и который нечистоплотен»⁵³, – пояснил свою непреклонную позицию Родзянко. При первом же свидании с А. Д. Протопоповым председатель Думы сразу принял агрессивный тон, и даже весь состав Думы готов был присоединиться к обструкции, если бы министр внутренних дел появился в Думе. Это отношение к ренегату разделял и коллега Родзянко – А. И. Гучков. «Если бы Протопопов был убежденный противник, если бы он добросовестно разделял совершенно противоположные мне или друзьям моим взгляды, то я бы нисколько не погнушался иметь с ним дело, как, например, с кн. Голицыным, который убежденный правый, человек честный, верящий в то, что его взгляды столь же справедливы, как я убежден в правильности моих, к такому противнику я мог бы питать уважение и не погнушался бы общением с ним, – рассуждал Гучков. – Но раз Протопопов сделал вольт от прогрессивного политического деятеля в этот лагерь, и не по убеждениям своим, а из соображений политической карьеры и внешнего благополучия, сделал не только вольт, но совершил его таким нечистым путем, через темных посредников, через Бадмаева, Распутина, Вырубову и т. д., это все, конечно, лишило его всякого уважения в моих глазах»⁵⁴.

Родзянко, не смягчая своего отношения к Протопопову, неоднократно публично, в присутствии всех министров, требовал от него, чтобы он подал в отставку, заявляя, что он – «причина озлобления и беспорядков»⁵⁵. Кроме того, Родзянко считал, что высокое назначение «...ему ударило в голову, причем чуть ли не с диктаторскими полномочиями. Колоссальная власть. Штюрмер перед ним трепетал...»⁵⁶ Подобное возвышение некогда либерального, а теперь крайне правого политика, Родзянко объяснял тем, что наибольшую силу в то время получали те, кто был приближен к императрице. «По совокупности разных фактов можно вывести заключение. Так что Протопопов был чрезвычайно силен»⁵⁷, – заключал он. Действительно, новоиспеченный министр внутренних дел вошел в такое доверие к императорской чете, что получил от них оригинальное прозвище «генерал Калинин», и в своей переписке царствующие супруги отзывались о нем весьма трепетно и благосклонно.

Между тем М. В. Родзянко пришел к выводу, что «самый вредный, самый страшный человек для государства, для этой разрухи оказался Протопопов. На меня все это производит такое впечатление, что последствия ужасные, но сделано это недостойным, незначительным человеком, потому что он больной человек, я это положительно утверждаю. У него мания величия, он какой-то ясновидящий, он видит, что к нему приближается власть, что он может спасти царя и Россию. Он как закатиет глаза, так делается как глухарь – ничего не понимает, не видит, не слышит. Я позволю себе утверждать, что это ненормальный человек»⁵⁸. В

другой раз Родзянко выразился на этот счет еще более определенно, заявив, что, бесспорно, считает Протопопова душевнобольным человеком, и приводил целый ряд фактов в подтверждение этого. Например, у него была необычайно странная манера общения: когда он что-то рассказывал, то закидывал голову назад, глаза закатывал вверх, и в экстазе говорил какую-то бессмыслицу.

Однажды на заседании у Родзянко Протопопов заставил всех собравшихся задуматься о его психическом здоровье: его ответы, манеры, поведение, его крайняя агитация, его странные вставки и замечания, как, например, его знаменитая фраза, адресованная П. Н. Милокову – «Анна Сергеевна добрее вас», или, – «Я спасу Россию. Я чувствую, что я призван вытащить Россию из беды, спасти <...> Вы не понимаете, они слишком раздражают, они меня не понимают. Я люблю своего государя», – все это показалось присутствующим необычайно странным и иступленным. А. И. Шингарев, врач по специальности, посоветовал тогда «спасителю отечества»: «Александр Дмитриевич, поезжайте домой и выпейте брома»⁵⁹.

В своем суждении о ненормальности последнего министра внутренних дел царской России Родзянко был не одинок. Шингарев также считал, что Протопопов человек не совсем нормальный, насколько он вменяем – это другой вопрос, но то, что в нем есть какие-то отклонения психики, замечали многие. «Это – истерия с ее странными формами или это психастения, я не специалист, но для меня ясно, что психика его не совсем нормальна, что вы имеете дело не со здоровым человеком, правильно воспринимающим действительность, и что в нем есть какие-то нелады, – утверждал Шингарев. – Откуда они, это виднее людям специально образованным в этой области, но я до сих пор думаю, что он не совсем психически нормален, и я это много раз говорил своим друзьям и знакомым»⁶⁰. Однажды, когда Шингарев встретился с профессором В. М. Бехтеревым, приехавшим в Думу по бюджетному вопросу, и пересказал ему свой разговор с Протопоповым, знаменитый психиатр, внимательно выслушав его, заметил: «да, кажется, Вы, верно поставили диагноз»⁶¹.

Гораздо сложнее было поставить диагноз всей прогнившей чиновно-бюрократической системе царской России, упорно толкавшей страну к пропасти. Но одно становилось очевидным: дни ее сочтены. Современники отмечали, что с 1915 г. «...наверх стали пробираться подлинные проходимцы и жулики, а все те, кто хранил в себе государственную традицию, осуждены были на безнадежные попытки спасти последние остатки русского государственного управления»⁶². Думается, что эта оценка в целом верна, и следует согласиться с Аврехом в том, что «на правительственную авансцену вышли фигуры, являвшие готовые объекты для исследования криминалистами, психиатрами, комедиографам»⁶³. Действительно, когда в февральские дни 1917 г. рабочие и солдаты

«автоматически» вышли на улицы Петрограда, «...многим из них, – отмечает Г. З. Иоффе, – власть уже представлялась монстром или карикатурой. Ее практически никто не хотел или уже не мог защищать...»⁶⁴

Примечания

- 1 Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. «Прокаженная дворцовая камарилья»: расследование деятельности «темных сил» Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 3–15.
- 2 См.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной Комиссии Временного Правительства: в 7 т. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 252.
- 3 Там же. С. 250.
- 4 Там же. С. 252.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 281.
- 7 Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 340.
- 8 Там же. С. 26.
- 9 Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 82.
- 10 Падение царского режима. Т. 6. С. 282.
- 11 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 123.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 См.: Шаццло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116.
- 15 Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Вып. 118. С. 87. В то же время А. Я. Аврех, ссылаясь на выводы А. Л. Сидорова, вынужден был уточнить, что тот «...не успел опубликовать результаты своего исследования, изложив его лишь в устном докладе на одном из научных заседаний в Институте истории АН СССР» (Подробнее см.: Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства... С. 100).
- 16 За В. А. Сухомлиновым действительно закрепилась репутация легкомысленного человека. Правда, связано это было с его романтическими увлечениями и расстройством денежных дел, но никак не со служебной деятельностью.
- 17 Завадский С. В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916/17 годах) // Архив русской революции: в 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 46–47.
- 18 Там же. С. 44–45.
- 19 Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. С. 80.
- 20 Мельгунов С. П. Воспоминания. Дневники. М., 2003. С. 291. Запись в дневнике от 1 сентября 1917 г.
- 21 Следователь Ф. П. Симсон не принимал участие в расследовании дела В. А. Сухомлинова, поэтому в данном случае его мнение можно отнести к досужим домыслам стороннего наблюдателя.
- 22 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 538.
- 23 Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 92.
- 24 Там же.
- 25 Рамоли (фр. ramoli) – старчески расслабленный, впавший в слабоумие человек.
- 26 Блок А. А. Записные книжки. С. 327.
- 27 Завадский С. В. Указ. соч. С. 59.
- 28 Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства... С. 92.
- 29 Блок А. А. Указ. соч. С. 327.
- 30 Падение царского режима. Т. 3. С. 305.
- 31 Там же. С. 305–306.
- 32 Там же. Т. 3. С. 310.
- 33 Там же.
- 34 Там же. Т. 6. С. 358.
- 35 Цит. по: Падение царского режима. Т. 6. С. 358.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Там же. Т. 7. С. 141–142.
- 39 Там же. Т. 6. С. 150.
- 40 Там же. С. 293.
- 41 Там же.
- 42 Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. Г. Е. Распутин и «Распутиниада» в судьбе России нач. XX в. (По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2. С. 34–40.
- 43 Падение царского режима. Т. 6. С. 151.
- 44 Там же. С. 151–152.
- 45 Там же. С. 152.
- 46 Там же.
- 47 Там же. С. 293.
- 48 Там же. Т. 6. С. 294.
- 49 Там же. Т. 7. С. 139.
- 50 Там же. С. 142.
- 51 Там же. С. 143.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Т. 6. С. 293.
- 55 Там же. Т. 7. С. 143.
- 56 Там же. С. 144.
- 57 Там же. С. 145.
- 58 Там же. Т. 7. С. 152.
- 59 Там же. С. 146.
- 60 Там же. Т. 7. С. 38.
- 61 Там же. С. 39.
- 62 Нольде Б. Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. С. 549.
- 63 Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. С. 40.
- 64 Иоффе Г. З. «Распутиниада»: Большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 8. С. 105.

УДК 94(470.55/.58)9

НАЧАЛО XX ВЕКА КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

П. В. Панькин

Саратовский государственный университет
E-mail: 213rankinp@mail.ru

В статье рассматривается положение Уральского казачьего войска накануне и во время революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Автор пытается обозначить ключевые задачи, которые могут помочь в разрешении проблемы определения причин взаимного неприятия уральских казаков и советской власти.

Ключевые слова: уральское казачество, революция, советская власть, гражданская война, казахи, исторические источники.

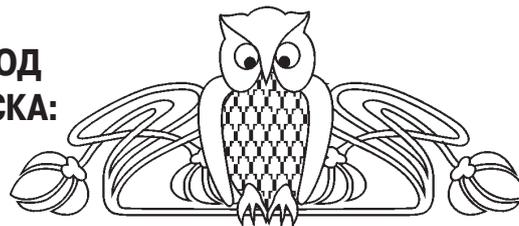
The Beginning of the XXth Century as the Critical Moment in the History of the Ural Cossacks: the Positing of the Problem

P. V. Pankin

The article tells about the role of the Ural Cossacks before and during the revolution of the 1917 and the civil war in Russia. The author points out the key issues, with may help to solve the problem of finding the reasons of the mutual hostility between the Ural Cossacks and the Soviet authority.

Key words: Ural Cossack army, revolution, Soviet authority, civil war, Kazakhs, historical sources.

История уральского казачества – одна из слабоизученных тем современной отечественной исторической науки. Связано это, по всей видимости, с тем обстоятельством, что территория Уральского войска большей частью находится в составе Республики Казахстан. Это «освобождает» российских исследователей от более глубокого рассмотрения вопросов истории уральцев. Научные изыскания в настоящее время касаются, прежде всего, Донского, Кубанского, Оренбургского и др. войск, входящих в государственный реестр казачьих войск. В этой связи справедливы слова А. М. Дубовикова, одного из немногих российских историков, занимающихся историей уральских казаков: «...имеется объективная необходимость исследования различных аспектов Уральского казачьего войска в их взаимосвязи и взаимовлиянии по их состоянию на начало XX века»¹. Казахстанские историки также не стремятся к её изучению по причине негативного отношения к казачеству как таковому. Многие из них зачастую даже позволяют себе ненаучные обороты и необоснованные обвинения в адрес казаков: «Вся история казачества пропитана слезами и кровью сопредельных народов, агрессивность к иноязычным народам является его основой основ»². Повесив на казаков ярлык «кровавых колонизаторов»,

казахстанские историки тем самым отказались от сколь-нибудь серьезного отношения к данному вопросу. В свою очередь, допущение казахстанскими исследователями фраз о том, что «...колониальная политика России мало чем отличалась от политики, проводимой на захваченных землях англичанами, французами, португальцами»³, делает уже их изыскания малоинтересными для серьезных историков.

Такое положение дел приводит к крайне низкой степени изученности данного вопроса. Однако актуальность научной проблемы, связанная с возрождением и активизацией казачьих организаций, призывает ученых к более глубокому рассмотрению истории казачества вообще и уральцев в частности. Уральцы являются нашими соотечественниками, что также побуждает детальнее посмотреть на их прошлое. Обращение к переломному, революционному периоду истории на фоне современного интереса к событиям революции 1917 г. и Гражданской войны актуализирует изучение событий этого периода на Урале.

В предреволюционные годы основой хозяйства Уральского войска оставалась рыбная ловля. Уловы постоянно падали на фоне количественно растущего населения, что приводило к большим проблемам. Закостенелость войсковой экономики приводила к хозяйственным кризисам, а через них – к социальному конфликту между различными слоями населения⁴. Дело в том, что значительную часть населения области составляли так называемые «иностранцы» – русские, которые не были казаками. Они не имели общинных привилегий, поэтому занимали другие ниши (торговля, производство и т. д.), вследствие чего передовые формы производства, которые не зависели от природных условий так, как рыболовство, скотоводство, земледелие, находились в руках у «неказаков». Но, так или иначе, наличие общинного владения землей давало возможность казакам заниматься другими видами экономической деятельности в случае необходимости. В период установления советской власти это могло стать причиной неприятия и непонимания лозунгов о передаче земли народу, так как земельный массив Уральской области всегда находился под контролем общины.

В декабре 1917 г. на съезде выборных делегатов от станиц было принято решение не признавать большевистское правительство⁵. Активное сопротивление уральцев началось только в 1918 г. Связано это было с тем, что к тому времени было

сломлено сопротивление оренбургских казаков, принявших первый удар на себя⁶. После этого Советское правительство ультимативно потребовало своего признания уже от уральцев. При этом, как вспоминал генерал Оренбургского казачьего войска И. Г. Акулин, «Одновременно с ультиматумом из Оренбурга был направлен в Уральскую область большевистский отряд, который, заняв Илецкий городок (современный Илек. – П. П.), предался грабежам и насилиям»⁷. Так большевики, возможно, предвидя ответ из Уральска, начали войну против уральских казаков. Данное обстоятельство предопределило дальнейшие отношения между войском и большевиками.

Ответом советской власти на отказ казаков принять новый режим стал беспрецедентный по своим масштабам геноцид против уральцев. Сохранились описания событий, которые происходили после взятия большевиками Уральска. К примеру, Л. Мяснянов вспоминал о некоей Розе Бух, которая «...вынеся стул на Урал, преспокойно села на него перед большой прорубью и пристреливала собственноручно всех, которых приводили к ней красноармейцы, и трупы их стаскивали под лёд»⁸. Перешедший на сторону новой власти казак Ружейников докладывал: «В ночь на 6–7 мая 1919 г. из содержащихся в Уральской тюрьме 350–400 человек 9-го и 10-го Уральского казачьего полка, перешедших на нашу сторону еще в марте 1919 г. с оружием в руках, было расстреляно 100–120 человек – две камеры – без всякого разбора и суда и брошено в Урал лишь потому, что в случае эвакуации г. Уральска у нас не было в то время достаточного количества конвоя»⁹. Результатом государственного террора против казачества стало то, что с последним уральским атаманом, В. С. Толстовым, смогли покинуть Россию не больше сотни человек¹⁰. Стоит также отметить, что параллельно истреблению войска центральная власть постоянно пыталась привлечь казаков на свою сторону. Агитационная листовка декабря 1919 г. уверяла: «Всем казакам, а равно и иногородним, сражающимся против Красной Армии, гарантируется полная личная безопасность и забвение всех проступков, совершённых против Рабоче-Крестьянской России, при условии немедленного изъявления ими организованно или отдельными группами покорности Советской Власти и сдачи оружия»¹¹. Как показывает приведенный выше отрывок из доклада Ружейникова, эти уверения были не более чем ловушкой. Бедственность положения оставшихся жителей бросалась в глаза даже новой власти. Один из представителей губернского революционного комитета так описал окрестности бывшей войсковой столицы: «Проездом из Лбищенска до Калмыкова представилась вся картина ужасного разрушения посёлков. Большинство жилых построек, не говоря уже о надворных, совершенно разрушены: сняты крыши, выставлены рамы, двери, полы выломаны и видимо всё, что было из

дерева, пошло на топку, жалкие убогие лачужки, приспособленные для жизни наспех, не могут, конечно, оставаться в таком виде на зиму, и если не будет обращено на это срочно внимание, то к осени нужно ждать поголовного переселения в Уральск и другие более-менее ещё сохранившиеся посёлки губернии»¹². Крайне важно рассмотреть ход этого геноцида для понимания причин усугубления негативного отношения уральцев к Красной Армии и невозможности изменения ими решения о сопротивлении. Тем более, что это истребление было вызвано не просто необходимостью военного времени. Данная политика была прописана и обоснована на официальном уровне, что подтверждают документы губревкома: «Советская власть не вернёт казакам прежних их прав и преимуществ, она ставит вопрос с казачеством в плоскость расказачивания их, лишения всех прав и преимуществ, а так как классовая борьба возникает как защита интересов и преимуществ, то ясно, что казаки будут сражаться открыто или скрыто за свои привилегии, и Советская власть должна поставить в порядок дня политику репрессий по отношению к казачеству, политику экономического и как подобного к нему красного террора»¹³.

Революция на Урале резко поменяла не только социальную стратификацию, но и национальную. В борьбе с казачеством советская власть активно использовала националистический подход. Зная дореволюционные проблемы во взаимоотношениях уральцев и их кочевых соседей, казахов, новая власть решила разжечь прошлые конфликты. Для этого был найден самый короткий путь: территория Уральского войска, географически лежавшая между двумя зонами обитания казахов (Букевской ордой и левобережьем реки Урал), была объявлена казахской, что, по сути, повторяло план деятелей Алаш-Орды¹⁴. Казаки, таким образом, автоматически становились чужеродным элементом на собственной земле. Необходимо понимать, что насаждение «государственности» казахского народа на этой территории было искусственным. Советская власть придавала своим национальным лозунгам красивую форму: «Киргизская степь, почти вся Зауральная сторона должна воссоединиться с тем колоссальным пространством, которое на восток от области занимает киргизское население...»¹⁵ Местная казахская верхушка, которая частью своей была образованной, понимала, что самым правильным решением будет принятие стороны явного победителя в войне. Поэтому, забыв свои дружеские отношения с казаками, она поспешила заверить новую власть в своей лояльности. К тому же покорность давала возможность получить обжитые казачьи земли. В результате, в адрес большевизма во множестве поступали «верноподданнические» сообщения, составленные без участия самих большевиков: «Адайцы, табынцы и другие кочевники всегда стояли на стороне трудящихся и, в течение трёхлетней гражданской войны, будучи оторваны от русского народа, не

запятнали себя позорным пятном поддержки белогвардейским бандам, разорившим и расхитившим благосостояние Киргизского Края. Ныне же, по уничтожению белогвардейцев и при создавшейся таким образом возможности прямого общения, адайцы, табынцы и другие кочевники изъявляют радостную готовность слиться со всем киргизским народом, объединившимся под знаменем РСФСР на условиях государственной автономии Киргизского Края»¹⁶. На деле словесный пафос с обеих сторон только маскировал реальные отношения между советским правительством и новым «освободившимся» народом. Власти прекрасно понимали, с чем они столкнулись: «...киргизы в общей своей массе по патриархальности своей жизни представляют из себя сырой материал для лучшей обработки...»¹⁷ Важно заметить, что несмотря на то что казачество в это время являлось главным объектом преследований, а казахам обещалось всяческое «восстановление» их прав, попранных «эксплуататорами», никто не ставил перед собой цели дать казахам свободу воли. Они, как и казаки, должны были измениться для того, чтобы продолжить свою жизнь в новых условиях: «Констатируя, что традиционно-бытовой уклад жизни лишь в процессе социально-экономического возрождения края сможет быть изжит, мы считаем необходимым в то же время использовать всё значение (карательное, воспитательное) и силу пролетарского суда для недопущения дальнейшего развития безобразных, уродливых явлений в жизни киргиз, тормозящих Советскую работу по оздоровлению края»¹⁸. Вполне предсказуемо в данной ситуации было то, что мнение казахов, как и казаков, по поводу изменения их традиционных укладов, никого не интересовало. Понимание и более глубокое изучение этих фактов раскроет многие аспекты условий, в которых оказались уральские казаки после 1917 г.

Источниковая база исследуемого вопроса представляется достаточно широкой. Главной группой источников являются документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Западно-Казахстанской области (ГАЗКО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Различные материалы, содержащиеся в фондах центральных и местных архивов, затрагивают все стороны жизни войска рассматриваемого периода, причем многие из них до настоящего времени ещё не введены в научный оборот.

Другая группа источников – документы, опубликованные в сборниках, таких как «Документы по истории гражданской войны в СССР», «Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане». Определенные сведения о казачьей области накануне револю-

ции можно почерпнуть из памятных книжек и адрес-календарей Уральской области за 1910–1915 гг.

Богатый материал дают воспоминания казачьих офицеров, оказавшихся в эмиграции (В. С. Толстова, Л. Масянова, Б. Н. Кирова, П. А. Фаддеева). Немаловажными при рассмотрении данной темы представляются и воспоминания большевиков, принимавших участие в подавлении уральской казачьей вольницы. В этой связи, например, крайне полезен труд И. Кутякова «Разгром Уральской белой казачьей армии», в котором автор детально описывает военные операции против казаков¹⁹. Обстановка, царившая на войсковой территории, также отражена в периодических изданиях: «Уральские войсковые ведомости», «Яицкая воля», «Яицкая правда», «Красный Урал».

Таким образом, при опоре на широкий круг источников представляется возможной научная попытка выявления причин неприятия уральцами новой власти и уничтожения советской властью Уральского казачьего войска в годы революции и гражданской войны. Сделать это можно, определив социально-экономическое состояние Уральского войска накануне событий 1917 г., а также приняв во внимание взаимоотношения непокорного казачества и большевизма.

Примечания

- ¹ Дубовиков А. М. Уральское казачество в пореформенный период 1861–1904 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 12.
- ² Бесбаев М. С. Зигзаги истории. Алма-Ата, 2007. С. 93.
- ³ Рысбеков Т. З. Диалог с историей. Уральск, 2004. С. 60.
- ⁴ См.: Фокин Н. И. Уральск православный. Уральск, 2010. С. 195.
- ⁵ См.: Клавинг В. Гражданская война в России : белые армии. СПб., 2003. С. 357.
- ⁶ См.: Акулин И. Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками. Б. м., 1927. С. 122.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Масянов Л. Гибель уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963. С. 122.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 30. Л. 16.
- ¹⁰ См.: Масянов Л. Указ. соч. С. 158.
- ¹¹ ГАЗКО. Ф. 653. Оп. 2. Д. 4. Л. 54 об.
- ¹² Там же. Д. 5. Л. 2 об.
- ¹³ Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 16. Л. 116 об.–117.
- ¹⁴ См.: Боцагов А. К. Алаш орда. Кызыл-Орда, 1927. С. 42.
- ¹⁵ ГАЗКО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 16. Л. 117.
- ¹⁶ Там же. Ф. 653. Оп. 2. Д. 5. Л. 6.
- ¹⁷ Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 16. Л. 75.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 75.
- ¹⁹ См.: Кутяков И. Разгром Уральской белой казачьей армии. М., 1931.

УДК 94(470)

РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАНЫ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. А. Кустов

Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова
E-mail: kustovv@list.ru

После февральских событий внешняя политика страны стала предметом серьезных разногласий в российском обществе. Отсутствие согласованных внешнеполитических приоритетов, внятных целей и задач в области международных отношений приводило к снижению результативности российской дипломатии, служило источником политической напряженности внутри страны. Автор статьи подробно анализирует внешнеполитические аспекты деятельности Временного комитета Государственной думы, отношение ведущих политических сил к вопросам войны и мира, а также исследует роль парламентариев в противостоянии Временного правительства и Петроградского Совета в марте–апреле 1917 года.

Ключевые слова: Государственная дума, Первая мировая война, Февральская революция, Временное правительство, Петроградский Совет, внешняя политика России.

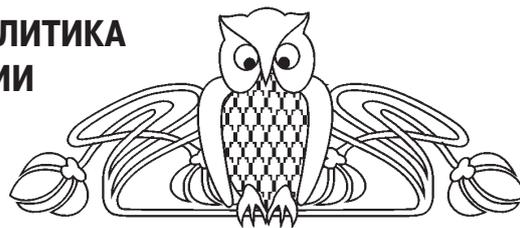
The Russian Parliament and the Foreign Policy of Country after February Revolution

V. A. Kustov

After February revolution the foreign policy of the country became a subject of serious disagreements in the Russian society. Lack of the coordinated foreign policy priorities, the distinct purposes and tasks in the field of the international relations led to decrease in productivity of the Russian diplomacy, was a source of a political tension within the country. The author of article in detail analyzes foreign policy aspects of activity of Provisional committee of the State Duma, the relation of leading political forces to war and peace questions, and also investigates a role of parliamentarians in opposition of Provisional government and Petrograd Soviet in March–April 1917.

Key words: State Duma, Provisional Government of Russia, Petrograd Soviet, World War I, February revolution, foreign policy of Russia.

Февральские события 1917 г. стали апогеем политического влияния дореволюционного российского парламента. Образованный Временный комитет членов Государственной думы (ВКГД) фактически возглавил революцию, принимая решения о занятии правительственных учреждений, арестах сторонников царского строя, создании института комиссаров, наделенных чрезвычайными полномочиями. В полной мере осуществляя функции верховной власти, парламентарии неизбежно вторглись и в самую консервативную сферу управления Российского государства, отвечающую за разработку и реализацию международного курса страны. С этого момента внешнеполитические вопросы постоянно находились в центре внимания ВКГД. Вызывает интерес и то, что именно вокруг

внешней политики вскоре развернулась напряженная политическая и идеологическая борьба, которая через несколько месяцев привела к первому правительственному кризису, существенно изменившему расстановку сил в сложившейся системе исполнительной власти.

Довольно оперативно Временный комитет Государственной думы устанавливает контроль над всем центральным аппаратом государственного управления, включая и область международных отношений. Царские министры были уволены со своих постов и до формирования нового правительства их должны были замещать комиссары из состава Государственной думы. Первые назначения состоялись в министерства внутренних дел, торговли и промышленности, путей сообщения, финансов, юстиции, земледелия, военного и морского ведомств. Кроме того, представители парламента появились в Телеграфном агентстве и Главном почтамте. По подсчетам отечественных исследователей, за период с 28 февраля по 2 марта в различные учреждения было назначено 38 комиссаров ВКГД¹.

Несколько иначе обстояло дело с внешнеполитическим ведомством. МИД оказался одним из немногих министерств, в которое Временный комитет Государственной думы так и не направил своего представителя. Вероятно, абсолютная лояльность высокопоставленных сотрудников дипломатического ведомства к новой власти сыграла здесь решающее значение. В дни Февральской революции министр иностранных дел Н. Н. Покровский не был ни арестован, ни отстранен от должности. Он продолжал исполнять свои обязанности, вел текущую переписку, встречался с представителями дипломатического корпуса.

В то же время столь важное ведомство исполнительной власти не осталось без думского надзора. Практически сразу после падения кабинета Н. Д. Голицина Покровский и его заместители налаживают контакты с Временным комитетом. На короткий период Государственная дума оказалась во главе внешнеполитического механизма страны, а все основные нити руководства внешней политикой стали сходиться к одному из влиятельных идеологов Прогрессивного блока – П. Н. Милюкову.

По свидетельству главы международно-правового отдела МИД Г. Н. Михайловского, уже 27 февраля 1917 г. товарищ министра А. А. Не-

ратов отправляет директора канцелярии Б. А. Татищева в Государственную думу встретиться и переговорить с лидером кадетской фракции². Поручение руководства Татищев успешно выполнил, наладив прямые контакты с неформальным куратором Министерства иностранных дел. Сам директор канцелярии вспоминал, что беспокойная обстановка в центре столицы заставила его на следующий день обратиться к кадетскому идеологу с просьбой прислать в здание внешнеполитического ведомства на Певческий мост военную охрану. «Милюков ответил, что очень охотно это сделает. По крайней мере, менее чем через три часа в наше министерство прибыл караул из примерно двадцати солдат»³.

О контроле ВКГД над деятельностью внешнеполитического ведомства говорит и еще один факт. «Дипломатическая переписка, пришедшая на Финляндский вокзал, была доставлена в Думу и вскрыта Милюковым»⁴, – утверждает А. А. Савинский. Только потом документы были доставлены по назначению. Депутат Государственной думы, прогрессист С. П. Мансырев писал, что выполнил поручение Временного комитета и доставил задержанного курьера с дипломатической корреспонденцией из Таврического дворца в здание Министерства иностранных дел⁵.

Паралич царского правительства и активные действия ВКГД оказали заметное влияние на поведение союзников. Дипломатические представители стран Антанты в самый разгар февральских событий весьма высоко оценивают деятельность лидеров Прогрессивного блока. «Дума не щадит своих усилий для организации Временного правительства, восстановления какого-нибудь порядка и обеспечения»⁶, – записал в дневнике французский посол М. Палеолог. В свою очередь, представитель Англии Д. Бьюкенен телеграфировал в Лондон: «Комитет проявил большую организационную силу, и, если император останется на престоле, нет как будто никаких оснований опасаться прекращения войны»⁷. Между тем поразительно быстро, без особых раздумий и сомнений, союзники отказываются от самодержавия и делают ставку на думскую оппозицию. Российские либералы, последовательно выступавшие за ведение войны до полной победы, доказавшие на деле свою лояльность, представлялись западным демократиям в качестве наиболее подходящей политической альтернативы разваливавшемуся на глазах правящему режиму.

Не позднее вечера 28 февраля 1917 г., задолго до того, когда исход революции был предопределен, союзники принимают принципиальное решение открыто встать на сторону оппозиции. К этому времени послы Антанты в Петрограде провели первые консультации с Временным комитетом, согласовали позицию по отношению к ВКГД с внешнеполитическим руководством своих стран. 1 марта «Известия» опубликовали обращение французского и английского посла к пред-

седателю Государственной думы М. В. Родзянко. «Правительства Франции и Англии, – говорилось в документе, – вступают в деловые отношения с Временным исполнительным Комитетом Государственной думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России»⁸. Российская пресса не без сарказма отмечала, что следует позавидовать невероятному чутью и прозорливости западных дипломатов. Анализируя произошедшие события, «Новое время» подчеркивало: «самое удивительное, что произошло в истекшую неделю и чему нет никаких прецедентов в дипломатической истории, – это выступление послов Англии и Франции»⁹.

2 марта 1917 г. переговоры союзников и парламентариев выходят на официальный уровень. Временный комитет принимает в Таврическом дворце военных атташе и дипломатических представителей Англии, Франции, Италии и Сербии, подтвердивших свою готовность «немедленно вступить в деловые отношения с Временным комитетом как единственным представителем власти в России»¹⁰. Следует отметить, что заявления дипломатов, сделанные в начале марта, положили начало дипломатическому признанию новой власти со стороны Антанты. В дальнейшем они существенно упростили для МИД России и процедуру юридического признания кабинета Г. Е. Львова союзными и нейтральными государствами.

С образованием Временного правительства роль ВКГД в политической жизни страны была сведена к минимуму. Лидеры думских фракций, составлявшие основу кабинета, практически сразу отвергли идею возобновления нормальной парламентской деятельности Государственной думы четвертого созыва, избранной по недемократичному «третьеиюньскому» закону. Российский парламент остался функционировать в чрезвычайном режиме – несколько раз в неделю проводились заседания Временного комитета, периодически созывался представительный орган ВКГД – частные совещания членов Государственной думы. Октябрист Н. В. Савич вспоминал: «С первых же дней вступления во власть Временного правительства члены Думы стали понимать, что они остались не у дел, что правительство систематически игнорирует и саму Думу, и ее Временный комитет»¹¹. Впрочем, это не мешало министрам в решающие моменты противостояния с Петроградским Советом опираться на авторитет «цензурной» Думы как по внутриполитическим, так и по внешнеполитическим вопросам.

В марте–апреле 1917 г. Временный комитет Государственной думы и частные совещания парламентариев безоговорочно поддерживали курс нового главы Министерства иностранных дел П. Н. Милюкова на преемственность российской внешней политики, ведение войны до полной победы и соблюдение принятых обязательств перед союзниками по Антанте. «Первейшая наша

цель, – неоднократно заявлял после Февральской революции председатель Государственной думы М. В. Родзянко, – победа над врагом... Победа нам нужна как воздух и только она может обеспечить исполнение всех колоссально важных задач»¹². Ведущие лидеры парламентских фракций от умеренно правых до кадетов (В. А. Маклаков, Н. В. Савич, И. Н. Ефремов, В. М. Пуришкевич, Е. П. Ковалевский, В. В. Шульгин и многие др.) сходились во мнении, что победа в мировом противостоянии должна существенно изменить геополитическую ситуацию на европейском континенте, максимально усилить страну в экономической, военной, международной, стратегической и других областях.

Внешнеполитической линии кабинета министров, членов ВКГД эсеры и меньшевики из Петроградского Совета противопоставили свои внешнеполитические установки. 14 марта 1917 г. умеренные социалисты распространили в печати манифест «К народам всего мира», разработанный в духе революционно-оборонческих идей. Текст документа был противоречивым и формулировался таким образом, чтобы угодить сразу всем политическим направлениям в Совете: и «циммервальд защитить и убедить войска фронт держать». Воззвание содержало призыв к европейским народам совместно бороться за всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций и обосновывало необходимость для России продолжать войну для защиты свершившейся революции. Сами авторы признавали двусмысленность обращения. Один из главных идеологов меньшевиков Н. Н. Суханов писал: «Эта противоречивость требований, эта двойственность задачи заставляла танцевать на лезвии ножа под угрозой свалиться в ту или другую сторону. И, конечно, это не могло не сказаться серьезным образом на содержании манифеста»¹³.

Значительная разница в подходах политических сил к вопросу войны и мира заставила искать компромиссные решения. Так, например, было при согласовании текста «Декларации Временного правительства о задачах войны» от 27 марта.

Представители социалистических партий в специально созданной контактной комиссии Временного правительства и Петроградского Совета, куда были приглашены и члены ВКГД, настаивали на выполнении двух требований. Во-первых, необходимо было обратиться к Англии и Франции с предложением заключить всеобщий демократический мир. Во-вторых, заявить об отказе российского правительства от всяких других целей войны, кроме оборонительных¹⁴.

Первое требование было сразу же отклонено министром иностранных дел и его сторонниками. П. Н. Милюков доказывал, что союзники ни при каких условиях не дадут согласие на реализацию циммервальдской формулы мира, и оказать влияние на их официальную позицию не представляет-

ся возможным. Только по второму пункту удалось найти приемлемый компромисс. Либеральный кабинет пошел навстречу эсерам и меньшевикам – согласившись опубликовать официальное заявление о целях и задачах России в войне, провозгласил приоритет оборонительной стратегии. Однако в уклончивых выражениях декларации не было четкого отказа от завоевательных целей, сама формула всеобщего демократического мира «без аннексий и контрибуций» отсутствовала.

Между тем идеи революционного оборончества постепенно стали завоевывать общественное мнение. Сосредоточив свое внимание на агитационно-пропагандистской работе, ВКГД пытался помочь Временному правительству добиться перелома в настроении граждан. Был налажен выпуск собственного печатного издания – «Известий Временного комитета Государственной думы», огромными тиражами публиковалась разного рода агитационная литература (брошюры, воззвания комитета, стенограммы заседаний, речи депутатов и министров), где сознательно противопоставлялась позиция «государственника» Милюкова, отстаивавшего незыблемые геополитические интересы страны, и «безответственная» позиция Петроградского Совета¹⁵. Обладая лучшей типографией в столице, ВКГД за короткий период задействовал все имеющиеся в его распоряжении информационные ресурсы, оказав правительству в противостоянии с Советом весомую политическую поддержку.

Не менее активно в информационную кампанию включился и министр иностранных дел. В целом ряде статей и публичных выступлений главный идеолог кадетов настойчиво и последовательно разъяснял стоявшие перед Россией национальные задачи, аргументировал правильность своих тезисов и критиковал взгляды социалистов¹⁶. Вместе с тем крупная ошибка П. Н. Милюкова заключалась в явной переоценке значимости для российского общественного мнения проблемы Константинополя и проливов, а также в том, что он полностью связывал между собой два совершенно разных вопроса: о продолжении мирового конфликта и о его целях.

На деле постоянные напоминания министра иностранных дел о целях войны приводили лишь к конфронтации с Петроградским Советом. Создавалось впечатление, что война продолжается исключительно из-за Черноморских проливов, что приверженцы идей главы дипломатического ведомства являются противниками мира. Популярность лидера кадетов и политических сил его поддерживающих стремительно падала. Общество устало от непомерных тягот войны и не желало ее дальнейшего затягивания.

Зная о приверженности Исполкома тезису демократического мира, Лондон и Париж ждали от российского дипломатического ведомства четкого подтверждения курса на продолжение войны и выполнения достигнутых союзнических

соглашений. По предварительной договоренности с Петроградским Советом лидер кадетов должен был сообщить западным державам «Декларацию Временного правительства о целях войны» от 27 марта 1917 г., дополнив ее нотой, разъяснявшей намерения исполнительной власти. Сопроводительный документ подробно обсуждался, и его текст устроил всех членов кабинета. Отличие от мартовской декларации заключалось лишь в том, что Россия обещала довести войну до решительной победы и выступала против заключения сепаратного мира. Цели войны формулировались очень расплывчато: «передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем»¹⁷.

18 апреля 1917 г. нота Временного правительства была телеграфирована в столицы стран Антанты, а через день опубликована в российской печати. Текст обращения к союзникам вызвал резкое неприятие солдат Петроградского гарнизона, чем не замедлили воспользоваться радикально настроенные социал-демократы. 21 апреля 1917 г. в столице начались первые вооруженные демонстрации против внешней политики либерального кабинета министров. Пытаясь повлиять на развитие событий, Временный комитет Государственной думы в самый разгар кризиса призывает сплотиться вокруг исполнительной власти и выступить в поддержку министров, единогласно подписавших «ноту Милюкова»¹⁸. Во второй половине дня стали собираться демонстрации сторонников Временного правительства. Имели место столкновения и жертвы среди участников шествий.

В условиях разразившегося политического кризиса правительству становилось все труднее противостоять радикальным настроениям социалистов. Исполнительная власть привлекает к переговорам по выходу из создавшейся ситуации ВКГД, который должен был уравновесить беспрецедентное давление Петроградского Совета. В ночь на 22 апреля 1917 г. состоялись совместные консультации правительства, Временного комитета Государственной думы и Исполкома Совета. Они вновь привели к компромиссу. После продолжительных дебатов было решено составить дополнительное разъяснение ноты, в котором вопросы, вызвавшие конфликт, излагались бы в соответствии с политикой, выраженной в акте от 27 марта. Ключевым в опубликованном вскоре документе стало объяснение, что под упоминаемыми «санкциями» и «гарантиями» Временное правительство имело в виду «ограничение вооружений, международные трибуналы и пр.»¹⁹.

Апрельский кризис 1917 г. наглядно показал – революционно-оборонческая формула эсеров и меньшевиков стала доминировать. Это было одной из причин отставки кадетского министра иностранных дел. Но причиной далеко не единственной. Главная проблема заключалась в том,

что внешнеполитический курс не получил одобрения прежде всего внутри самого Временного правительства. На частном совещании членов Государственной думы 4 мая П. Н. Милюков признавался: «Я стоял на своем посту до того момента, пока товарищи значительным большинством мне не сказали: очистите этот пост, он нужен для других целей»²⁰.

5 мая 1917 г. коалиционный кабинет министров провозгласил новые принципы международной политики революционной России. В декларацию Временного правительства была добавлена формула эсеров и меньшевиков «без контрибуций и аннексий на основе самоопределения народов», а главной целью внешней политики провозглашалось «скорейшее достижение всеобщего мира»²¹. К тому же данный документ обещал предпринять подготовительные шаги к соглашению с союзниками по пересмотру старых договоров, тем самым готовя почву для начала переговоров с Англией и Францией. Во ВКГД с настороженностью встретили внешнеполитическую часть декларации кабинета. «Совещание членов Государственной думы, – гласила итоговая резолюция парламентариев, посвященная апрельскому кризису, – обращается к Временному правительству в момент его пересоздания с настоятельным напоминанием, что в основу внешней политики в вопросе войны и мира должны быть положены начала безусловной и стойкой верности союзникам, так как с этой верностью неразрывно связаны и жизненные интересы России, и ее честь»²². Депутаты не хотели иметь ничего общего с политикой «революционной демократии» и фактически дистанцировались от компромиссной внешнеполитической линии коалиционного правительства.

Таким образом, решительные действия Временного комитета Государственной думы, взявшего на себя прерогативы верховной власти в дни февральских событий, позволили парламентариям поставить под контроль руководство внешней политикой страны, практически сразу наладить тесное взаимодействие с дипломатическим корпусом союзников и заложить основы юридического признания кабинета Г. Е. Львова союзными и нейтральными государствами. ВКГД и частные совещания членов IV Думы последовательно выступали за ведение войны до полной победы вместе со странами Антанты, оказывая существенную поддержку внешнеполитическому курсу Временного правительства первого состава. Между тем международные отношения впервые стали сферой идеологического и политического противостояния широких слоев общества. Лозунги о присоединении Босфора и Дарданелл, об освобождении Европы от германского милитаризма не были той целью, которая могла консолидировать страну, стать весомым побудительным мотивом в продолжении мирового конфликта для армии. Нерешенность внутренних проблем и излишняя прямолинейность идеологов

Временного правительства и ВКГД по вопросам внешней политики, в конечном итоге, привели после апрельского кризиса к усилению влияния социалистических партий и их революционно-оборонческих идей.

Примечания

- 1 См.: Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции. Рязань, 2002. С. 77–81; Кирьянов И. К. Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 82.
- 2 См.: Михайловский Г. Н. Записки. Из истории дипломатического ведомства. 1914–1920) : в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 241–242.
- 3 Татищев Б. А. «Крушение» 1916–1917 гг. Воспоминания // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1949. Тетрадь четвертая. С. 130.
- 4 Савинский А. А. Февральская революция 1917 г. Свидетельства русского дипломата // Международная жизнь. 1993. № 2. С. 85.
- 5 См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 65.
- 6 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 242.
- 7 Иностранцы дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 111.
- 8 Известия (Комитет петроградских журналистов). 1917. 1 марта.
- 9 Новое время. 1917. 5 марта.

УДК 94(47).084.8

ФИНАНСОВЫЕ ОРГАНЫ ЛЕНИНГРАДА НАКАНУНЕ БЛОКАДЫ (22 июня – 8 сентября 1941 года)

А. В. Зотова

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
E-mail: anastasiyazotova@mail.ru

В статье на основе архивных документов прослеживается деятельность финансовых органов Ленинграда в период с начала Великой Отечественной войны до блокады Ленинграда.

Ключевые слова: Отечественная война 1941–1945 гг., блокада Ленинграда, финансы, кредит.

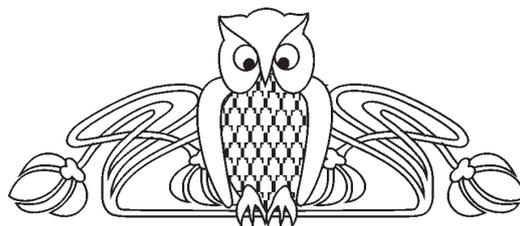
**Financial Bodies on the Eve of the Siege of Leningrad
(June 22 – September 8, 1941)**

A. V. Zotova

In the article on the basis of archival documents can be traced activities of financial bodies of Leningrad in the period from the beginning of the great Patriotic war to the siege of Leningrad.

Key words: Patriotic war of 1941–1945, siege of Leningrad, finance, credit.

- 10 Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 133. Оп. 472. 1917. Политический архив. Д. 45. Л. 15.
- 11 Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 228.
- 12 Новое время. 1917. 25 марта.
- 13 Суханов Н. Н. Записки о революции : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 235.
- 14 См.: Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 75; Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 293, 296.
- 15 См.: Кулегин А. М. Агитационно-пропагандистская деятельность Временного комитета Государственной думы (по материалам коллекции листовок ГМПИР) // Таврические чтения–2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма : сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 235–246.
- 16 См.: Миллюков П. Н. Почему и зачем мы воюем? Пг., 1917; Его же. Россия в плену у Циммервальда. Пг., 1917.
- 17 Константинополь и проливы. Европейские державы и Турция во время мировой войны : в 2 т. М., 1925. Т. 1. С. 485–486.
- 18 Речь. 1917. 21 апреля, Новое время. 1917. 22 апреля.
- 19 Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис : документы и материалы. М., 1958. С. 761.
- 20 Новое время. 1917. 5 мая.
- 21 См.: Константинополь и проливы. Т. 1. С. 488.
- 22 Речь. 1917. 5 мая.

Приближение войны для многих было очевидным, поэтому военные расходы предусматривались в размере 33,8% от всего бюджета государства и в денежном выражении составили 7,1 млрд руб.¹ Сессия Верховного Совета СССР, на которой утверждался госбюджет на 1941 г., приняла решение увеличить его на 200 млн руб. Дополнительные ассигнования дополняли только военные расходы².

Но все равно, принимавшийся бюджет не был настроен на военный лад, он был лишь попыткой смещения некоторых акцентов для финансового обеспечения государственной обороны.

События 22 июня 1941 г. заставили финансовые органы принципиально изменить подходы к расходованию денежных средств. Это подтверждают воспоминания наркома финансов СССР А. Г. Зверева, утверждавшего, что «перестраивая финансы в военных целях, мы решили в основном

ориентироваться на изменение соотношений в распределении национального дохода по фондам накопления, потребления и военных расходов. Пришлось уменьшить затраты на расширенное воспроизводство и сократить долю национального дохода, шедшую на личное потребление у гражданского населения. Иначе стали строиться в материальной сфере отношения между государством и предприятиями, хозяйственными организациями, кооперацией и населением. В силу военной необходимости уменьшились затраты на социально-культурные цели. Увеличились поступления в бюджет от населения в виде налогов, а также добровольных взносов и займов»³.

22 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». Этот документ стал основополагающим при принятии ряда других, в том числе и постановления Совнаркома Союза ССР «О порядке оплаты рабочим, служащим, колхозникам и прочим лицам, привлекаемым на специальные работы в порядке Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении»». В этом документе отмечалось, что за рабочими и служащими государственных предприятий, учреждений и организаций, а также за членами кооперативных артелей, занятыми на «специальных работах», должна была сохраняться зарплата по месту постоянной работы в размере 50% от их основного оклада. В случае ликвидации предприятий, учреждений и организаций, в которых они работали, выплата зарплаты возлагалась на вышестоящие организации. Колхозникам, занятым на «специальных работах», за счет их колхозов выплачивалось 50% от среднего количества трудодней, которые были начислены в колхозе другим колхозникам той же квалификации их специальности⁴. То была поспешная, но необходимая мера по финансовому обеспечению труда многих тысяч людей, временно мобилизованных на создание различного рода инженерных укреплений, предназначавшихся для недопущения противника вглубь советских территорий.

Принимавшиеся на высшем уровне решения становились руководством к действию местных финансовых органов. Одним из самых злободневных вопросов с начала войны стал вопрос строжайшей экономии денежных расходов. 7 июля 1941 г. Ленинградская городская контора Госбанка получила оповещение, связанное с организацией контроля над расходованием фондов зарплаты по бюджетным и хозрасчетным организациям. В документе указывались пути экономии фондов заработной платы. Они сводились к усилению контроля над выплатой заработной платы, к созданию условий, которые способствовали бы избавлению предприятий от нештатных сотрудников, а также к усложнению процедуры выплаты премий. Отныне документы о премировании сотрудников должны были подписывать лично директор и главный бухгалтер предприятия. Высокому начальству

казалось, что это позволит снизить количество поощряемых и размеры премий⁵.

Как это часто бывает, в целях экономии средств уже в самом начале войны подвергли сокращению в Ленинграде многие учреждения народного образования. В специально подготовленном перечне таких учреждений отмечалось, что «прекращают работу все детские сады, кроме дежурных по 2 детских сада на городской район и по 1 детскому саду в г. Петергофе и Пушкине на 100 мест каждый. В закрытых детских садах, имеющих собственные помещения, остается только охрана зданий»⁶. Также свою работу должны были прекратить все дошкольные летние площадки.

Занятия с учащимися школ должны были начаться как всегда 1 сентября. В 1941 г. общее количество учащихся в Ленинграде составило 186 тыс. человек, для них удалось сформировать 4 200 классов. Средняя наполняемость класса по 1–4-м классам была 38 человек, 5–7-м классам – 36 человек, 8–10-м классам – 30 человек⁷.

Что касается школ для взрослых, то во всех районах города осталось по 1 школе по 7 классов, а также финансирование было сохранено для всех школ глухонемых и слепых. В каждом районе сохранили финансирование по две библиотеки (по одной для детей и взрослых). Однако разрешено было за государственный счет приобретать только брошюры, на покупку книг, инвентаря, оборудования денег не выделялось. В Центральной библиотеке остался только абонементный отдел.

Все клубы и Дома просвещения были лишены дотационного финансирования из бюджета. Работа Домпросвета глухонемых сохранилась в минимальном размере.

Практически все действовавшие на тот момент курсы были закрыты. Продолжил работать лишь Институт усовершенствования учителей, но штат научных сотрудников, методистов и обслуживающего персонала был максимально сокращен. Педагогические училища тоже получили возможность продолжить работу, но существенно был урезан их бюджет на приобретение инвентаря, оборудования, книг и на всевозможные учебные нужды⁸.

Музеи города вынуждены были прекратить свою работу. На финансировании осталась только охрана помещений.

Несмотря на хаос военного времени, сотрудники, которые были уволены по сокращению кадров, вследствие прекращения работы бюджетных учреждений, получили все предусмотренные законом выплаты⁹.

В первые дни войны государство искало резервы, которые позволили бы обеспечить дополнительные доходы бюджета с целью направления их на помощь фронту.

В самом начале войны бюджет Советского государства складывался из налогов с оборота, отчислений от прибылей предприятий наркоматов, выплат подоходного налога и других налогов

с предприятий и организаций, выплат налогов и сборов с населения, государственных займов, доходов машинно-тракторных станций, средств государственного соцстрахования и таможенных доходов¹⁰.

Но условия войны потребовали внесения заметных корректировок в финансовую жизнь государства, что могло бы позволить получение государством большей прибыли.

3 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, согласно которому на военное время устанавливались временные надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения Советского Союза¹¹. Сельскохозяйственный налог увеличился на 100%, подоходный налог – от 50 до 100% (в зависимости от оклада трудящегося). В то же время предоставлялись льготы хозяйствам колхозников и единоличникам, в состав которых входили граждане, находившиеся на действительной военной службе и призванные по мобилизации в Красную армию или Военно-морской флот, причем, если от хозяйства были призваны два и более человека, оно полностью освобождалось от надбавки к налогу, т. е. платило его по-старому, как в довоенное время¹².

Этот документ Верховного Совета СССР реализовывался с помощью механизмов, разработанных в циркулярном письме Наркомфина СССР от 7 июля 1941 г. № 564/133. Его требования были доведены и до всех должностных лиц в Ленинграде¹³.

Исходя из инструкции Наркомфина СССР от 14 июня 1941 г. № 504/75, отдел торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся упорядочил исчисление и уплату налогов с так называемых нетоварных операций, т. е. с тех операций, которые проводили предприятия, занимавшиеся изготовлением изделий из материалов заказчика, ремонтом и починкой вещей, автомобильными и гужевыми перевозками, а также оказанием услуг. При этом круг предприятий, оказывавших «услуги», был очень широк. Он включал в себя гостиницы, комнаты для ночлега пассажиров при вокзалах, заезжие дома, караван-сарай, дома колхозника, постоянные дворы, красильни, кузницы, бильярдные, парикмахерские, маникюрные и косметические кабинеты, фотоателье, прачечные, шерстобитки, химчистки, предприятия по настройке музыкальных инструментов, прокату музыкальных инструментов, патефонных пластинок и патефонов, театральных костюмов, париков и других театральных принадлежностей, а также по прокату бытовых вещей (кроме предприятий, принадлежащих спортивным обществам), организации, осуществлявшие погрузо-разгрузочные и упаковочные работы, за исключением погрузо-разгрузочных работ, проводившихся предприятиями железнодорожного, водного, воздушного транспорта и наркомсвязи, а также государственными промышленными пред-

приятиями, выполнявшими работы для сбытовых организаций своего наркомата.

Также к ним относились предприятия по расфасовке товаров заказчиков (резка, раскройка, развеска, рассыпка, розлив), билетные кассы всех видов транспорта по продаже билетов на комиссионных началах, предприятия по перевозке грузов и пассажиров с одного берега реки (канала) на другой берег, предприятия по зарядке и ремонту аккумуляторов, по колке льда и набивке им ледников, по натирке полов, вставке и протирке стекол, чистке обуви и точке ножей, ножниц и бритв, самостоятельные хозрасчетные бюро и конторы стенографов, машинописные бюро, проектно-сметные организации, рекламные конторы, занимавшиеся устройством рекламы и расклейкой афиш. К сфере услуг также относились организации, занимавшиеся экспедиторской работой, посреднические бюро и конторы по бытовому обслуживанию (в том числе по ремонту и уборке квартир, по содействию обмену комнат и по выполнению различных поручений)¹⁴.

В государственный бюджет по крохам собирали из регионов остатки средств, которые прежде накапливались в фондах директоров государственных, кооперативных предприятий и общественных организаций, в фондах улучшения железнодорожных перевозок, в фондах премирования работников советских учреждений, а также в фондах прибыли от производства ширпотреба из отходов промышленности.

Исходя из этого требования, например, ленинградский горфинотдел предупредил всех руководителей и главных бухгалтеров предприятий, учреждений и организаций, что после 1 августа 1941 г. отделения Госбанка СССР и спецбанков в Ленинграде «будут производить операции по расчетным и текущим счетам при условии обязательного представления справки за подписями распорядителя счета и главного бухгалтера о перечислении остатков сумм по фондам в бюджет с указанием номеров и дат платежных поручений»¹⁵.

Таким образом, ленинградские финансовые органы использовали механизмы своей деятельности в качестве рычага, с помощью которого у предприятий и учреждений изымались все денежные средства, которые дополнительно направлялись в бюджет Советского Союза, чтобы в дальнейшем они были использованы на нужды обороны.

На фоне строжайшего режима экономии средств государство стремилось пополнить бюджет и за счет патриотического настроения советских людей. Ленинградцы в этом отношении не были исключением. Городские газеты ежедневно сообщали о том, как сознательные рабочие и служащие, солдаты, матросы и начальствующий состав отдавали свои средства в недавно созданный Фонд обороны СССР.

Уже в августе 1941 г. пожертвования ленинградцев в этот фонд приобрело широчайший

размах. Наличные деньги и ценности сдавали рационализаторы, медицинские работники, конструкторы, профессора и студенты, домохозяйки, инженеры и техники, рабочие, инвалиды, артисты, деятели науки, железнодорожники и многие другие¹⁶.

Государство предпринимало меры по сокращению расходной части бюджета. Это было возможно лишь при условии осуществления соответствующей политики на местах. Ленгорисполком быстро отреагировал на новые установки. 19 июля 1941 г. своим решением он сократил расходы по балансам доходов и расходы городского хозяйства на 163 464 тыс. руб.¹⁷

Тем же летом финансовый отдел Ленгорисполкома обратился в Совнарком СССР и одновременно в Совнарком РСФСР с просьбой разрешить освободить бюджет Ленинграда от перечисления в союзный бюджет 150 455 тыс. руб. Свою просьбу Ленгорсовет объяснял дополнительными расходами на осуществление мероприятий, вызванных войной. 80 млн руб. из городского бюджета было затрачено на эвакуацию детей, членов семей рабочих и служащих, а также на питание добровольцев из частей народного ополчения. Это повлекло за собой невыполнение годового плана доходной части бюджета¹⁸.

В то же время складывалась парадоксальная ситуация: чем больше пресс войны давил на Ленинград, тем выше становились его финансовые показатели. Это подтверждается следующим примером. Еще до войны, в начале 1941 г., планировалось, что доходная часть бюджета Ленинграда составит 935 222 тыс. руб. Но после начала войны вся финансовая система города так построила свою деятельность, что, несмотря на тяготы блокады, денежные поступления в доходную часть бюджета к концу 1941 г. достигли 1 181 556 тыс. руб.¹⁹

Расходная часть бюджета уже летом 1941 г. была существенно сокращена. В частности, сократились ассигнования по женским и детским консультациям, детским амбулаториям и молочным кухням на 20%. Также были приостановлены все ассигнования, направлявшиеся ранее на развитие санаторной базы. Это было связано с консервацией санаториев²⁰.

Как известно, 8 сентября 1941 г. кольцо вражеской блокады замкнулось. Город еще не голодал, но финансовый голод уже давал о себе знать. Он был предвестником неимоверных трудностей, которые ленинградцам еще только предстояло пережить.

Примечания

- ¹ См.: *Зверев А. Г.* Записки министра. М.: Изд-во полит. лит., 1973. С. 191.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 215.

- ⁴ См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 26. Д. 1532. Л. 1.
- ⁵ См.: Об изменениях в порядке контроля за расходованием фондов заработной платы по бюджетным и хозяйственным организациям (Оповещение Ленинградской городской конторы Госбанка) // Бюл. Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся. 1941. 7 июля. № 23. С. 11.
- ⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 1853. Оп. 7. Д. 104. Л. 66.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Л. 67.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 26. Д. 1081. Л. 4–5.
- ¹¹ См.: Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения (Указ Президиум Верховного Совета СССР от 3 июля 1941 г. // Известия. 1941. 4 июля.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: О порядке проведения в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3/VII.1941 года – «О временной надбавке к с.х. налогу и к подоходному налогу с населения». (Выписка из циркулярного письма Н.К.Ф. СССР от 7-го июля 1941 года. № 564/133) // Бюл. Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся. 1941. 29 июля. № 28–29. С. 22–24.
- ¹⁴ См.: О порядке исчисления и уплаты налога с нетоварных операций. Инструкция Наркомфина СССР от 14 июня 1941 г. № 504/75 // Бюл. отдела торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся. 1941. № 97. 2 окт. С. 4.
- ¹⁵ Зам. заведующего Ленинградским городским финансовым отделом Рабинович. «Об отмене отчислений в фонды государственных, кооперативных и общественных организаций и предприятий. (Оповещение Ленинградского городского финансового отдела)» // Бюл. Ленингр. гор. совета депутатов трудящихся. 1941. 14 июля. № 24. С. 20–21.
- ¹⁶ См. подробнее, например: *Павлов А.* Массовое поступление взносов // Красновыборжец. 1941. 7 авг. № 43. С. 1 ; *Поликарпов Я.* Вносят наличными // Там же ; Рационализаторы вносят свои премии в фонд обороны // Ленингр. правда. 1941. 6 авг. С. 3 ; Каждый рубль – удар по врагу // Там же ; Для любимой Отчизны // Там же ; Взносы студентов и профессоров // Там же. 12 авг. С. 3 ; Изобретатели вносят свои премии // Там же ; Патриотический поступок // Там же ; Для родной страны // Там же ; Взносы патриотов // Там же ; Поможем Красной армии всем, чем сумеем // Там же ; Выигрыш в 3000 рублей – в фонд обороны // Там же ; Заводы организуют воскресники // Там же ; Отчисляют двух- и трехдневный заработок // Там же. 14 авг. С. 3 ; Фонд обороны // Там же. 17 авг. С. 3 ; В фонд обороны // Там же. 29 авг. С. 4 ; *Фадеев П.* Вношу всю сумму подписки на заем // Ленингр. железнодорожник. 1941. № 63. 22 июля. С. 2 ; *Лесин Г.* В фонд обороны // Там же. № 72. 12 авг. С. 3.
- ¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 104. Л. 55.
- ¹⁸ Там же. Л. 55 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Л. 34.

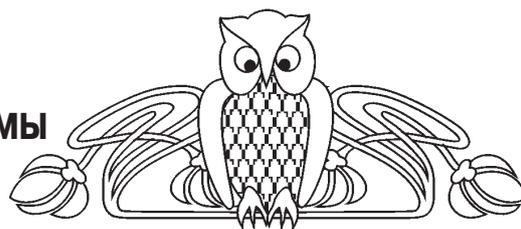

УДК 94(47).084.8

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ПОДХОДЫ И СУЖДЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

Статья посвящена отражению в советской и современной российской историографии проблемы коренного перелома в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Показывается формирование концепции и ее особенности на различных историографических этапах. Особое внимание уделяется рассмотрению дискуссий о времени начала коренного перелома в ходе войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коренной перелом, историография, битва под Москвой, Сталинградская битва.

The Aborigine Alteration in the Big World War: Suits and Deliberations in the Historiography of Problem

V. N. Danilov

The article is devoted to the reflection in soviet and modern russian historiography of the aborigine alteration's problem in the Big World War 1941–1945 years. It is showed the formiration of conception and her specifics on different historiography stages. Particularly attention is spared to advisement of discussions of the begining's time of aborigine alteration during the War.

Key words: Big World War, aborigine alteration, historiography, battle sub Moscow, Stalingrad's battle.

Вопрос о периодизации Великой Отечественной войны и общей характеристики её крупных этапов, безусловно, находится на периферии современных дискуссий по истории войны, значительно уступая по накалу и уровню обсуждения таким её проблемам, как характер германского нападения на СССР в июне 1941 г., причины поражений Красной армии в начале войны и ответственность за это советского политического и военного руководства, коллаборационизм, роль штрафных частей и заградотрядов, освободительная миссия советских войск в Европе, людские потери и др. Этот факт свидетельствует не столько об отсутствии научной значимости данного вопроса в выяснении подлинной истории военного противоборства СССР с нацистской Германией и ее союзниками в 1941–1945 гг., сколько является отражением идеологического противостояния политических сил как внутри нашей страны, так и за ее пределами, возникшего в условиях распада советской системы и становления новой российской государственности, когда память о войне оказалась, по сути, единственной масштабной исторической ценностью, скрепляющей общество и позволяющей России отстаивать статус великой суверенной державы. Не

случайно, что авторы последнего фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны, декларируя его преемственность предшествующих подобного рода отечественных изданий, поскольку, по их убеждению, «настоящее и будущее историографии стоит на плечах прошлого», определяют ключевой задачей этого многотомника: «детально разобраться в том, что может быть востребовано для того, чтобы Россия всегда была сильной, гордой, достойной своей исторической миссии»¹.

Вместе с тем, вряд ли можно считать, что в постсоветской России проблема периодизации Великой Отечественной войны носит чисто академический характер. Достаточно вспомнить хотя бы ту бурную реакцию значительной части общества, какую вызвал в свое время школьный учебник А. А. Кредера по новейшей истории зарубежных стран, не упомянувший в числе ключевых вех Второй мировой войны крупнейшие сражения на советско-германском фронте. Однако в отличие от советского времени на решение этой проблемы, которая была тогда главным и постоянным предметом обсуждения, перестала оказывать влияние позиция государственно-политического руководства страны, предоставляя тем самым возможность историкам и публицистам самим актуализировать те или иные ее стороны.

Узловым моментом дискуссии о периодизации Великой Отечественной войны в советской историографии был вопрос о коренном переломе. С одной стороны, вместе со спорами советских военачальников по отдельным эпизодам войны (планирование контрнаступления под Сталинградом, проведение Берлинской операции) его обсуждение тогда несколько оживляло историческую литературу о Великой Отечественной войне, страдавшую единообразием подходов. С другой стороны, как справедливо замечает известный историк академик Ю. А. Поляков, дискуссия носила во многом догматический и непродуктивный характер².

Принято считать, что понятие коренного перелома в Великой Отечественной войне в научный оборот было введено И. В. Сталиным в выступлении на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1943 г. Действительно, один из разделов его доклада назывался «Год коренного перелома в ходе войны», в котором указывалось, что таковым является «истекший год – от 25-й до 26-й годовщины Октября»³. Переломным, по мне-

нию Сталина, он явился потому, что в «этом году Красной Армии впервые за время войны удалось осуществить большое летнее наступление против немецких войск», «Красной Армии удалось в сравнительно короткий срок перебить и перемолоть наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск, закалив вместе с тем и умножив свои собственные кадры в успешных наступательных боях в течение года», «успешное наступление Красной Армии коренным образом ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение фашистской Германии, поставив ее перед глубочайшим кризисом». «С чисто военной точки зрения поражение немецких войск было предрешено двумя важнейшими событиями: битвой под Сталинградом и битвой под Курском». Далее Сталин подчеркнул, что «истекший год был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе нашего тыла», и «во всей мировой войне»⁴. Выступая 6 ноября 1944 г., Сталин связал коренной перелом в войне, произошедший в период с конца 1942 г. по 1943 г., с тем, что в это время «Красная Армия развернула мощные наступательные бои, разбила немцев в ряде решающих боев, очистила от немецких войск две трети советской земли и заставила их перейти к обороне, причем Красная Армия все еще продолжала вести войну с немецко-фашистскими войсками один на один, без серьезной поддержки со стороны союзников»⁵.

Однако, если мы обратимся к другим текстам, вошедшим в книгу И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», то увидим, что о переломе в ходе войны речь шла еще в приказе наркома обороны от 1 мая 1942 г. при характеристике прошедших первых 10 месяцев войны, где говорилось, что «... после временного отхода, вызванного вероломным нападением немецких империалистов, Красная Армия добилась *перелома* (курсив мой. – В. Д.) в ходе войны и перешла от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска. Это факт, что благодаря успехам Красной Армии отечественная война вступила в новый период – период освобождения советских земель от гитлеровской нечисти»⁶. И тут же в приказе ставилась задача «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев»⁷.

Но уже в докладе на торжественном заседании в связи с 25-й годовщиной Октябрьской революции Сталин разделил события на фронте за прошедший год на два периода: по преимуществу зимний, когда Красная Армия наступала, и летний, когда «отмечается перелом в пользу немцев, переходом инициативы в руки немцев»⁸. В отличие от прозвучавшего в этих сталинских выступлениях тезиса об «активной обороне»⁹, указание на «переломы» первого года войны в послевоенный период советской историографией было сознательно «не замечено», поскольку оно уже не укладывалось в ту схему хода советско-германского военного

противоборства, которой придерживался Сталин в конце войны. Вслед за атрибутированием «года коренного перелома», 1944 год им был назван «годом решающих побед советских армий и армий наших союзников»¹⁰, а накануне капитуляции Германии Сталин говорил уже о проведенных в 1945 г. завершающих войну операциях¹¹.

В завершеном виде сталинская периодизация Великой Отечественной войны была представлена К. Е. Ворошиловым в статье «Сталин – гениальный полководец Великой Отечественной войны», где, в частности, утверждалось, что «второй период, примерно с конца 1942 г., то есть со Сталинградской битвы, до конца 1943 г., является периодом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны», а в предшествующий период «советское Верховное Главнокомандование активной обороной, сочетавшейся с контратаками и контрнаступлением на важнейших стратегических направлениях, подорвало ... ударную силу фашистской армии и похоронило германскую стратегию “молниеносной войны”»¹².

Другой видный советский партийно-государственный деятель Н. А. Вознесенский подобным образом поступил относительно периодизации работы советского тыла, назвав 1943 г., когда, по его мнению, воспроизводственные процессы резко интенсифицировались, годом коренного перелома в истории всей военной экономики, в том числе и сельского хозяйства¹³. Относительно военного производства этот вывод был вполне обоснован, потому что в 1943 г. оно выросло по сравнению с довоенным уровнем почти в два раза. Но он противоречил всем известным фактам тяжелого состояния в тот период гражданских отраслей промышленности и особенно аграрного производства, поскольку на 1943 г. приходился самый глубокий спад валовых показателей растениеводства и животноводства, сокращения посевных площадей и производительности труда в колхозах восточных районов страны. Тем не менее, подобная точка зрения на историю советского тыла стала тогда фигурировать в работах историков¹⁴.

Таким образом, к концу «сталинского периода» в советской историографии сложилась унифицированная и в отдельных своих частях прямо искажавшая историческую действительность концепция коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, которая охватывала как общую военно-политическую обстановку, так и состояние экономики страны.

В полной мере эта концепция была реализована в «Очерках истории Великой Отечественной войны. 1941–1945», вышедших в 1955 г., уже после смерти И. В. Сталина. В них отмечалось, что коренной перелом (период со второй половины ноября 1942 г. до конца 1943 г.) «произошел не только на фронте, но и в тылу, возрастание мощи которого явилось важнейшим условием побед советских войск»¹⁵. По свидетельству академика А. М. Самсонова, одного из создателей очерков, в обстановке

«борьбы с культом личности» указанный труд вскоре подвергся критике за отсутствие должного анализа важных вопросов событий, замалчивание или сглаживание негативных явлений¹⁶. Вслед за этим последовал отказ от выделения в качестве отдельных периодов войны «года решающих побед» и «завершающего периода», так как было сочтено, что ведущиеся без серьезных оперативно-стратегических пауз, при сохранении целей, полного превосходства и безграничном владении инициативой операции Красной армии 1944–1945 гг. в Европе искусственно разделялись на два периода. Это было отражено в вышедшей в первой половине 1960-х гг. шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», а затем прочно вошло вплоть до сего времени в научные труды и учебники. Произошел также отказ от явно несостоятельных суждений о росте производительности труда в деревне в условиях войны и универсального, по аналогии с промышленностью, вывода о коренном переломе в ходе войны применительно к сельскому хозяйству. На общесоюзных материалах и на примере ведущих сельскохозяйственных районов СССР был обоснован вывод о том, что 1943 г. не только не стал коренным переломом, а для деревни был наиболее тяжелым, и что сдвиг к лучшему наметился здесь позже – в 1944 г.¹⁷

Авторы «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» не внесли ничего принципиально нового в трактовку коренного перелома как военно-политического явления, придерживаясь по сути сталинско-ворошиловской его версии. Стремление представить коренной перелом в ходе войны в несколько ином ракурсе возникло уже после «хрущевской оттепели» и было связано в первую очередь с введением нового для исторических текстов о Великой Отечественной войне термина – «коренной (крутой) поворот», ставшего теперь присутствовать в них вместе с понятием «коренной перелом». Оба этих термина/понятия уже использовались ранее в советском политическом и историческом дискурсе для обозначения крупных социально-экономических и политико-идеологических сдвигов в исторической практике. Наиболее известный случай в этом отношении – характеристика перехода к политике коллективизации деревни и «наступления против капиталистических элементов по всему фронту» в конце 1920-х гг. одновременно как «великого перелома» («коренного перелома») и как «крутого поворота» в развитии страны¹⁸. Однако применительно к истории Великой Отечественной войны понятия «коренной поворот» и «коренной перелом» не стали однозначно тождественными и использовались в советской историографии чаще всего для обозначения разных этапов в ходе советско-германского вооруженного противоборства.

Начало концепции крутого (коренного) поворота в ходе войны, который, по мнению ее авторов, произошел в результате победы советских войск под Москвой, было положено тезисами ЦК

КПСС к 50-летию Октябрьской революции, где одновременно также указывалось, что события ноября 1942 г. – конца 1943 г. явились коренным переломом в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой войне¹⁹. В 1970-е гг. эта точка зрения получает развитие в выступлениях и работах видных советских военачальников, а затем закрепляется в ряде обобщающих трудов по истории войны. В частности, активным сторонником ее был тогдашний министр обороны СССР маршал А. А. Гречко, полагавший, что битва под Москвой оказала решающее влияние на ход и исход всей Второй мировой войны, а победа под Сталинградом внесла огромный вклад в коренной перелом²⁰. В четвертом томе «Истории второй мировой войны», главную редакцию которой А. А. Гречко в то время возглавлял, со всей определенностью говорилось: «Успех, достигнутый советским народом и его вооруженными силами зимой 1941/1942 гг., укрепил международный авторитет Советского Союза, веру всех народов в неизбежность разгрома гитлеровской Германии и положил начало коренному повороту в ходе войны»²¹. Еще раньше на основании того, что после контрнаступления под Москвой «стратегическая инициатива перешла в руки Красной Армии», то же самое утверждалось в многотомной «Истории КПСС»²². Характерно, что в этом труде сражению под Москвой был отведен целый параграф, а Сталинградская битва, которая, по мнению авторов, лишь «внесла огромный вклад в достижение коренного перелома», – подана «фонариком», как часть параграфа о «переходе в генеральное наступление»²³.

Вряд ли можно отрицать тот факт, что концепция советской историографии «крутого (коренного) поворота» в Великой Отечественной войне являлась продуктом дальнейшего осмысления политиками и исследователями в СССР событий 1941–1945 гг., позволившего в большей мере оценить влияние победы Красной армии под Москвой на ход и исход войны с Германией, ее военно-политического и международного значения. Символическим актом в этом отношении стало присвоение указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Москве почетного звания города-героя.

Вместе с тем, есть основание полагать, что указанная концепция возникла в конце 1960 – начале 1970-х гг. не столько в результате естественного историографического процесса внутри страны, сколько была реакцией на те интерпретации хода Второй мировой войны, которые преобладали к тому времени на Западе.

С очевидной целью принизить значение вооруженной борьбы на советско-германском фронте, представить дело таким образом, что основополагающая роль в разгроме фашистского блока принадлежит не Советскому Союзу, а странам западной демократии, историки США, Великобритании, ФРГ и некоторых других стран в 1960-е гг. создали так называемую теорию «реша-

ющих битв». Так, крупный германский военный историк Х.-А. Якобсен еще в 1961 г. писал: «Мидуэй, Гвадалканал, Эль-Аламейн, Тунис и Марокко, Сталинград и конец 4-й фазы битвы за Атлантику означают военный поворотный момент в ходе Второй мировой войны. Немного позднее стало также оказывать все возрастающее влияние бомбовое наступление союзников против “крепости Европы”»²⁴.

Другой автор теории «решающих битв» американский историк и публицист Х. Болдуин считал, что исход Второй мировой войны решили 11 битв («великих кампаний»), к которым он отнес сражение в Польше в 1939 г., битву за Британию, десант на остров Крит, Коррихидор, Сталинград, Тараву, десанты в Сицилии и Нормандии, морские сражения в заливе Лейте, Арденны и Окинаву²⁵. Разновидностью теории «решающих битв» в американской историографии стала теория «поворотных пунктов», в числе которых, например, Т. Кармайкл видел Гуадалканал, Эль-Аламейн, Тунис, Сталинград и морское сражение в Баренцевом море²⁶.

Наиболее часто в западной историографии к «решающим битвам» и «поворотным пунктам» (их число едва ли не у каждого историка различно – от 5 до 20) относили сражения под Эль-Аламейном и в Тунисе на североафриканском театре, морское сражение у острова Мидуэй, бои за остров Гуадалканал на тихоокеанском театре и только одну битву на советско-германском фронте. Большинство зарубежных историков – приверженцев данной теории вообще не упоминали в числе значимых сражений Московскую, Курскую и другие битвы на советско-германском фронте. В любых вариантах абсолютное большинство их оказывалось на фронтах, где боевые действия вели англо-американские войска.

В этой связи закрепление в ряде официальных партийных документов и обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны за битвой под Москвой статуса коренного поворота в войне, по всей видимости, рассматривалось в качестве одного из средств «борьбы с буржуазными фальсификаторами истории» с их «теориями решающих битв» и «поворотных пунктов» Второй мировой войны²⁷, не входя в противоречие с утвердившейся общей периодизацией войны. Тезис «Московская битва – начало коренного поворота в ходе войны» был подкреплен и мнением авторитетных советских военачальников маршалов А. М. Василевского, В. И. Чуйкова и др.²⁸ Об этом же писал Г. К. Жуков, относивший битву за Москву к числу событий для него «больше всего запомнившихся из минувшей войны», в своих «Воспоминаниях и размышлениях», вышедших в 1969 г.²⁹

Нужно сказать, что в отношении воздействия на западную историографию советская концепция коренного поворота в ходе войны в определенной степени принесла результаты. Целый ряд американских и английских историков отказались от своих утверждений, что на советско-германском

фронте только Сталинградская битва являлась решающей для хода и исхода Второй мировой войны в целом. Как правило, в середине 1970-х гг. они стали признавать, что решающее значение имели также битвы под Москвой и Курском. Уже упоминавшийся американский историк Х. Болдуин, ранее утверждавший, что на советско-германском фронте решающее значение имела только Сталинградская битва, в своей новой книге писал, что битва под Москвой, «без сомнения, была поворотным пунктом второй мировой войны, даже больше, чем Сталинград... Немецкое вторжение в Россию и крупнейшие затем в истории войн битвы на суше имели политические, психологические и военные результаты глобального значения»³⁰.

Однако концепция коренного поворота в том виде, в котором она существовала до середины 1980-х гг., не стала абсолютно доминирующей в советской историографии. Она отсутствовала в большинстве учебных пособий, в ряде крупных изданий по истории войны, встретила возражение со стороны отдельных советских военачальников – участников Великой Отечественной войны³¹. Более того, никто из сторонников этой концепции не дал сколько-либо внятного объяснения, в чем состояло отличие коренного поворота в ходе войны, начавшегося победой Красной армии под Москвой, от коренного перелома, начало которому, как по-прежнему считалось, было положено контрнаступлением советских войск в районе Сталинграда, и чем органически связаны оба эти военно-политические явления³². Понятия «коренной перелом» и «коренной поворот» существовали как бы параллельно в текстах по Великой Отечественной войне, затрудняли четкое восприятие хода войны и наводили на мысль о простой реанимации первоначальной сталинской периодизации (выступление в ноябре 1942 г.).

В условиях перестройки, когда стали пересматриваться многие концептуальные положения, которые присутствовали до этого в советской историографии, известные историки А. М. Самсонов и О. А. Ржешевский на «круглом столе» в редакции газеты «Московские новости» в декабре 1986 г. однозначно высказали точку зрения о том, что битва под Москвой стала началом *коренного перелома* в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне в целом. При этом в оценке исторического значения указанного сражения они отказались от понятия «коренного поворота», приводившего ранее к неоднозначным толкованиям проблемы. Историки исходили из методологической посылки, что «коренной перелом – это длительный процесс, в который решающий вклад вносят вооруженные силы. Но это и противоборство экономик воюющих стран, это и военно-политический фактор, включая и дипломатию»³³.

По мнению А. М. Самсонова, современная война имеет много принципиальных отличий от войн, которые происходили в прежние времена. Если когда-то исход войны мог быть решен од-

ним генеральным сражением, то современная война, в которой участвуют и вооруженные силы, и гигантская военная техника, и вся экономика, и, по существу, вся масса народа, не может быть выиграна в одном сражении. «Не решила судьбу войны, – указывал он, – и Московская битва. Но она положила начало коренному перелому». О. А. Ржешевский высказался в том плане, что нельзя принижать значение битвы под Москвой, исходя из последующих неудач Красной армии в летне-осенней кампании 1942 г., и не следует забывать, что она означала для фашистской Германии. «А она означала, – говорил он, – катастрофу, потому что, помимо конкретного положения на советско-германском фронте, в действие вступали все более мощные силы антигитлеровской коалиции. Ход войны менялся в мировом масштабе»³⁴.

Эту позицию историки затем изложили в совместной статье в журнале «Вопросы истории», указав на то, что понятие «коренной перелом» не предполагает неизменно восходящего процесса, и в нем возможны временные спады. Отсюда рисовалась такая схема: Московская битва положила начало коренному перелому, Сталинградская битва внесла решающий вклад, а Курская битва и освобождение Левобережной Украины завершили коренной перелом³⁵. В организованной вскоре журналом дискуссии по данному вопросу точку зрения А. М. Самсонова и О. А. Ржешевского поддержал авторитетный историк Д. М. Прозктор. Против выступили А. А. Сидоренко, А. В. Страхов и А. Ф. Васильев, аргументируя свой взгляд (Сталинградская битва – начало коренного перелома) тем, что хотя после отражения немецкого наступления на Москву советские войска сумели перехватить стратегическую инициативу, но она была утеряна уже весной 1942 г., отсутствовал и экономический фактор, так как перелом в работе промышленности произошел только в 1943 г. Попытку примирить эти точки зрения предпринял А. В. Басов, заявивший о коренном изменении в соотношении сил сторон в ходе сражений декабря 1941 – июля 1943 гг.³⁶

Дискуссия по проблеме коренного перелома в Великой Отечественной войне фактически продолжается и до сего времени, хотя никаких новых научно-выверенных аргументов, подкрепляющих ранее обозначенные позиции в этом споре, историками в последние годы приведено не было. Вместе с тем и в этом вопросе нашли свое отражение те крайности, которыми сопровождается становление современной российской историографии Великой Отечественной войны. В частности, произошла некая фетишизация трудов западных авторов, отдельные места из которых российские историки нередко используют для обоснования своих суждений вне общего их контекста³⁷. Более того, западная историография периода «холодной войны» стала источником для современных доморощенных фальсификаций истории Великой Отечественной войны. В рамках так называемой «альтернативной истории» в 1990–2000-е гг. ста-

ла развиваться идея о том, что Красная армия по определению (тоталитарный режим, бездарное военное командование и т. п.) не могла самостоятельно переломить ход военных действий на советско-германском фронте. К примеру, публицист, в прошлом известный экономист и политик Г. Х. Попов, утверждает, что только сознательное ослабление немцами группировок из-за необходимости переброски сил в Северную Африку и в Италию, где англо-американские войска проводили десантные операции, позволило Советскому Союзу избежать катастроф под Сталинградом и Курском. И в том и другом случае якобы союзники «спасали Сталина», откликаясь на его просьбы³⁸. Подобного рода передергивание фактов истории Второй мировой войны не ново: несостоятельная концепция «перекачки» полноценных немецких дивизий с Востока на Запад уже давно присутствует в зарубежной историографии³⁹.

В современной отечественной историографии по сути дела присутствуют три точки зрения о времени начала коренного перелома в Великой Отечественной войне и его сути. Ряд историков исходят из того, что перелом в войне одномоментное действие, приводящее к разгрому главной группировки врага и окончательному захвату инициативы. Они считают, что поражение немецких войск под Сталинградом и явилось коренным переломом в ходе войны. После этой победы Красная армия, мол, не выпускала стратегическую инициативу из своих рук вплоть до капитуляции нацистской Германии⁴⁰. Но с выводами сторонников этой точки зрения о том, что коренной перелом в ходе войны «есть состояние, а не процесс»; что «произошел он в результате победы Красной Армии под Сталинградом, а победа под Москвой была лишь предпосылкой для “перелома”»; что «разгром немецких войск под Курском и выход Красной Армии к Днепру – это лишь закрепление результатов коренного перелома в войне, а не завершение его»⁴¹, – мало кто соглашается и справедливо ее критикует.

Для большинства российских историков более обоснованными и аргументированными являются суждения, учитывающие закономерности эволюции войн и факторы, их определяющие. К ним относятся такие, в которых под коренным переломом в войне понимается достижение решающих и необратимых изменений в соотношении сил и характере вооруженной, экономической, идеологической, дипломатической и других сфер борьбы в пользу одной из противоборствующих сторон. Такой перелом наступает при условии, что кардинальные перемены произошли во всех сферах борьбы, а не в одной или нескольких из них. А это значит, что коренной перелом – не одноактное явление, состояние или момент, а длительный по времени и многосторонний процесс. Исходя из данных методологических установок, одни авторы начало коренного перелома относят к разгрому гитлеровцев под Москвой⁴², а другие – связывают его с поражением немецких войск под Сталинградом,

что более обоснованно. Последняя точка зрения, прежде всего, присутствует в современных российских многотомных изданиях о войне⁴³.

Дело в том, что в ходе битвы под Москвой, безусловно, произошли крупные сдвиги в вооруженном, психологическом и дипломатическом противоборстве в пользу Красной армии, но из-за объективных и субъективных причин закрепить успех не удалось, и стратегическая инициатива вновь на длительный период перешла к германской стороне. Советские войска летом–осенью 1942 г. были вынуждены отступать под напором численно превосходящих сил противника в течение пяти месяцев к Волге и предгорьям Кавказа. Поражение 2-й ударной армии (Волховский фронт), войск Крымского фронта, неудачное наступление войск Южного и Юго-Западного фронтов, которое привело к поражению пяти советских армий под Харьковом, мощное наступление немецких групп армий «А» к Кавказу и «Б» к Сталинграду поставило страну в тяжелейшее положение.

Не было после победы под Москвой и перелома в экономической сфере. Промышленность не могла удовлетворить потребности Красной армии. Только к середине 1942 г. завершилась перестройка народного хозяйства на военный лад, и к концу года было создано слаженное военное хозяйство. Благодаря этому советские войска, начиная с 1943 г., стали превосходить врага в вооружении и военной технике.

Фактор политический (дипломатический), действительно, присутствовал, поскольку 1 января 1942 г. 26 государств подписали в Вашингтоне «Декларацию объединенных наций», завершив тем самым оформление антигитлеровской коалиции. Налажено было военно-техническое сотрудничество СССР с западными союзниками. Моральный фактор в ходе Московской битвы также имелся, поскольку в результате победоносных боев возрос моральный дух красноармейцев и командиров и всего советского народа, а моральный дух немецких солдат и офицеров в результате неудач под Москвой был сломлен. 62 тыс. немецких военнослужащих были отданы под военные трибуналы за дезертирство. Гитлер в ярости сместил более 40 фельдмаршалов и генералов за неудачу под советской столицей. Но основными показателями коренного перелома являются все же военный и экономический факторы, поэтому, несмотря на присутствие политического и морального факторов, Московская битва не является началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, но она внесла огромный вклад в создание условий для него.

В военном отношении после победы советских войск под Сталинградом ситуация на советско-германском фронте, да и в целом в ходе Второй мировой войны (масштабы и значение успехов союзников в Северной Африке были во много раз меньшими), изменилась более кардинально, чем после битвы под Москвой. Прочность владения Красной армией стратегической инициативой уже

не могла быть поставлена под сомнение кратковременными неудачами в феврале–марте 1943 г. в районе Донбасса и Харькова. Завершился коренной перелом в результате победы в Курской битве и освобождения левобережной Украины. Именно в ходе битвы на Курской дуге стратегическая инициатива окончательно перешла к советскому командованию. Битва же за Днепр показала, что необратимые сдвиги в ходе войны состоялись, что войска Красной армии даже после пятимесячных непрерывных боев способны противостоять попыткам перехватить инициативу, остановив контрнаступление немецких войск на житомирско-киевском направлении без привлечения резервов Ставки. Таким образом, процесс коренного перелома в Великой Отечественной войне продолжался с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. и по времени занял более года.

Примечания

- 1 Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 10.
- 2 См.: Поляков Ю. А. Историческая наука : люди и проблемы : в 3 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 135–136.
- 3 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1946. С. 98.
- 4 Там же. С. 98, 99, 100, 101, 103, 108.
- 5 Там же. С. 134.
- 6 Там же. С. 49.
- 7 Там же. С. 51–52.
- 8 Там же. С. 58.
- 9 Тезис об активной обороне Красной армии в 1941 г. присутствовал в том или ином виде во всех трудах о Великой Отечественной войне, вышедших в первые послевоенные годы. Так, в «Краткой биографии» И. В. Сталина, изданной в 1947 г., отмечалось, что в начале войны «... Советская Армия осуществила тактику активной обороны, имевшей целью изматывания противника, максимальное истребление его живой силы и техники и подготовку условий к переходу в наступление» (См.: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 189). В работе Б. С. Тельпуховского уже говорилось о стратегии активной обороны в сочетании с непрерывными контрударами в тот период. (См.: Тельпуховский Б. С. Великая Отечественная война Советского Союза : 1941–1945 гг. М., 1952. С. 37, 103).
- 10 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 134–135.
- 11 Там же. С. 165.
- 12 Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1951. С. 95.
- 13 См.: Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 29, 96.
- 14 Отголоски подобной точки зрения можно найти в более поздних работах советских историков. (См.: Советская экономика в период Отечественной войны 1941–1945. М., 1970. С. 260, 288).

- ¹⁵ Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1955. С. 4.
- ¹⁶ См.: Самсонов А. М. Память минувшего. События, люди, история. М., 1988. 229–231.
- ¹⁷ См.: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963; Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945. Барнаул, 1966; и др.
- ¹⁸ См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1939. С. 268, 297–299; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 286, 291, 297.
- ¹⁹ См.: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС // Правда. 1967. 23 июня.
- ²⁰ Правда. 1972. 9 мая.
- ²¹ История второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 6.
- ²² См.: История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. Т. 5, кн. 1. М., 1970. С. 242.
- ²³ Там же. С. 328–361.
- ²⁴ Jacobsen H.-A., Dollinger H. Der Zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. Bd. 2. Munnchen, 1961. S. 231.
- ²⁵ См.: Ржевский О. А. Война и история (Буржуазная историография США о Второй мировой войне). М., 1976. С. 138.
- ²⁶ Там же. С. 139.
- ²⁷ Другим средством противодействия указанным теориям стало стимулирование в 1970–1980 гг. написания специальных трудов по истории крупных сражений на советско-германском фронте, где Красная армия одерживала победу.
- ²⁸ См.: Василевский А. М. Начало решающего поворота в ходе Великой Отечественной войны // Коммунист. 1968. № 17; Чуйков В. И. Управление и связь в Сталинградской битве // Воен.-ист. журн. 1978. № 2.
- ²⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 374. Этой точки зрения Г. К. Жуков придерживался до конца жизни, о чем свидетельствует его интервью, данное историку В. А. Анфилову (См.: Российская газета. 1994. 10 декабря).
- ³⁰ Цит. по: Ржевский О. А. Буржуазная историография вооруженной борьбы на советско-германском фронте (Анализ современных тенденций) // Историография Великой Отечественной войны : сб. статей. М., 1980. С. 169.
- ³¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. 3-е изд. М., 1984; Великая Отечественная война 1941–1945 : Энциклопедия. М., 1985. С. 15–19; Лелюшенко Д. Д. Победа на Волге // Коммунист. 1983. № 1. С. 77.
- ³² Понимая уязвимость одновременного оперирования понятиями «коренной поворот» и «коренной перелом» для обозначения различных временных отрезков и явлений войны, авторы научно-популярного очерка разделили Великую Отечественную войну на шесть этапов, вместо традиционных трех периодов (См.: Великая Отечественная война (1941–1945). Краткий науч.-попул. очерк. 2-е изд., доп. / под. ред. П. А. Жилина. М., 1973. С. 7.
- ³³ Московские новости. 1986. 30 декабря.
- ³⁴ Московские новости. 1986. 30 декабря.
- ³⁵ См.: Самсонов А. М., Ржевский О. А. О коренном переломе в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 1987. № 4. 70–81.
- ³⁶ См.: Сидоренко А. А., Страхов А. В., Проэктор Д. М., Басов А. В., Васильев А. Ф. О начале коренного перелома во второй мировой войне // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 57–74.
- ³⁷ Так, в доказательство точки зрения о начале коренного перелома в битве под Москвой цитируют немецкого историка Б. Вегнера, который пишет: «Было бы ошибочно безоговорочно трактовать поражение под Сталинградом как “коренной перелом в войне” ... поражение под Сталинградом, если уж быть до конца точным, обозначило значительную стадию процесса сужения возможностей выбора военных операций, способных привести [Германию] к победе. Основными стадиями этого процесса были битва под Смоленском в июле 1941 г. и, как следствие ее, приостановка наступления на Москву, его провал в декабре, с полным правом охарактеризованная как “экономический Сталинград” эвакуация большей части советской промышленности в восточные регионы страны, а также решение Гитлера о разделении участвовавших в осуществлении операции “Блау” сил в июне 1942 г. Трагедия под Сталинградом завершила этот порождавший “коренной перелом” процесс» (Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / под ред. В. Михалки; пер. с нем. М., 1996. С. 523). Однако перечисление всех этих «стадий» необходимо Б. Вегнеру лишь для обоснования ошибочной стратегии Гитлера в войне против СССР, но ни в коем случае не для констатации усилий советского народа и руководства страны в отражении фашистской агрессии.
- ³⁸ Попов Г. Война и правда. N. Y. : Liberty Publishing House, 2005. URL : <http://lebed.com/2005/art4202.htm> (дата обращения: 16 ноября 2013 г.).
- ³⁹ См.: Падерин А. А. Сталинградская битва в зеркале западной историографии // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 102–103.
- ⁴⁰ См.: Тюшкевич С. А., Зимонин В. П. Коренной перелом в годы Второй мировой войны : концептуальный, исторический и геополитический // Геополитика и безопасность. 1995. № 3.
- ⁴¹ Там же. С. 114.
- ⁴² См.: Невзоров Б. И. Оборона Москвы – первый из трех китов коренного перелома в войне // Белые пятна военной истории. М., 1999. С. 176–180; Кульков Е., Мягков М., Ржевский О. Война 1941–1945 : Факты и документы. М., 2001. С. 75; Фролов М. И. Московская битва. Нетрадиционный взгляд // Воен.-ист. журн. 2011. № 9. С. 46–49 и др.
- ⁴³ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки : в 4 кн. Кн. 2. Перелом. М., 1998; Мировые войны XX века : в 3 кн. Кн. 3. Вторая мировая война : Ист. очерк. М., 2002. С. 150–166; Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М., 2011 и др.

УДК 94(112.2)(47).084.8

НЕМЦЫ СССР НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ

А. А. Герман

Саратовский государственный университет
E-mail: a.a.german@mail.ru

В статье исследуется такой феномен советской социалистической действительности, как специальное поселение («спецпоселение»). Автор рассматривает жизнь на спецпоселении советских немцев, составлявших самый многочисленный контингент спецпоселенцев. Рассматриваются образование и развитие немецкого спецпоселения, его правовые аспекты, жизнь немецкого населения на спецпоселении, причины и особенности снятия с немцев режима спецпоселения.

Ключевые слова: спецпоселение, спецпоселенцы, немцы, национальная дискриминация, ограничения в гражданских правах, депортация, трудовая армия, борьба за выживание.

Germans of the USSR on a Special Settling

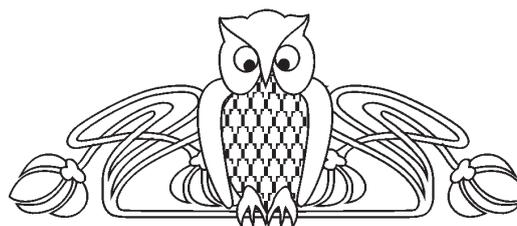
A. A. German

The article examines such a phenomenon of the Soviet socialist reality as special settling (a special regime when people are not allowed to leave the place of their living). The author studies the life of the Soviet Germans who made up the majority of special settlers. Education, the structure of German special settling, legal aspects and everyday life, reasons and peculiarities of withdrawing this regime are considered.

Key words: special settling, special settlers, Germans, national discrimination, restriction of civic rights, deportation, labor army, struggle for survival.

Спецпоселение – особый феномен в истории Советского Союза. Так назывался установленный государством порядок существования для «провинившихся» с точки зрения советского руководства целых народов и групп населения, в основе которого лежали насильственное переселение с исконных мест проживания и размещение в специально определённых для этого местностях, запрещение под угрозой уголовного наказания покидать установленный для проживания населённый пункт, ограничение целого ряда гражданских прав, декларировавшихся Конституцией СССР.

Свое начало спецпоселение ведёт с 1929–1930 гг. – годов сплошной коллективизации и раскулачивания. Именно тогда насильственное выселение, как один из многочисленных видов репрессий, приобрело массовый характер. В «отдалённые местности» Советского Союза (на Крайний Север, в Сибирь, Казахстан и другие места) в специальные «трудовые посёлки» были направлены десятки тысяч «кулаков» и «подкулачников» вместе с семьями. В 1931 г. в недрах НКВД создаётся специальное ведомство – Отдел по спецпереселенцам ГУЛАГа НКВД, которое стало осуществлять надзор за переселёнными лицами, организовало их «трудовое перевоспитание»¹.

Во второй половине 1930-х гг. на спецпоселения были направлены так называемые «неблагонадёжные элементы» из приграничных районов. В частности, в 1936 г. из приграничных районов Украины и Белоруссии было переселено в Казахстан 15 тыс. польских и немецких семей, в 1937–1939 гг. тысячи семей турок, иранцев, курдов, корейцев и других потенциально «враждебных» народов были выселены из приграничных районов Закавказья, Средней Азии, Дальнего Востока².

В 1941 г. в местах спецпоселения под надзором теперь уже Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД находилось 936,5 тыс. человек, подавляющее большинство которых составляли «бывшие кулаки» с семьями³.

28 августа 1941 г. в рамках подготовки к массовым переселениям советских немцев из европейской части СССР в Сибирь и Казахстан приказом наркома внутренних дел Л. Берии в НКВД был создан новый Отдел спецпереселенцев, подчинявшийся теперь уже не руководству ГУЛАГа, а непосредственно наркому. Его руководителем был назначен майор госбезопасности И. Иванов. Отдел создали «для разработки вопросов специального переселения, обеспечения мероприятий по перевозкам переселяемых и наблюдению за устройством их в местах расселения». Отдел организовывал и проводил все депортации советских немцев, проводившиеся с сентября 1941 г.⁴

Формирование и развитие немецкого спецпоселения. Режим спецпоселения для немцев СССР формировался постепенно в течение всех военных лет. Прибывшие по депортации в Сибирь и Казахстан немцы, особенно бывшие городские жители, на первых порах могли перемещаться внутри районов и даже из одного района в другой, отыскивая себе сносные места для жизни и работы. Некоторым из них удалось осесть в областных и краевых центрах, других крупных городах. В ноябре 1941 г. майор И. Иванов, докладывая наркому Л. Берии о ходе расселения депортированных немцев, отмечал, что многих переселенцев «можно видеть в районных, городских и областных центрах, занимающихся поисками для себя работы по специальности»⁵. Массовые случаи самовольного переезда немцев из района в район осенью 1941 г. отмечались практически в каждом донесении, поступавшем из краевых и областных управлений НКВД в центр.

Руководители местных управлений НКВД ходатайствовали о принятии законодательных актов, которые могли бы ограничить эти перемещения.

И хотя специально такие акты в то время приняты не были, однако по партийной линии обкомам, горкомам, райкомам прошла команда повысить политическую бдительность, принять меры, чтобы немцы не занимали каких-либо руководящих постов, не работали на важных с точки зрения государственной безопасности объектах. К таким объектам причислялись не только заводы и фабрики, но даже мелкие предприятия и учреждения, например, столовые, больницы и т. п. Основная масса депортированных немцев, за исключением ценных специалистов, должна была находиться в колхозах.

В качестве негативного примера «полной потери политической бдительности» местным партийным и советским руководством приводился пример Шипуновского района Алтайского края. Там райком партии и райисполком назначили немцев на должности заведующих общим отделом райисполкома, районным отделом коммунального хозяйства, дорожным отделом, директором райпищепромкомбината, заведующим районной больницей, председателем районного общества Красного Креста и др. «Указанные лица, пользуясь своим служебным положением и отсутствием контроля со стороны райкома ВКП(б) и райисполкома, в течение месяца приняли на работу в эти организации до 80 человек немцев-переселенцев...» В результате в районе «на откуп немцам» была отдана «вся медработа», «резка и сушка картофеля для РККА» и др. Вполне естественно, что после того как этот пример стал достоянием краевого руководства, последовали немедленные организационные выводы. Было сменено руководство района, а все немцы, о которых говорилось выше – уволены и направлены в колхозы⁶.

В этот же период времени был сфабрикован целый ряд дел против немцев, которым удалось устроиться на работу на военные предприятия или вольнонаёмными в воинские части. Все они были арестованы и уволены с мест работы. Так, например, на одном из военных заводов в г. Томске были арестованы немцы П. Меель, Я. Крюгер, Н. Фат и др., в г. Искитим арестовали молодую немку Э. Якель, работавшую в местной авиационной воинской части. Всем им было предъявлено стандартное обвинение в шпионаже в пользу Германии, в подготовке диверсий⁷.

К началу 1942 г. даже те немногие немцы, которым удалось найти более или менее приличную работу в городах и районных центрах, в большинстве своём были вновь отправлены в колхозы.

После проведённых в 1942 г. массовых мобилизаций всего трудоспособного немецкого населения, как депортированного, так и местного в «Трудовую армию», в местах проживания остались лишь старики, инвалиды, дети до 15–16 лет, женщины, имевшие детей в возрасте до 3 лет. Они оказались в тяжелейшем материальном положении, поскольку большинство их было нетрудоспособно, не имело своего жилья, государства же никакой помощи им не оказывало. Дети, оставшиеся без

родителей, должны были «воспитываться колхозами». Колхозам, оставшимся без мужчин, ушедших на фронт, задыхавшимся под тяжестью непосильных норм сдачи продовольствия, было не до них. Большинство из детей либо попали в детские дома, либо стали беспризорниками. Только за период с марта 1944 по октябрь 1945 гг. органами НКВД были выявлены и устроены в детские дома свыше 2900 беспризорных детей из семей трудармейцев, обнаружены и отправлены в инвалидные дома 467 инвалидов и бездомных стариков-немцев⁸.

Между тем с 1943 г. общее число спецпереселенцев начало быстро расти – за счёт депортации целого ряда народов европейской части СССР, обвинённых в сотрудничестве с оккупантами и пособничестве им. В 1943–1944 гг. в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию было переселено 92 тыс. калмыков, 228,4 тыс. жителей Крыма (татар, армян, греков, болгар и др.), 608,7 тыс. жителей Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и др.), 95 тыс. жителей Грузии и др. Началось с 1944 г. и продолжалось в послевоенные годы переселение тысяч граждан Западной Украины («оуновцев»), Прибалтики (эстонцев, латышей, литовцев и др.)⁹.

Новые спецпоселенцы в «Трудовую армию» не мобилизовывались, всё взрослое население трудилось по месту жительства, главным образом в колхозах. Жестокость, с которой осуществлялось переселение, неустроенность жизни на новых местах, злоупотребления и произвол местных органов власти привели к высокой смертности, вызвали массовое возмущение и протесты. В местах расселения спецпоселенцев резко возросло число происшествий, тяжких преступлений, многие из которых носили откровенно политический характер. В отдельных случаях имели место открытые антисоветские выступления. Несомненно, остроту ситуации придавал и южный темперамент новых спецпоселенцев. Всё это заставило руководство СССР более конкретно заняться политико-правовыми и организационными вопросами спецпоселения, которые, естественно, коснулись и немцев.

8 января 1945 г. Совет народных комиссаров СССР принял два закрытых постановления: «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпереселенцев»¹⁰.

В первом постановлении отмечалось, что в целях обеспечения «государственной безопасности, охраны общественного порядка и предотвращения побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроля за их хозяйственно-трудовым устройством» в местах спецпоселения НКВД создаёт спецкомендатуры. Спецкомендатуры подчиняются территориальным органам НКВД.

В обязанности спецкомендантов входили организация учёта и надзора за спецпереселенцами, поиск беглецов, предотвращение и пресечение беспорядков в местах проживания спецпереселенцев. Коменданты должны были осуществлять контроль

над хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев, приём от них жалоб и заявлений и принятие по ним соответствующих мер, выдачу спецпереселенцам, в силу уважительных причин, временных разрешений на выезд за пределы зоны действия комендатуры, без права выезда из района проживания. Комендантам также предоставлялось право налагать на провинившихся спецпереселенцев административные взыскания в виде штрафа до 100 руб. и ареста до 5 суток.

Второе постановление Совнаркома обязывало всех спецпереселенцев заниматься общественно-полезным трудом, строго выполнять установленный для них режим и общественный порядок, подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур. Запрещалось без разрешения коменданта отлучаться за пределы территории, обслуживаемой комендатурой. Самовольная отлучка приравнивалась к побегу и влекла за собой уголовную ответственность. Главы семей спецпереселенцев должны были в трёхдневный срок сообщать в комендатуру обо всех изменениях, происшедших в семье (рождение ребёнка, смерть или побег кого-либо из членов семьи и т. п.)

Постановления Совнаркома СССР о спецпереселенцах были дополнены рядом ведомственных документов НКВД. Реализация всех этих документов, по сути дела, привела к политико-правовому и организационному оформлению режима спецпоселения, под который попали сотни тысяч советских граждан. Их жизнь стала ещё более регламентированной, а права ограниченными.

На завершающем этапе войны и сразу после её окончания число спецпоселенцев-немцев начало быстро расти, во-первых, за счёт репатриантов (около 200 тыс.) и, во-вторых, за счёт ликвидации «Трудовой армии».

В марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам, где функционировали трудармейские подразделения, расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, ликвидировать «зоны», что означало конец «Трудовой армии». Однако все бывшие трудармейцы получали статус спецпоселенцев и как крепостные прикреплялись к своим предприятиям, строительству, лагерям. Им разрешили вызвать и помочь перевезти к себе свои семьи, они получили возможность проживать в общежитиях и на частных квартирах, строить или покупать себе жильё. В районах проживания бывших трудармейцев и прибывших к ним семей создавались спецкомендатуры. Лишь небольшому числу бывших трудармейцев разрешили покинуть свои предприятия и возвратиться в места, откуда их мобилизовали в 1942 г. В это число попали инвалиды, женщины старше 45 лет и матери, у которых остались беспризорные дети, а также мужчины старше 55 лет.

Следствием отмеченных выше решений советского руководства стали активные миграционные процессы среди немецкого населения СССР, имевшие место в 1946–1947 гг. За счёт прибытия семей

резко возросло число немцев на бывших объектах «Трудармии», то есть на заводах, фабриках, стройках. За счёт этого значительно возросло городское немецкое население и частично сократилось сельское, хотя оно и продолжало оставаться преобладающим. Географически немецкое спецпоселение значительно расширилось. Произошла своего рода диффузия немцев из районов первоначального последепортационного расселения в Западной Сибири и Казахстане в целый ряд других регионов: на Урал и европейский Север, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, в Среднюю Азию и некоторые другие регионы.

Именно после проведённых сразу после войны перемещений немцев немецкое спецпоселение приобрело окончательно сформировавшийся вид. По данным НКВД, на 15 июля 1949 г. численность немцев, как самостоятельного контингента спецпоселения, составляла 1 093 490 человека¹¹. В это число не входило свыше 100 тыс. немцев – не подвергавшихся депортации местных жителей Урала, Сибири, Дальнего востока, Казахстана, Средней Азии и некоторых других регионов. Этим людям «повезло», на них режим спецпоселения не распространялся. Однако это везение оказалось недолгим.

Где бы ни проживали советские немцы: в городах и сёлах, где бы ни работали: в промышленности, строительстве, на транспорте или в сельском хозяйстве, их жизнь и труд были чрезвычайно тяжёлыми, что обуславливало низкую рождаемость и высокую смертность. Так, только в Казахстане с апреля 1944 по июль 1949 гг. умерло 19,5 тыс. человек – около 8% от всех проживавших там немцев. Как следует из документов НКВД (МВД), основная причина всех смертей – тяжёлые материальные и жилищные условия, голод, вспышка тифа в 1944 г. Всего, по данным того же ведомства, очевидно, далеко не полным, с 1 января 1942 г. по 1 октября 1948 г. родилось 25,8 тыс., умерло 45,3 тыс. немцев¹². Даже эти, далеко не точные, данные красноречиво показывают, что уровень смертности немцев в годы войны почти в 2 раза превышал уровень рождаемости. Такое могло происходить только при очень тяжёлых условиях жизни.

Ужесточение режима, дискриминация немцев. Советский народ, вынесший нужду предвоенных лет и невиданные тяготы военного времени, надеялся, что добытая им с таким трудом и жертвами победа коренным образом изменит жизнь к лучшему. Чаяния людей не ограничивались лишь условиями материального благосостояния, что было, безусловно, главным, но они верили, что отпадёт надобность в политических и идеологических ограничениях. Однако Сталин не собирался идти на уступки. Ответом на надежды народа, на его стремление к демократии, свободе стали новые репрессии.

С возвращением к мирному труду власти постепенно ужесточают контроль над всеми сферами общественной жизни. Одна за другой следуют идеологические и политические кампании, спрово-

ждающиеся массовыми репрессиями. Крестьян репрессировали «за нарушение Устава сельхозартели», рабочих – «за нарушение трудовой дисциплины», интеллигенцию – «за буржуазное перерождение и преклонение перед иностранщиной». В 1945–1948 гг. в тюрьмах, лагерях и на спецпоселении оказались сотни тысяч бывших военнопленных и людей, сотрудничавших с оккупационным режимом. В документах НКВД и МГБ они проходили как «власовцы»¹³.

Особый размах репрессии приняли в 1948 г. 21 февраля 1948 г. советское руководство приняло секретное решение о том, что все лица, которые отбыли срок заключения после большого террора 1930-х гг., вновь должны быть осуждены или отправлены на вечное спецпоселение. В это число вошли также дети пострадавших, которые к тому времени достигли совершеннолетия. 2 июня 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за уклонение от общественно-полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни в сельском хозяйстве». Его применяли к колхозникам, не вырабатывавшим установленного количества трудодней. По этому указу на спецпоселение были отправлены свыше 33 тыс. человек. Туда же широким потоком продолжали поступать «оуновцы» из Западной Украины и Западной Белоруссии, «кулацкие и контрреволюционные элементы» из Прибалтики, Бессарабии и др. Общее число спецпоселенцев быстро росло¹⁴.

Естественно, что как старые, так и новые спецпоселенцы были недовольны своим положением, поскольку считали его несправедливым, тем более, что война закончилась и началась мирная жизнь. Одной из форм протеста стали побег из мест спецпоселения, в среде спецпоселенцев увеличилось число «антисоветских проявлений», уголовных преступлений. На эти факты власти ответили новыми карательными мерами.

26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР издал под грифом «Совершенно секретно» Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны». В Указе прямо и недвусмысленно устанавливалось, что немцы, как и все другие народы, отправленные на спецпоселение в годы войны, переселены туда «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Указ повторил пункт постановления Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. о том, что за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Однако если постановление СНК СССР предусматривало наказание в соответствии с действующим советским уголовным законодательством, то Указ от 26 ноября определил для спецпоселенцев, нарушавших режим, особую, универсальную на все случаи, драконовскую меру наказания – 20 лет каторжных работ. Такого вида

уголовного наказания, как каторга, даже не было в советском законодательстве, хотя жизнь и труд многих сотен тысяч советских людей в сталинских лагерях были ничем иным как каторгой, в ее до-революционном понимании.

Дела в отношении побегов спецпоселенцев теперь должны были рассматриваться не обычными судами, а внесудебным органом – Особым Советом при Министерстве внутренних дел СССР, славившимся своей необычайной жестокостью. Лицам, оказывавшим помощь беглецам в побеге, укрывавшим их и помогавшим обосновываться в местах прежнего жительства, также предусматривалось единое универсальное наказание – 5 лет лишения свободы¹⁵.

Весть о принятии Указа Президиума Верховного Совета СССР стала для спецпоселенцев тяжёлым ударом. Всё-таки большинство из них питало надежду, что после окончания войны режим спецпоселения постепенно будет отменён или, по крайней мере, смягчён. Теперь же надеяться было не на что. В местах спецпоселения применение Указа от 26 ноября 1948 г. имело тяжёлые последствия. Теперь ещё больше, чем когда-либо, судьба спецпоселенцев была в руках спецкоменданта, поскольку от него во многом зависело, какие действия спецпоселенцев можно было расценить как побег. Резко возросло число арестованных и осуждённых. Многие из них, в том числе старики и женщины, были осуждены на 20-летнюю «каторгу» в лагерях лишь за то, что позволили себе, к примеру, самовольно выйти за пределы населённого пункта, чтобы навестить родственников в соседнем селе, либо сходить в лес за грибами и ягодами. Начались самые трудные годы спецпоселения, которые продолжались вплоть до смерти Сталина и начала «оттепели» в нашей стране.

В 1949–1953 гг. продолжался рост спецпоселения за счёт включения в него новых групп советских граждан. В 1949 г. были переведены на режим спецпоселения немцы – местные жители Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и некоторых других регионов – всего свыше 100 тыс. человек. Они составили подконтингент – «местные». В том же году была проведена «чистка Черноморского побережья» (условное название спецоперации). В результате из Грузии, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа, Крыма и Южной Украины на спецпоселение поступило 57,7 тыс. человек. В 1950 г. из Грузии было отправлено на спецпоселение около 5 тыс. местных иранцев, из Средней Азии – около 3 тыс. «бывших басмачей» с семьями.

В 1951 г. из западных районов Украины и Белоруссии на спецпоселение отправились «андерсовцы» – бывшие военнослужащие польской армии генерала Андерса, репатриированные после войны в СССР из Великобритании – около 4 тыс. человек. 23 июля 1951 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности за уклонение от общественно-полезного труда и

за ведение паразитического образа жизни». Этим указом советское руководство боролось с такими проявлениями, «нетипичными для социалистического общества», как бродяжничество, попрошайничество, проституция и т. п. Жертвы этого указа также пополнили ряды спецпоселенцев. Существовали и иные каналы пополнения спецпоселения¹⁶.

В результате на 1 января 1953 г. на учёте спецпоселения числилось 2 753,4 тыс. человек. Среди них контингент «немцы» составлял 1 224,9 тыс. человек, то есть 44,5%. Это был самый крупный контингент спецпоселения. Следовавший за ним второй по численности контингент «с Северного Кавказа» (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и др.) насчитывал 498,4 тыс. человек и составлял всего 18%¹⁷.

Внутри контингента «немцы» существовало следующее деление на подконтингенты: выселенные – 855,8 тыс., репатриированные – 208,4 тыс., местные – 111,3 тыс., мобилизованные – 48,5 тыс., другие – 0,9 тыс. Кроме того, немцы имелись и в некоторых других контингентах спецпоселенцев и в категориях репрессированных. 160 человек числились в категории ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, 427 – в контингенте «из Крыма», свыше 2 тыс. – в контингенте «власов-

цы», 38 немцев – в контингенте «поляки», около 1 тыс. в контингентах «фольксдойче», «немецкие пособники» и др. В это же время (по состоянию на 1 января 1953 г.) в заключении (в тюрьмах и лагерях) находилось 13,9 тыс. советских немцев. По мере освобождения они направлялись в места спецпоселения их родных и близких¹⁸.

География немецкого спецпоселения в СССР была весьма широка. В РСФСР проживало 707,2 тыс. немцев. Распределялись по республике они крайне неравномерно. Больше всего их было в Западной Сибири (338,1 тыс.), на Урале (198,6 тыс.), значительно меньше в других регионах. Тем не менее, немецкое спецпоселение существовало практически во всех регионах даже там, откуда немцы в 1941 г. депортировались. В европейской части РСФСР насчитывалось 83,3 тыс. немцев-спецпереселенцев.

Из других союзных республик больше всего немцев имелось в Казахстане – 448,6 тыс. человек. По территории республики они были распределены более или менее равномерно. Достаточно много немцев проживало в Таджикистане – 28,2 тыс., в Киргизии – 15,7 тыс.¹⁹

Немцы работали в самых различных отраслях народного хозяйства страны, что видно из таблицы.

Распределение дееспособного немецкого населения по основным отраслям народного хозяйства СССР в 1953–1955 гг., % от всех работавших²⁰

Отрасль народного хозяйства	Немцы, работавшие в отрасли, %
Сельское хозяйство	51,5
Угольная промышленность	11,2
Строительство	6,9
Лесная промышленность	6,0
Местная промышленность	5,0
Металлургическая промышленность	3,6
Нефтяная промышленность	2,6
Железнодорожный транспорт	1,5
Бумажная и деревообрабатывающая промышленность	1,4
Другие отрасли	10,3

Если до войны свыше 90% немцев СССР занималось сельским хозяйством и проживало в селе, то после войны ситуация кардинально изменилась. Почти половина трудоспособного населения стала работать в различных отраслях промышленности, на транспорте и в строительстве. Это прямое следствие мобилизации в «Трудовую армию». По сути дела, и после ликвидации рабочих отрядов и колонн бывшие трудармейцы продолжали в течение целого ряда лет работать на тех же объектах, куда когда-то были мобилизованы.

Все 15 лет существования спецпоселения (1941–1955 гг.) немецкое население СССР, расплывшее на огромной территории страны, было полностью лишено каких-либо возможностей поддерживать и сохранять свою национальную идентичность. Вокруг него была создана такая морально-психологическая атмосфера, что на работе, в общественных местах немцы вынуждены были говорить на русском языке, и только дома, в тесном семейном кругу, они могли позволить себе объяс-

няться по-немецки. Не было возможности ни читать, ни писать на родном языке, тем более немцы не имели возможность сохранять свои традиции и обычаи, народную культуру (обряды, песни, танцы и т. п.). Фактически под запретом была религиозная жизнь. Особенно отрицательно всё это сказывалось на молодом поколении – детях, родившихся перед войной, в годы войны и в послевоенные годы. Они были лишены возможности не только обучаться на родном языке, но даже изучать его.

Тяжёлая жизнь и работа, постоянная борьба за выживание не давали возможности родителям уделять своим детям должное внимание, тем более передавать им традиции национальной культуры. Да и сами взрослые, вынужденные адаптироваться к новым условиям жизни, постепенно теряли многие свои национальные черты, формируя новые привычки, усваивая и перенимая обычаи и нравы, элементы быта и культуры окружающего населения. Медленнее эти процессы шли в сельской местности, особенно в районах традиционного

проживания немцев в Сибири, Казахстане, Средней Азии, быстрее – в городах, рабочих посёлках, там, где немцев было мало.

На спецпоселении немцы подвергались не только национальной дискриминации, они были лишены многих общегражданских прав, их жизнь постоянно наталкивалась на различного рода ограничения и запреты, часто просто абсурдные. Это вынужден был признать даже министр внутренних дел СССР С. Круглов в 1953 г.: «На местах зачастую ущемляется правовое положение спецпоселенцев: без надобности создаётся излишне жестокий режим, запрещается свободное передвижение по жизненно необходимой для спецпоселенцев территории, устанавливается частая регистрация в спецкомендатуре, создаются препятствия к выездам в командировки, на лечение и учёбу, что влечёт за собой подачу ими большого количества жалоб»²¹.

Спецпоселенцы не имели паспортов, что фактически делало их изгоями в обществе, затрудняло устройство на работу, получение почтовых отправок и т. п. Кроме того, спецпоселенцы не призывались на военную службу, им не разрешалось работать в милиции и других силовых структурах. Они не могли занимать сколько-нибудь важные посты и должности в государственных органах и учреждениях, в сферах народного хозяйства, здравоохранения, образования, культуры. Дети спецпоселенцев состояли на «посемейном» учёте с момента рождения до исполнения им 16 лет. После этого их ставили на персональный учёт, то есть они становились «полноценными» спецпоселенцами. Хотя формально молодые спецпоселенцы и не были лишены права получать высшее или специальное среднее образование, однако подавляющее большинство их не могло поступать в вузы и техникумы, так как практически все эти учебные заведения находились за пределами зон спецпоселения, а выезд из зон запрещался.

Чем дальше после войны сохранялось спецпоселение, тем всё яснее становились его ненужность, абсурдность и даже вред, поскольку оно искусственно делило граждан СССР на два сорта и тем самым мешало стабилизации советского общества. В центральные партийные и государственные органы Советского Союза от спецпоселенцев шёл огромный поток писем, в которых люди пытались убедить власти в своей лояльности, просили снять спецпоселение или, по крайней мере, ликвидировать некоторые, наиболее унизительные ограничения. Так, например, молодая женщина-немка Екатерина Гааг, ходатайствуя о снятии с себя ограничений по спецпоселению, писала, что её принадлежность к немецкой национальности не может являться основанием для ограничения в правах: «Я никакого преступления не совершала. Всю свою жизнь честно и добросовестно трудилась на благо любимой Родины. Моё положение убивает меня морально»²².

Н. Диль, прося освободить его от спецпоселения, сообщал в своём обращении в правительство,

что «с начала Отечественной войны 1941 года по 1 сентября участвовал в боях за социалистическую Родину... Получил тяжёлое ранение и был отправлен в госпиталь. В настоящее время – инвалид Великой Отечественной войны, награждён медалью...»²³ М. Литавер, обращаясь к Председателю Совета Министров СССР, сообщал, что всю войну пробыл в «Трудовой армии», сейчас работает на угольной шахте в Воркуте. Его письмо заканчивалось следующими словами: «В 1954 году за образцовую и долготлетнюю работу в угольной промышленности Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР меня наградили орденом Ленина. Прошу Совет Министров СССР... снять меня со спецпоселения»²⁴.

Однако при жизни И. Сталина, когда спецпоселение постоянно росло, пополняясь всё новыми контингентами, о его ликвидации или даже просто смягчении не могло быть и речи.

Ликвидация немецкого спецпоселения. После смерти И. Сталина среди его окружения в высшем руководстве страны в течение нескольких месяцев шла борьба за лидерство. Некоторое время в этой борьбе ведущие позиции занимал Л. Берия. В то время он являлся заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром внутренних дел и государственной безопасности. Получая постоянную информацию от подчинённых органов госбезопасности, Л. Берия очень хорошо знал ситуацию в обществе, «болевые точки» советской системы. Вместе с руководителем правительства Г. Маленковым буквально с весны 1953 г. он начал проведение ряда достаточно радикальных для того времени реформ, среди них – некоторое смягчение репрессивной системы. В числе прочих мер было выработано предложение высшему руководству страны о значительном сокращении контингента спецпоселения и снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев. 26 июня 1953 г. Л. Берия был арестован, а большинство начатых им реформ приостановлено. Что же касается реформы системы спецпоселения, то преемник Л. Берии на посту министра внутренних дел С. Круглов, тем не менее, не только сохранил подготовленный проект, но и, несколько доработав его, в сентябре 1953 г. представил этот документ в ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР²⁵.

Документ исходил из нецелесообразности сохранения в дальнейшем столь огромного (около 3 млн человек) контингента спецпоселения. Это объяснялось тем, что «в результате упрочения советского общественного и государственного строя укрепились законность и социалистический правопорядок, а основная масса спецпоселенцев положительно относится к мероприятиям Советской власти, честно трудится, прочно осела на жительство в местах поселений и принимает активное участие в общественной и хозяйственной жизни страны...»²⁶

Всего предлагалось снять с учёта спецпоселения около 2 млн человек. Большую часть этого

контингента должны были составить советские немцы, выселенные в 1941 г. из европейской части СССР и постоянно проживавшие в других регионах страны. Кроме того, со спецпоселения снимались некоторые другие народы и социальные группы, выселение которых осуществлялось перед войной и в военные годы: калмыки, поляки, греки, турки, курды, хамшилы и др., а также все бывшие раскулаченные, выселенные в 1929–1931 гг. из районов сплошной коллективизации, все отправленные после войны в места спецпоселения «за паразитический образ жизни» и некоторые другие.

С учёта спецпоселения предлагалось также снять всех детей, которым к моменту их депортации не исполнилось 18 лет (и в дальнейшем детей спецпоселенцев на учёт не ставить), коммунистов, комсомольцев, орденосцев с семьями, членов семей погибших при защите Родины, пожилых людей (женщин старше 55, мужчин старше 60 лет), инвалидов.

Руководство МВД предлагало также отменить целый ряд документов, на основании которых все эти люди оказались на спецпоселении.

В документе специально оговаривалось, что освобождение со спецпоселения не влечёт за собой возврат бывшим спецпоселенцам их имущества, оставленного при депортации. Особо следует отметить, что документ МВД не содержал никаких предложений о запрете бывшим спецпоселенцам возвращаться к местам додепортационного проживания. Вместе с тем, органам власти всех уровней предлагалось принять меры к тому, чтобы освобождённые от спецпоселения остались жить на прежних местах, в том числе предоставлять бывшим спецпоселенцам долгосрочные (на срок до 10 лет) ссуды на строительство жилья размером до 10 тыс. рублей, распространить на них действие ряда льгот, предусмотренных для районов Крайнего Севера и Сибири.

Оставить на спецпоселении предлагалось около 800 тыс. человек. Однако оставить не «навечно», а на срок 5 лет. В это число спецпоселенцев, кроме северокавказских народов, крымских татар, «оуновцев», «антисоветского элемента», выселенного после войны из Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии, некоторых других категорий, входили также советские немцы-репатрианты. По документу их насчитывалось 138,7 тыс. человек²⁷.

Предложение об оставлении перечисленных выше категорий населения на спецпоселении обосновывалось тем, что «среди этих спецпоселенцев наиболее остро проявляются враждебные настроения».

Предлагалось также существенно смягчить сам режим спецпоселения. Спецпоселенцам разрешалось беспрепятственно менять место жительства в пределах района, ставя об этом в известность спецкоменданта; с разрешения соответствующих местных управлений МВД они получали возмож-

ность менять место жительства в пределах области, края, республики, совершать временные выезды за пределы мест спецпоселения. Перерегистрацию спецпоселенцев с их личной явкой в спецкомендатуру намечалось проводить один раз в 3 месяца.

Предлагалось отменить репрессивные статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., а всех осуждённых по этому указу – освободить со снятием судимости. За нарушение режима спецпоселения виновные должны были нести ответственность в соответствии с действующим уголовным законодательством. Отменялся арест, как административная мера наказания спецпоселенцев.

Наряду с рассмотренным выше документом МВД СССР подготовило и передало в соответствующие инстанции проекты постановления Совета министров СССР и Указа Президиума Верховного Совета СССР об отмеченных выше изменениях в системе спецпоселения. Если бы предложения МВД были реализованы, то подавляющая часть советских немцев (за исключением репатриантов) могла бы быть освобождена от режима спецпоселения ещё до конца 1953 г. Но этого, к сожалению, не произошло. Советское руководство побоялось идти на столь радикальные меры. В какой-то мере сработал антибериевский синдром (ведь именно возглавлявшееся им ведомство разработало предложения), но всё же главным оказались опасения, что одновременное освобождение со спецпоселения столь большого числа людей может привести к массовому возвращению бывших спецпоселенцев в места прежнего жительства и вызвать там «враждебные действия», то есть столкновения с теми, кого переселили на эти места позднее, а также общую дестабилизацию обстановки. Именно в это время по всей стране заметно проявлялись элементы дестабилизации общественного порядка, связанные с амнистией и освобождением Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 мая 1953 г. (принятым по инициативе Л. Берии) около 1,2 млн уголовников, в том числе и рецидивистов, что также не могло не повлиять на характер принятого решения.

Высшее руководство страны в целом согласилось с предложениями МВД о необходимости поэтапной ликвидации спецпоселения, взяло за основу поступившие от этого ведомства предложения, однако внесло в них некоторые коррективы, растянув реализацию проекта на три с лишним года.

Лишь спустя почти год – 5 июля 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»²⁸. Постановление предусматривало поэтапное, достаточно медленное сокращение числа и категорий спецпоселенцев и некоторую либерализацию самого режима спецпоселения.

В соответствии с этим постановлением спецпереселенцы получили право свободного передви-

жения в пределах республики, края или области, в которых они проживали, они могли беспрепятственно выезжать в командировку, на лечение, в гости к родственникам и по другим уважительным надобностям в любую местность СССР на общих со всеми советскими гражданами основаниях. Личная явка на перерегистрацию теперь необходима была лишь один раз в год.

Этим же постановлением с режима спецпоселения были сняты все дети спецпоселенцев в возрасте до 16 лет, а также дети старше, обучавшиеся в высших и средних специальных учебных заведениях (таких среди всех спецпоселенцев оказалось всего 2,8 тыс. человек). Для немцев это означало освобождение около 400 тыс. человек²⁹.

13 августа 1954 г. вышло очередное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР в соответствии с которым режим спецпоселения был снят с «бывших кулаков» (отбывавших его ещё со времён коллективизации), а также с немцев – местных жителей Сибири, Дальнего Востока, Урала, Казахстана, Средней Азии и других мест, откуда не проводилась депортация, включая бывших трудармейцев этой категории. Таким образом, было освобождено от спецпоселения ещё 105,8 тыс. советских граждан немецкой национальности³⁰.

10 марта 1955 г. Совет Министров СССР обязал органы внутренних дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР, ликвидировав, таким образом, существенный моральный элемент дискриминации этой категории советских граждан³¹.

23 марта 1955 г. по предложению министерств обороны и внутренних дел ЦК КПСС разрешил призыв значительной части категорий спецпоселенцев, в том числе немцев, на действительную военную службу, начиная с призывников 1936–1937 гг. рождения. В тот же день последовало соответствующее распоряжение Совета Министров СССР. При этом призывавшиеся на военную службу 19-летние юноши подлежали снятию с учёта спецпоселения. 9 мая 1955 г. с режима спецпоселения были сняты члены и кандидаты в члены КПСС со своими семьями. Их среди немцев оказалось около 5 тыс. человек³².

Таким образом, к весне 1955 г. от режима спецпоселения были освобождены свыше 500 тыс. советских немцев. В то же время ещё свыше 700 тыс. немцев продолжали свою жизнь в условиях спецпоселения. На рассмотренном этапе освобождение немцев осуществлялось в общем контексте политики нового советского руководства на постепенную ликвидацию института спецпоселения как составной части раздутой репрессивной системы сталинских времён. Однако постепенно появился и стал развиваться новый фактор, влиявший на судьбу советских немцев – внешнеполитический. Он был связан с тем, что начиная с 1954 г. СССР постепенно стал налаживать и развивать отношения с Федеративной Республикой Германией.

В то время СССР стремился не допустить вступления ФРГ в НАТО, её интеграции в со-

циально-экономические и военно-политические структуры Запада, а поэтому выступал за создание единой нейтральной Германии. 25 января 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией»³³. Этот Указ стал мощным толчком к активизации борьбы советских немцев за снятие с них ярма спецпоселения. Поток писем в различные партийные и государственные инстанции резко вырос. Только Председателю Совета Министров СССР Н. Булганину за период с февраля по июнь 1955 г. от спецпоселенцев-немцев поступило около 2 тыс. писем. Общее же количество таких писем в первом полугодии 1955 г. исчислялось десятками тысяч.

Настроение большинства советских немцев в тот период, пожалуй, наиболее точно выразил Н. Кильгаст, который писал Н. Булганину: «Уже 10 лет как окончилась война. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. восстановлены все права наших врагов – подлинных немцев. Я же только за то, что мои далёкие предки выходцы из немцев, до сих пор нахожусь на положении гражданина, ограниченного в правах неизвестно за что и на какой срок. Как-то всё это не вяжется с национальной политикой, проводимой нашей Партией и Правительством»³⁴.

В июле 1955 г. правительственные чиновники, изучив горы писем от спецпоселенцев, поступившие к тому времени в Совет Министров СССР, пришли к следующему выводу: «Жалобы спецпереселенцев на длительное ограничение их прав и содержание на учёте спецкомендатур МВД по признакам национальной принадлежности заслуживают внимания. Назрела, видимо, необходимость некоторого пересмотра имеющихся решений по вопросам спецпереселения». Однако тут же делалась существенная оговорка, что «одновременное освобождение всех спецпереселенцев со спецучёта в настоящее время вряд ли целесообразно, учитывая, что в ряде районов страны значительную часть рабочей силы на предприятиях и в сельском хозяйстве составляют спецпереселенцы (Воркута, Караганда, Ухта и др.) и, будучи снятые с учёта, многие из них могут выехать в другие районы страны, чем будет нанесён определённый ущерб народному хозяйству». Далее следовали рекомендации: «...было бы целесообразно осуществить постепенное, в течение ближайших лет, освобождение граждан со спецучёта, предусмотрев при этом определённые меры для трудового устройства и закрепления спецпереселенцев в местах поселения». Именно так и действовало советское руководство в дальнейшем в отношении спецпоселенцев³⁵.

Тем временем СССР и Западная Германия начали подготовку к установлению между собой дипломатических отношений. Одним из постановочных вопросов, выдвинутых в этом контексте правительством ФРГ к своему партнёру по переговорам, стал вопрос освобождения и возвращения на родину ещё находившихся в

Советском Союзе германских военнопленных и гражданских лиц, насильственно вывезенных в СССР в конце войны и в первые послевоенные месяцы. К категории «гражданские лица» были отнесены и те советские немцы-репатрианты, которые в 1943–1945 гг., находясь на территории Германии, получили германское гражданство. Это гражданство было признано законом ФРГ от 22 февраля 1955 г.³⁶

На переговорах К. Аденауэра и Н. Булганина, проходивших в Москве в сентябре 1955 г., германский канцлер назвал число – свыше 130 тыс. немцев, получивших в годы войны германское гражданство, от которых в период после смерти Сталина были получены заявления об их желании выехать из СССР. Советское руководство, застигнутое врасплох такими масштабными претензиями, вынуждено было дать обещание выпустить этих немцев из СССР. При этом была сделана оговорка, что следует ещё установить реальное существование этих 130 тыс. лиц, пожелавших вернуться в Германию³⁷.

Дипломатические отношения были установлены, однако из идеологических и политических соображений советское руководство не могло допустить массового выезда из страны своих граждан, добровольно решивших променять советский «рай» на «капиталистическое рабство» и потому в дальнейшем чинило им всяческие препятствия. Одновременно, как это не раз бывало и раньше, развернулась кампания по обработке немецкого населения СССР в духе «советского социалистического патриотизма». Для успеха кампании необходимо было, во-первых растворить немцев-репатриантов в общей массе остального немецкого населения СССР, гораздо более лояльного к советскому режиму, во-вторых, в целом изменить условия жизни немцев к лучшему.

Вот почему советские немцы, по существу, стали первой национальной группой, снятой с режима спецпоселения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. со всех без исключения оставшихся к тому времени на спецпоселении немцев были сняты предусмотренные этим режимом ограничения³⁸. Освободив немцев от спецпоселения, руководство страны, тем не менее, сохранило в отношении них ряд дискриминационных мер. В указе специально оговаривалось, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Кроме того, в указе были полностью проигнорированы права немцев, как национального меньшинства, на удовлетворении своих потребностей в сохранении языка, культуры, традиций и т. п. Тем не менее, ликвидацию немецкого спецпоселения следует расценивать как существенный шаг вперёд к уравниванию немцев в правах с другими советскими гражданами.

Оно стало исходной точкой очень медленной, крайне непоследовательной и противоречивой государственной реабилитации немцев, продолжавшейся все последующие годы.

Примечания

- 1 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. История фондообразователя.
- 2 См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 122–132.
- 3 Там же. С. 144.
- 4 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. История фондообразователя.
- 5 Там же. Ф. 9471. Оп. 1. Д. 83. Л. 171.
- 6 Там же. Д. 84. Л. 87–88.
- 7 См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 245, 256.
- 8 См.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 1998. С. 120.
- 9 Подробнее см.: Земсков В. Н. Указ соч. С. 144–176.
- 10 ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–55 об.
- 11 См.: Земсков В. Н. Указ. соч. С. 233.
- 12 См.: Бугай Н. Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР : трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос : вехи истории. М., 1994. С. 89.
- 13 Земсков В. Н. Указ. соч. С. 186–192.
- 14 Там же. С. 214.
- 15 Текст Указа см.: История российских немцев в документах. М., 1993. С. 176.
- 16 См.: Земсков В. Н. Указ соч. С. 232–236.
- 17 Там же. С. 285.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 286–303. Выборка сделана автором.
- 20 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 199.
- 21 Там же. Д. 896. Л. 7.
- 22 Там же. Л. 36–37.
- 23 Там же. Л. 151.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Л. 15.
- 26 Там же. Л. 7.
- 27 Там же. Л. 10.
- 28 Там же. Л. 200.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 32.
- 32 Там же. Л. 154.
- 33 Там же. Л. 148.
- 34 Там же. Л. 147.
- 35 Там же. Л. 153.
- 36 См.: Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С. 115.
- 37 Там же.
- 38 Текст Указа см.: История российских немцев в документах. М., 1993. С. 177.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94:27–29(410) «653»

ВЕТХОЗАВЕТНОЕ ПРЕДАНИЕ О ЮДИФИ В КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

И. И. Болдырева

Воронежская государственная медицинская академия
E-mail: boldyrevairi@mail.ru

Статья посвящена различным аспектам культурной адаптации ветхозаветной книги «Юдифь» в письменной традиции раннего средневековья. На основе англосаксонских источников автор изучает представления Средневековых писателей и проповедников о женской святости и героизме, исследует взаимодействие христианского и германского культурных пластов в памятниках древнеанглийского эпоса.

Ключевые слова: Ветхий Завет в средневековой культуре, Юдифь, англосаксонская проповедь, древнеанглийский эпос, аббат Элфрик Эншемский, датские вторжения в Англию.

Old Testament Legend about Judith in the Literary Tradition of Early Medieval England

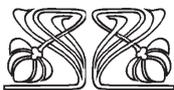
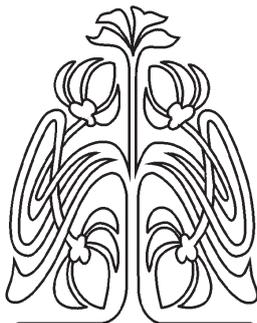
I. I. Boldyreva

The article is devoted to the Old Testament story of Judith, various aspects of its cultural adaptation and meaning in the literary tradition of early Medieval Europe. Considering the analysis of Anglo-Saxon literary sources, the author examines medieval church writers and homilists' ideas of woman's sanctity and heroism, explores the collaboration of Christian and Germanic cultural layers within Old English epic tradition.

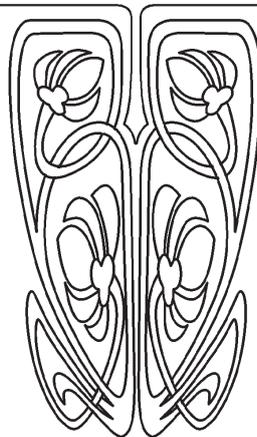
Key words: Old Testament in medieval culture, Judith, Anglo-Saxon homily, Old English epic tradition, abbot Ælfric of Eynshem, Danish invasions to England.

Книжная традиция периода раннего Средневековья, зародившаяся под сводами монастырских скрипториев, неразрывно связана с библейской культурой и экзегезой. Многочисленные авторы средневековых трактатов и проповедей пытались осмыслить окружающую действительность сквозь призму Священного Писания, апеллируя к его хорошо знакомым образам и сюжетам.

Героиня второканонической книги «Юдифь» принадлежит к числу ветхозаветных святых, которые пользовались особым авторитетом в средневековой Европе. Уже к концу поздней Античности библейское предание о благочестивой вдове, спасшей свой город, получило разностороннюю оценку в латинской патристике. Подвиг Юдифи, умело использовавшей свое женское очарование в борьбе с нечестивым Олоферном, не обошли своим вниманием такие столпы христианского богословия, как Иероним Стридонский, Амвросий Медиоланский, Исидор Севильский¹. Ее соблазнительное поведение приводило отцов церкви в некоторое замешательство. Например, Амвросий считал необходимым разъяснить, что, украшая себя после смерти мужа, Юдифь вовсе не стремилась к мирским утехам². Но все же более традиционной для богословов стала похвала ее добродетели. Так, для святого Иеронима она являла пример целомудрия (*castitatis exemplum*) и победы чистоты над похотью (*castitas truncat libidinem*)³. Рассуждая о ее подвиге в письме к Сальвии, Иероним использовал аллегорию триумфа христианской церкви в борьбе с сатаной (*in tyro Ecclesiae, diabolum capite truncavit*)⁴. Позднее эта аллегория фигурировала в теологических трактатах Исидора, Рабана Мавра⁵ и англосаксонских церковных писателей.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В древнеанглийской письменной культуре конца IX – начала XI в. образ ветхозаветной Юдифи – один из наиболее ярких. Об этом свидетельствует красочная поэма, сохранившаяся в кодексе Vitellius⁶, и назидательные сочинения аббата Элфрика Эншемского, крупного религиозного писателя периода Бенедиктинского Возрождения. Среди работ Элфрика, в которых фигурирует Юдифь, основным является адаптированный перевод одноименной книги Вульгаты, предназначенный в качестве проповеди⁷. Другое его сочинение – трактат «О Ветхом и Новом Завете», адресованный тэну Сигверду, где Элфрик наставляет своего друга в основах христианской веры и в нравоучительной манере излагает ему краткое содержание священных книг Библии⁸.

Вплоть до X столетия осмысление образа Юдифи в англосаксонской книжности было связано с категорией целомудрия. Именно такой ракурс позволил Альдхельму Мальмсберийскому включить ее в число нескольких десятков святых героинь своего латинского трактата «De Virginitate»⁹. Это сочинение Альдхельм адресовал настоятельнице Баркинга и ее сестрам, отличавшимся высоким уровнем образованности и благородным происхождением. На примере истории Юдифи Альдхельм стремился продемонстрировать монашествующим аристократкам пагубные последствия женской неумеренности в одежде, поскольку в Англии VII–VIII вв. достаточно остро стояла проблема роскоши в монастырях.

Создание отдельных, посвященных Юдифи сочинений на народном языке ближе к концу раннего Средневековья было обусловлено возросшим интересом церкви к ее подвигу и новыми возможностями использования этого библейского сказания в пастырских целях. Поэма сохранилась в единственной рукописи, датируемой последней четвертью X – началом XI в.¹⁰ Адаптированный перевод, выполненный Элфриком около 1002 г., дошел до нас в двух манускриптах¹¹.

В своем пересказе истории Юдифи Элфрик следует структуре Вульгаты. В общих чертах сюжет его проповеди таков. Народ Израиля, верящий в единого Бога (þe on God belyfdon)¹², терпит страшное бедствие. Его пытается подчинить вавилонский царь Навуходоносор. Иудейский город Ветилуя осажден армией язычников, во главе которых жестокий и распутный Олоферн. Узнав о грозящей опасности, благочестивая вдова-ветилуанка по имени Юдифь призывает горожан обратиться к Богу за помощью. Надев свои лучшие одежды, она обманом пробирается во вражеский стан и отрубает голову спящему Олоферну. Вернувшись в Ветилую и сохранив свое целомудрие, Юдифь благодарит Всевышнего, а язычники, лишившиеся военачальника, с позором обращаются в бегство.

Наиболее вероятным поводом обращения проповедника к этому ветхозаветному сюжету стали те сложности, с которыми столкнулась

Англия его времени. На рубеже X–XI вв. христиане-англосаксы, как и древние евреи, верящие в единого Бога, подверглись нападению иноверцев. В правление Этельреда II Нерешительного (978–1016) после нескольких мирных десятилетий на Англию обрушилась очередная волна скандинавской экспансии, о которой источники сообщают с начала 80-х гг. В 90-е гг. X в. «Англосаксонская хроника» практически ежегодно фиксировала новые вторжения норманнов, а после поражения при Мэлдоне в 991 г. англосаксы начали выплату унижительной дани, размеры которой постоянно росли¹³.

В пастырском послании Сигверду Элфрик, неоднократно обращавшийся к сюжету противостояния иноверцам¹⁴, рассматривает победу Юдифи как пример вооруженного сопротивления, которому Сигверд и его соотечественники должны были следовать в борьбе с викингами: «Вдова Юдифь, победившая ассирийского элдормена Олоферна, имеет свою среди этих книг (книг Ветхого Завета. – И. Б.), о ее собственной победе. Она переведена на английский в нашей манере как пример для вас, люди, чтобы вы защищали свою страну с оружием (mid wærnun) от наступающей армии»¹⁵. Однако в самой проповеди Элфрик не находит места милитаристским призывам, проявляя гораздо больший интерес к духовной стороне подвига библейской святой. Она здесь обладает целым набором добродетелей. В их числе – мудрость, смирение и вера. Но ее основным достоинством становится целомудрие (clænnysse) – качество, которому в религиозной культуре Бенедиктинского Возрождения была отведена совершенно особая роль.

Идеологи церковной реформы в Англии X в. одной из своих главных задач считали восстановление монашеской жизни и иноческого благочестия, пришедших в упадок за многие десятилетия военных конфликтов со скандинавами. Церковные преобразования начались в 963 г. с изгнания монастырских клириков Винчестера, не пожелавших принять монашеские обеты, и вопрос о целибате священства стал тогда одним из ключевых¹⁶. Примечательно и то, что в период реформы целомудрие, составлявшее для бенедиктинского монашества главную добродетель, нашло наибольшую завершенность в агиографических образах Христовых невест. Этот тип святости был один из доминирующих в позднесаксонской житийной литературе, в том числе в агиографии Элфрика¹⁷. Неудивительно, что о целомудрии Юдифи Элфрик спешит сообщить сразу же, как только представляет ее своей пастве. Юдифь не просто «праведно жила по закону Моисея» (rihtlice lybbende æfter Moyses æ), и «всегда постилась, кроме праздничных дней, нося власяницу» (fæste symle buton on freolsdagum, mid hæran gescryd), но «оставалась в чистоте» (wundode on clænnysse) с тех пор как почил ее праведный супруг¹⁸. В финале повествования Элфрик комментирует за-

слугу Юдифи в категориях смирения и чистоты, низлагающих тщеславие и, тем самым, переносит конфликт между святой и Олоферном в духовную плоскость: «*Neo eadmod clæne, ofegcom þone modigan*»¹⁹. Обращаясь к аллегории, традиционной для патристики, он изображает Юдифь в образе чистой Христовой невесты, церкви, побеждающей своей твердой верой сатану²⁰.

Использование этой аллегории Элфриком, который был хорошо знаком с трудами западных отцов, достаточно закономерно, если учесть, что англосаксы причисляли скандинавов-язычников к пособникам дьявола. Выделение темы целомудрия и духовной борьбы, возможно, в неменьшей степени связано со спецификой аудитории, которой предназначалась проповедь. Борьбу против искушителя Элфрик относил к прямым обязанностям «слуг Господних», представителей духовного сословия, и придавал ей чрезвычайную важность²¹. Дошедший до нас памятник вполне мог быть адресован насельникам религиозной обители. На это недвусмысленно указывает наставление, где аббат обращается к своей аудитории «*min swustor*» и увещевает монахинь хранить телесную чистоту²².

Прославляя чистоту и девственность, как важнейший идеал монашеского благочестия, его проповедь не лишена политического подтекста, а все добродетели ветхозаветной святой и древних евреев органично в него вписаны. Одна из ключевых идей проповеди – прямая зависимость могущества и процветания избранного израильского народа от его отношений с Богом – также предполагает политический ракурс. Ее основной тезис таков: когда евреи забывают свою веру, их начинают преследовать разнообразные бедствия, и лишь искреннее раскаяние и исправление возвращают им прежнее благополучие и мир. Идея особых отношений Бога и его народа заимствована из Библии, но Элфрик освещает ее даже более подробно²³. Мотивы Элфрика очевидны. Во-первых, в англосаксонских источниках часто проводится параллель между древними евреями и англосаксами, которые считали себя новым избранным народом. Во-вторых, средневековый человек был склонен воспринимать социальные бедствия и природные катаклизмы как Божье наказание за грехи и неверие²⁴. Именно в таком ключе в конце VIII в. о первых скандинавских набегах на Англию писал Алкуин²⁵. Столь же очевидной связь между военными поражениями и упадком нравственности казалась его соотечественникам по прошествии более чем двух столетий. Очень показательна в данном отношении знаменитая «*Проповедь Волка к англам*» (ок. 1020 г.), в которой архиепископ Вульфстан жестко обличал нравственные пороки современников²⁶.

После относительно спокойного правления короля Эдгара (959–975), оказывавшего существенное покровительство церкви, в стране наступила непродолжительная антимонашеская реакция, могущественным сторонником которой

был мерсийский элдормен Элфхэре. Под 975 г. хронисты с горечью сообщают о разорении обителей и гонении на «*Божьих слуг*»²⁷. В сознании самого Элфрика несчастья, постигшие его страну при новом монархе, были вызваны утратой ранее процветавшего монашеского благочестия и попражнения религиозных ценностей²⁸. Следовательно, для современников аббата, как и для древних иудеев, верным способом одолеть неприятеля было возрождение веры и христианской нравственности, которые он рассматривал как инструменты достижения важных политических целей.

Заметив различные подходы к толкованию Элфриком истории ветхозаветной Юдифи в письме к Сигиверду и в проповеди, некоторые исследователи предприняли попытку их гармонизировать. Такая тенденция берет начало в известной статье Яна Прингла, опубликованной в 1976 г. Прингл считает, что, «если в этих двух интерпретациях и присутствовало какое-либо несоответствие, сомнительно, чтобы для Элфрика оно казалось очевидным»²⁹. По мнению историка, «*mid wærnum*» (с оружием) в послании к Сигиверду проповедник употребляет не столько в буквальном, сколько в переносном значении, подразумевая, прежде всего, духовное оружие³⁰.

На наш взгляд, весьма сомнительно, чтобы в послании «*mid wærnum*» имело какой-то другой смысл помимо буквального. Здесь же следует про страннный комментарий на Маккавейские книги, смысл которого аналогичен: братья Маккавеи «не хотели сражаться лишь на словах» (*Hig noldon na feohtan mid fægerum wordum anum*)³¹ в отличие от современников аббата, которые проявляли на войне гораздо меньший энтузиазм. В 992 г. один из англосаксонских элдорменов предал собственную армию и бежал с поля боя, даже не дождавшись начала битвы. Спустя год военная кампания развернулась по похожему сценарию³². Урок, который предстояло извлечь из «Юдифи» соотечественникам Сигиверда, прекрасно вписывался в систему дифференцированных социальных обязанностей, определяемых в понимании Элфрика трехчленной общественной структурой: *oratores* – люди молитвы, *laboratores* – труженики, *bellatores* – воины. Обращаясь к Сигиверду, представителю военного сословия, он пишет, что на этих трех столпах держится королевский трон. Признавая высоту монашеского служения, Элфрик не умаляет значение воинского подвига. Цитируя послание апостола Павла к римлянам (Рим. 13: 4–5), он разъясняет: «воины – те, кто охраняет наши бурги и землю, сражаясь с оружием против наступающей армии; как святой Павел, пастырь народов, говорил в своем учении: “Воин не напрасно носит меч. Он – Божий слуга тебе на добро, отмститель в наказание делающему злое”»³³.

Элфрик, возможно, знал о существовании посвященной Юдифи анонимной поэмы, начало которой утрачено. Время создания памятника, как

правило, относят к концу IX–X вв.³⁴. Существует гипотеза, согласно которой эпическая «Юдифь» была написана, чтобы прославить дочь Альфреда Великого (871–899), мерсийскую правительницу Этельфлед, принимавшую деятельное участие в борьбе с датскими викингами³⁵. Учитывая западно-саксонское происхождение памятника, в этой гипотезе можно усомниться. Уэссекская знать опасалась роста авторитета правительницы Мерсии, и о ее блестящих военных предприятиях основной текст «Англосаксонской хроники» хранит молчание³⁶.

Многие исследователи изучают этот памятник сквозь призму христианской экзегетики, делая акцент на его аллегорическом толковании. Для них, как и в проповеди Элфрика, поэма иллюстрирует, прежде всего, духовную борьбу, конфликт между церковью и дьяволом, в котором побеждают силы добра³⁷. Комментируя такой подход, следует признать, что патристика обеспечивает лишь односторонний ракурс для осмысления «Юдифи», которая является ярким образцом адаптации латинского текста к особенностям англосаксонской ментальности. Эпическая «Юдифь» сильно отличается от текста Вульгаты, равно как и от проповеди Элфрика. Здесь обозначен заметный отход от принятого описания жития святого. Содержание памятника в немалой степени испытало на себе влияние германской героики, оригинальным образом соединив с ней черты, присущие традиционным средневековым представлениям о женской святости и наполнив это понятие совершенно особыми характеристиками.

Одним из аспектов культурной адаптации эпической Юдифи становится ее христианизация. Еврейская женщина времен Ветхого Завета превращается в представительницу Христова воинства, которая, нуждаясь в помощи, обращается к Святой Троице³⁸. Здесь в отличие от добродетельной и скромной вдовы, о которой писал Элфрик, Юдифь – энергичная и отважная воительница, побеждающая зло благодаря мудрости и вере. Своим поведением она гораздо больше напоминает мужских персонажей эпоса, чем благочестивую иудейку и кротких дев-мучениц англосаксонской агиографии.

Героизации святости способствует наличие в поэме обратной гендерной лексики. Так, Юдифь – это «*ides ellenrof*» (храбрая жена), «*mægð modigre*» (отважная дева)³⁹. Подобно воину, ветхозаветная святая просит Всевышнего даровать ей отвагу (*ellen*) и получает вполне земную награду. Ею становятся честь (*weogðmunde*) и слава (*mægðe*)⁴⁰ – главные ценности героического мира древних германцев, воспеваемые в «Беовульфе» и «Битве при Брунанбурге»⁴¹. Побуждая соотечественников атаковать стан ассирийцев, Юдифь также обещает им почести и славу (*dom, tir*)⁴². При этом победа или поражение оцениваются с точки зрения приобретения или утраты славы, а действиями евреев движет чувство мести по отношению к их дав-

ним врагам⁴³. Сама Юдифь взывает к Богу, моля об отмщении: «*Gewtes nu, mihtig dryhten...*»⁴⁴ Вернувшись с победой ветилюанцы приносят своей защитнице военные трофеи: меч, шлем, пропитанный кровью Олоферна, его доспехи⁴⁵. В сущности, они следуют германскому обычаю присвоения победителем оружия и военного снаряжения побежденного. Согласно Писанию, Юдифи подносят не доспехи, а драгоценности, одежду и утварь Олоферна⁴⁶.

Такая трактовка подвига Юдифи очень любопытна. Из древнеанглийских источников мы узнаем, что англосаксы ценили в женщине иные качества. Социальному стереотипу мужчины-воина они противопоставляли идеал миротворицы (*freoduwebbe*), которая соединяла враждующие племена и кланы⁴⁷. Не случайно О. А. Смирницкая писала: «...женщина никогда не изображалась в англосаксонском эпосе в активном действии...»⁴⁸ Это не совсем так. Однако в рамках англосаксонской культуры поведение воинственной и мстительной женщины антиэтикетно и асоциально. В этом плане Юдифь является исключением.

Главным украшением Юдифи в поэме становится ее мудрость, что хорошо вписывается в представления древних германцев о женщине-советчице⁴⁹. Из всех святых, почитаемых англосаксами, ей это качество атрибутируется заметно чаще. Анонимный автор изображает Юдифь как «мудрую сердцем» (*gleaw on gedonce*), «разумную женщину» (*ða snoteran idese*), «разумную деву» (*seo snotore mægð*) и т. д.⁵⁰ Традиционный компонент раннесредневековых представлений о женской святости – девственность или целомудрие – на первый взгляд не находит отражения в источнике. Однако такое впечатление обманчиво. В связи с этим интересной особенностью памятника является эпизод убийства спящего Олоферна, содержащий подробности, чуждые священным текстам: «Затем этого мужа-язычника [она] с силой схватила за волосы, притянула рукой к себе позорно, и нечестивого, легко уложила ненавистного воина, так, что могла этим грешником легко овладеть»⁵¹. Дж. Чанс видит здесь ироничную любовную сцену, в которой Юдифи и вражескому военачальнику отводятся обратные гендерные роли⁵². Правда, Чанс не до конца объясняет смысл этого эпизода. Возможно, его следует искать в рамках исторического и культурного контекста.

Сюжет библейской книги «Юдифь» в пересказе анонимного поэта напоминает раннехристианские мученичества, активно используемые Элфриком в его агиографических переложениях. В большинстве его женских житий молодая христианка становится объектом желаний мужчины-язычника и сохраняет свою непорочность даже перед угрозой смертельной опасности⁵³. Юдифь, в отличие от мучениц, выполняет политическую миссию, но, находясь во вражеском стане, она проявляет обеспокоенность не только судьбой своего народа, но и собственной безопасностью.

В тексте Писания это беспокойство не выражено: Юдифь добровольно остается в шатре военачальника после пира, во время которого ведет с ним дружескую беседу (Judith, 12: 10–20). Согласно поэме, Юдифь не присутствует на пиру, где царит атмосфера пьяного разгула. Она молится в шатре Олоферна, куда пьяный военачальник приказывает ее доставить, в намерении обесчестить (*mid wilde ond mid womme besmitan*): «В отчаяньи теперь я: сердце в огне и разум в печали, великой тоской охвачены... Подай мне избавленье, грозный Владыка: я никогда так сильно не нуждалась в твоём милосердии»⁵⁴.

С началом экспансии викингов англосаксонские женщины нередко подвергались насилию. В начале XI в. архиепископ Вульфстан среди прочих преступлений датчан вменял им в вину сексуальное оскорбление англичанок. При этом Вульфстан жестко укорял англосаксонских тэнов, которые становились молчаливыми свидетелями бесчестия собственных жен и дочерей⁵⁵. Источники также сообщают, что объектами датских погромов неоднократно становились женские монастыри⁵⁶. По некоторым данным, за время своего пребывания в Англии викинги разорили более сорока женских обителей, так что к нормандскому завоеванию их осталось менее десяти⁵⁷. Были ли англосаксонские монахини в числе слушателей (или читателей) эпической «Юдифи», нам не известно. О составе аудитории, которой предназначалась поэма сегодня можно говорить с большой долей условности. В отличие от работ Элфрика информация о культурном функционировании этого памятника не сохранилась. Однако вполне очевидно, что он в художественной форме отразил ряд важных проблем, волновавших позднее англосаксонское общество.

Излагая историю ветхозаветной Юдифи, каждый из англосаксонских книжников в различной степени отошел от библейского текста и по-своему воплотил существовавшие в древнеанглийской культуре сложные представления о женском этическом идеале. Если аббат Элфрик проявил при этом приверженность бенедиктинским духовным приоритетам, то анонимный поэт не только нарушил стереотипность образа христианской святой, но и наполнил понятие святости характеристиками, которые черпали свой авторитет в варварской аксиологии. Эпическая форма памятника, безусловно, оказала влияние на его содержание, привнеся яркий германский колорит. Очень любопытен сам механизм адаптации германской героики к образу библейской святой, учитывая, что главный персонаж героического эпоса, как правило, мужчина. Пониманию этого механизма отчасти способствует присутствующее в раннесредневековой агиографии представление о духовном подвиге женщины как ее уподобление сильному полу⁵⁸. Кроме того, изображение волевой, решительной героини, которая берет на себя важную общественную миссию, не было чуждо

англосаксонской религиозной традиции⁵⁹. Эта особенность отчасти отразила социально-культурные реалии VII–VIII вв., когда англосаксонские аббатисы и королевы пользовались авторитетом и политическим влиянием.

В поздней англосаксонской книжности история Юдифи была открыта этическим и идеологическим инвенциям. Возможность ее использования в качестве инструмента идеологической пропаганды обеспечили особенности внешнеполитической ситуации, равно как и своеобразие самого библейского сюжета. И автор поэмы, и аббат Элфрик пытались найти в этой древней легенде пути решения сложных проблем современного им общества. Эпическая «Юдифь» стала милитаристским призывом, призывом к вере как мощному оружию в борьбе со злом. Для Элфрика «Юдифь» несла важный дидактический смысл, характер которого определялся адресностью духовного наставления. Для религиозной женщины эта святая должна была стать образцом целомудрия, обеспечивавшего посмертное блаженство и занимавшего центральное место в системе христианских добродетелей, гарантировавших процветание избранного народа. Ставя в прямую зависимость политическое благополучие от христианского благочестия, Элфрик, тем не менее, хорошо осознавал необходимость военной защиты англосаксонской государственности. Ветхозаветная книга «Юдифь» была одним из тех священных текстов, материал которых он активно использовал, призывая представителей военного сословия самоотверженно сражаться со скандинавами, тем самым исполняя свой гражданский долг.

Примечания

- ¹ *Ambrosius*. De viduis liber unus, cap. 7 // *Patrologia cursus completes*. Series Latina (далее – PL) / ed. J. P. Migne. Vol. 16. P., 1845. Col. 215–217; *Hieronimus*. Epistola 22, ad Eustochium, 21 // PL. Vol. 22. P., 1845. Col. 408; *Idem*. Praefatio in librum Judith // PL. Vol. 29. P., 1846. Col. 37–40; *Isidorus*. Allegoriae quaedam sacrae scripturae, 122 // PL. Vol. 83. P., 1862. Col. 116.
- ² *Ambrosius*. Op. cit. Col. 216.
- ³ *Hieronimus*. Praefatio in librum Judith // PL. Vol. 29, col. 40; *Idem*. Epistola 54, ad Furiam, 16 // PL. Vol. 22, col. 559.
- ⁴ *Idem*. Epistola 79, ad Salvinam, 11 // PL. Vol. 22, col. 732.
- ⁵ *Isidorus*. Op. cit. В IX в. настоятель Фульды Рабан Мавр посвятил комментарии на книгу «Юдифь» своей современнице, носившей это имя, второй супруге Людовика Благочестивого (*Rabanus Maurus*. Expositio in librum Judith, ad Judith Augustam // PL. Vol. 109. P., 1864. Col. 539–592).
- ⁶ Anglo-Saxon Poetic Records (далее – ASPR) / ed. E. V. K. Dobbie. Vol. 4: Beowulf and Judith. N. Y., 1953; Judith / ed. M. Griffith. Exeter, 1997 (далее текст памятника цитируется по изданию М. Гриффита с указанием номера строфы).

- ⁷ *Judith* // Angelsächsische Homilien und Heiligenleben / ed. B. Assmann. Kassel, 1889. S. 102–166; см. также: Aelfric's Homilies on Judith, Esther, and Maccabees / ed. S. D. Lee. 1999. URL : <http://users.ox.ac.uk/~stuart/kings/main.htm>. Далее текст проповеди приводится по электронному изданию С. Д. Ли.
- ⁸ The Old English Version of Heptateuch, Aelfric's Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis / ed. S. J. Crawford. L., 1922.
- ⁹ См.: *Aldhelm*. The Prose Works / trans. M. Lapidge, M. Herren. Cambridge, 1979. P. 126–127.
- ¹⁰ Рукопись Vitellius A XV («Кодекс Беовульфа») хранится в Коттоновском собрании Британского музея.
- ¹¹ MS Cotton Otho B. x. из Британской библиотеки (нач. XI в.) и MS Corpus Christi College 303 в Кембридже (нач. XII в.). Обе рукописи фрагментарны.
- ¹² *Aelfric's Judith*, 62.
- ¹³ The Anglo-Saxon chronicle, aa. 991–995, 997–999, 1002, etc. // English historical documents / ed. D. Whitelock. L., 1955. Vol. 1. P. 135–235.
- ¹⁴ См.: Natale Sancti Oswaldi Regis et Martyris // Aelfric's Lives of Saints / ed. W. W. Skeat. L., 1966. Vol. 2. P. 124–143; Passio Sancti Eadmundi Regis et Martyris // Ibid. P. 314–334; Passio Sanctorum Machabeorum // Ibid. P. 66–125, etc.
- ¹⁵ «Judith seo wudowe, þe oferwann Holofernem þone Siriscan ealdorman, hæfð hire agene boc betwux þisum bocum be hire agenum sige; seo ys eac on Englisc on ure wisan gesett eow mannum to bysne, þæt ge eowerne eard mid wærnum bewerian wið onwinnendne here» (The Old English Version of Heptateuch. P. 48).
- ¹⁶ См.: The Anglo-Saxon chronicle, a. 963; *Godfrey J.* The Church in Anglo-Saxon England. Cambridge, 1962. P. 302, 334, 338.
- ¹⁷ Среди агиографических сочинений Элфрика восемь женских житий. Это духовные биографии раннехристианских святых, Агафьи, Агнесы, Евгении, Люсии, Цецилии, Василисы и Дарьи, а также житие англосаксонской королевы Этельтриты, жившей в VII в. Все они, согласно преданию, были девственницами.
- ¹⁸ *Aelfric's Judith*, 166–167, 172, 174–175.
- ¹⁹ Ibid. 344. Оппозиция «eadmodnyse / modigness» достаточно часто появляется в трудах Элфрика по отношению к древним евреям или англосаксам и их врагам-иноверцам. См., например, его проповедь на книгу «Эсфирь», а также переложение «Жития св. Освальда»: *Be Hester*, 270–272 / ed. S. D. Lee; Natale Sancti Oswaldi Regis et martyris, 28, 84. P. 124–143.
- ²⁰ «þæt is Cristes cyrce on eallum Cristenumfolke, his an clene bryd þe mid cenum geleafan þam ealdum deofle of forcert þæt heafod, æfre on clænnysse Criste þeowigende» (*Aelfric's Judith*, 345–350).
- ²¹ Item alia. Qui sunt oratores, laboratories, bellatores // Aelfric's Lives of Saints. Vol. 2. P. 120–125.
- ²² *Aelfric's Judith*, 360–371.
- ²³ Эта тема обозначена уже в прологе к проповеди, где Элфрик говорит о вавилонском пленении евреев за их грехи (*Aelfric's Judith*, 4–18).
- ²⁴ *Godden M. R.* Apocalypse and Invasion in the Late Anglo-Saxon England // From Anglo-Saxons to the Early Middle English. Oxford, 1994. P. 130–162.
- ²⁵ Letter of Alcuin to Ethelred, king of Northumbria // English historical documents. Vol. 1. P. 775–777; Letter of Alcuin to Higbald, bishop of Lindisfarn and his monks // Ibid. P. 778–779.
- ²⁶ *Wulfstan*. The Sermon of the Wolf to the English // English historical documents. Vol. 1. P. 855–859.
- ²⁷ The Anglo-Saxon Chronicle, a. 975.
- ²⁸ De oratione Moysi, 147–155 // Aelfric's Lives of Saints. Vol. 1. P. 194.
- ²⁹ *Pringle I.* Judith: the homily and the poem / Traditio. 1975. Vol. 31. P. 87.
- ³⁰ Ibid. P. 91.
- ³¹ The Old English Version of Heptateuch. P. 49–50.
- ³² The Anglo-Saxon Chronicle, aa. 992, 993.
- ³³ Bellatores sidon þe ure burga healdað eac urne eard, wið þone sigendne here feohtende mid wæmnum, swa swa Paulus sæde, se þeoda lareow, on his lareowdome: «Ne byrð na se cniht butan intigan his swurd. He ys Godes þen þe sylfum to þearfe on ðam yfelum wycendum to wræce gesett» (The Old English Version of Heptateuch. P. 71).
- ³⁴ См.: *Griffith M.* Introduction // Judith / ed. M. Griffith. P. 44–47.
- ³⁵ См.: *Huppe B. F.* The Web of Words. N. Y., 1970. P. 145–147.
- ³⁶ См.: *Wainwright F. T.* Æthelflæd, Lady of the Mercians // New Readings on Women in Old English Literature / ed. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 44–55.
- ³⁷ См., например: *Astell A. W.* Holofernes's head : taken and teaching in the Old English Judith // Anglo-Saxon England. 1989. Vol. 18. P. 117–33; *Hermann J. P.* The Theme of Spiritual Warfare in the Old English Judith // Philological Quarterly. 1976. Vol. 55. P. 1–9.
- ³⁸ *Judith*, 74–75, 83–86.
- ³⁹ Ibid. 109, 334.
- ⁴⁰ Ibid. 95, 342–343.
- ⁴¹ *Beowulf*, 685–687, 2642–2646; The Battle of Brunanburh 1–5 // ASPR. Vol. 6 : The Anglo-Saxon Minor Poems. N. Y., 1942. P. 16–20.
- ⁴² *Judith*, 196–197.
- ⁴³ Ibid. 200–241, 261–267, 289–321.
- ⁴⁴ Ibid. 92.
- ⁴⁵ Ibid. 334–341.
- ⁴⁶ *Judith*, 15:14 (auro et argento et vestibus et gemmis et omni supellectile).
- ⁴⁷ В англосаксонских памятниках поэтическая метафора *freoðuwebbe* (*frīðusibb*) употребляется по отношению к женщинам «Беовульфа» и «Видсида» (*Beowulf*, 1942, 2017; *Widsith*, 6 // ASPR. Vol. 3 : The Exeter Book. N. Y., 1936. P. 149–153). В середине XI в. социальный стереотип женщины-мировориды использует анонимный автор «Похвалы королеве Эмме» (*Encomium Emmae Reginae* / ed. by A. Campbell. Cambridge, 1998. P. 32).
- ⁴⁸ *Смирницкая О. А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 213.
- ⁴⁹ Гномические стихи, 14–22 // Древнеанглийская поэзия. С. 29; *Beowulf*, 625–626, 1927; *Tacitus*. Germania VIII, § 5–8 // *Cornelii Taciti Germania. Agricola. Dialigus de oratoribus*. Lipsiae, 1886. S. 224.

⁵⁰ *Judith*, 13, 55, 125.

⁵¹ Genam ða þone hæðenan mannan
Fæste be feaxe sinum; teah hyne folmum wið hyre weard
bysmerlice, ond þone bealofullan
listum alede, laðne mannan,
swa heo ðæs unlædan eaðost mihte
wel gewealdan.
(*Judith*, 98-103).

⁵² *Chance J. Woman as Hero in Old English Literature.* Syracuse, 1986. P. 104.

⁵³ См.: *Болдырева И. И. Женщина в англосаксонской агиографии и церковная реформа в Англии второй половины X в.* // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. 2006. № 2. С. 5–14.

⁵⁴ Þearle ys me nu ða
heorte onhæted ond hige geomor,
swyðe mid sorgum gedrefed.

... Geunne me minra gesynta,
þearlmod þeoden gumena: naht(e) ic þinre næfre
miltse þon maran þearf(e).
(*Judith*, 86–92).

⁵⁵ *Wulfstan. The Sermon of the Wolf...* // English historical documents. Vol. 1. P. 857–858.

⁵⁶ См., напр.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, aa. 835, 865, 980 etc. Также см.: *Schulenburg J. T. Forgetful of their Sex: Female Sanctity and Society*, ca. 500–1100. Chicago, 1998. P. 143–144.

⁵⁷ *Schulenburg J. T. Op. cit.* P. 144.

⁵⁸ См. подробнее: *Болдырева И. И. Указ соч.* С. 11–12 ; *Gopa R. Virgin Acts Manfully: Ælfric's Life of St. Eugenia and the Latin Versions* // Leeds Studies in English. 1992. Vol. 23. P. 1–27.

⁵⁹ Например, созданный Кюневульфом образ царицы Елены: *Cynewulf's Elene* / ed. P. Gradon. Exeter, 1996.

УДК 94 (437) [10/17]

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ЧЕХИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galyamichev57@mail.ru

В статье рассматривается место средневековых городов Чехии в истории европейского урбанизма, выявляются общие черты и особенности их развития в сравнении с городами Западной и Восточной Европы.

Ключевые слова: средневековый город, Чехия, Западная Европа, Древняя Русь.

The Medieval Towns of Bohemia: in European Context

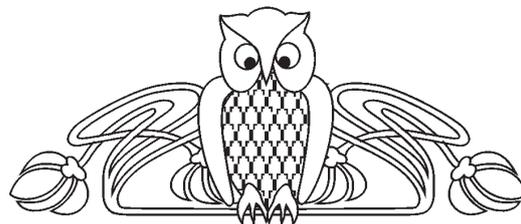
A. N. Galyamichev

The author of this article examine place of medieval towns of Bohemia in history of European urbanism, discover common lines and especially his development comparatively with development towns of Western and East Europe

Key words: town in Middle Ages, Bohemia, Western Europe, Rus.

Чехия располагается в географическом сердце Европы, и этим во многом было предопределено своеобразие её исторической судьбы. Обращаясь к истолкованию смысла чешской истории, учёные и мыслители разных времён вновь и вновь искали его в роли связующего звена между Западом и Востоком Европы². С выполнением этой культурно-исторической миссии были связаны маятникообразные колебания общественного строя и внешнеполитических приоритетов Чехии между Западом и Востоком.

В судьбах средневекового чешского города эта нелинейная динамика исторического развития страны прослеживается, на наш взгляд, особенно

отчётливо. Между тем со второй половины XIX в. в исторической литературе прочно укоренились представления о единственности урбанистического развития средневековой Чехии и стран Западной Европы. При этом основополагающим критерием при определении города служит наличие или отсутствие у поселения правового статуса города, основанного на городском праве. Всё развитие, предшествовавшее появлению правового статуса города, в духе западноевропейской правовой традиции относится к стадии формирования предпосылок возникновения городов³.

В Древней Руси и Русском государстве, в жизни которых городским центрам принадлежала более чем значительная роль, особое городское право, подобное западноевропейскому, так и не сложилось. Нельзя при этом не обратить внимание и на тот факт, что вплоть до рубежа XII и XIII в. общественный и государственный строй Руси и западных славян был отмечен высокой степенью внутреннего родства.

Представляется поэтому правомерным взглянуть на развитие средневековых городов Чехии в общеевропейском контексте, включая в поле зрения не только Запад, но и Восток. Такого рода сравнительно-исторический взгляд даёт, как нам представляется, основания выделить на историческом пути средневековых городов Чехии три этапа, для каждого из которых были характерны особенности взаимодействия западных и восточных начал.

Хронологические рамки первого из них можно определить следующим образом: IX – середина XII в.

Исходный хронологический рубеж определяется временем становления Великоморавской державы, в социально-политической структуре которой ключевое место принадлежало городским центрам.

Венгерское нашествие рубежа IX–X вв. оставило и даже в известной степени обратило вспять урбанистическое развитие, прежде всего в землях Моравии, города которой были в своём большинстве буквально сметены с лица земли.

Однако в уцелевшей в годину венгерского нашествия Чехии, прежде окраинной области Великоморавской державы, урбанистическое развитие последней обрело непосредственное продолжение в соответствии с его главным вектором.

Города Великой Моравии и Древнечешского государства представляли собой полифункциональные – военные, политические, религиозные, экономические центры, являлись точками концентрации социальных верхов.

Хотя Чехия со времён правления Св. Вацлава прочно интегрировалась в западноевропейскую культурную общность, основу которой составляло западное христианство, пути социально-экономического и политического развития стран Запада и чешских земель в X–XII вв. существенно различались.

Ближайшие аналогии общественного и государственного строя Чехии названного времени обнаруживает развитие соседних с ней стран Центральной Европы – Польши и Венгрии. В исследованиях последних десятилетий подробно изучена сложившаяся в названных странах самобытная модель средневековой государственности. Само её название – система градской организации – указывает на ключевое место городов в рамках этой системы⁴.

Вся территория государств Центральной Европы была разделена на округа, центром каждого из которых был град – укрепленная резиденция князя (короля), его наместника и дружины. Из пределов града осуществлялось управление округом, на нём творился суд, в его пределах находился храм – главная святыня округа.

Наместник и дружинники не имели земельных владений. Источником их существования являлся труд жителей прилегающего к граду округа, присваиваемый в форме налогов.

Степень материального достатка и общественного престижа определялись исключительно местом дружинника в системе государственного управления.

Такой тип организации общества и государства не характерен для средневекового Запада, в наиболее развитых регионах которого уже к середине IX в. сложилось крупное феодальное землевладение. Но он очень близок к общественному строю Древнерусского государства – «страны городов» на Востоке Европы.

Ближайшие аналогии в восточнославянском регионе находит такой важный элемент системы

градской организации, как служебная организация⁵. Последняя складывалась, с одной стороны, из сети сельских поселений, жители которых были обязаны несением в пользу града различных служб (охотничьих, сторожевых и т. п.), либо изготовлением тех или иных ремесленных изделий. С другой стороны, служебную организацию составляли поселения служилых людей и ремесленников, расположенные в непосредственной близости от градов, по чешской терминологии – подградья⁶.

Чешские грады и подградья находят близкие аналогии в русских кремлях и посадах, составляя две неразрывно связанные друг с другом части единого организма средневекового славянского города.

Особое место на пути исторического развития средневековой Чехии занимает XII столетие, которое было временем динамичного обновления общества и государства.

С начала века развернулась интенсивная внутренняя колонизация чешских земель⁷, а с его середины развернулся стремительный по меркам средневековья процесс разложения системы градской организации, сопровождавшийся переходом военно-служилой знати от коллективных форм быта к индивидуальным.

Середина XII в. видится важным рубежом в истории средневековых городов Чехии, который знаменует собой начало нового периода в их развитии.

Разложение системы градской организации было неразрывно связано со складыванием в Чехии частновладельческого поместья, происходившего в форме раздела между дружинниками земель градского округа, их отъезда с градов в пределы собственных владений, ставшие местом их постоянного пребывания⁸.

Казалось бы, процесс разложения системы градской организации должен был поставить под вопрос само существование чешских городов, трудящееся население которых было занято обслуживанием потребностей постоянно находившейся в градах дружины.

Однако исторические источники не дают основания для вывода об упадке и обезлюдении чешских подградий во второй половине XII в. Напротив, есть основания говорить об их демографическом и территориальном росте, притоке в изначальные очаги чешской государственности новопоселенцев⁹.

Секрет этого явления состоит в том, что к середине XII в. чешские подградья превратились в экономически самодостаточные торгово-ремесленные поселения. С самого начала население подградий использовало любую возможность для производства продуктов на рынок, стихийно возникавший, как правило, именно возле областного града, как центра местной дорожной сети и скопления оторванных от мест постоянного проживания людей.

К середине XII в. рынок продовольственных товаров стал настолько ёмким и стабильным, что обеспечил существование и развитие в подградьях

свободного, ориентированного на рыночный обмен ремесла.

Древнейшие города Чехии, сохранив часть административных и религиозных функций, превратились, таким образом, прежде всего в центры товарного производства и обращения, ремесла и торговли.

Обновление чешского общества в XII в. происходило под значительным влиянием западноевропейских образцов. Одним из главных носителей этого влияния были монастыри, насельниками которых (особенно вновь основывавшихся) были по преимуществу иноземные монахи¹⁰. Важную роль играли также тесные контакты чешского двора и военно-служилой знати с имперским двором и немецким рыцарством, особенно на имперских сеймах и во время военных походов императоров.

Но это влияние до начала XIII в. оставалось косвенным, и потому переживавшее период глубокого обновления чешское общество сохраняло высокую степень самобытности.

С рубежа XIII столетия положение дел принципиально изменилось. Масштаб и природа этих изменений были таковы, что дают основание для вывода о начале нового, третьего, этапа в развитии средневековых городов Чехии.

Начавшаяся немецкая колонизация принесла в Чехию поток колонистов – живых носителей немецких традиций и политико-правовых институтов, сохранение которых являлось одним из важнейших условий, согласно которым происходило обустройство общин немецких колонистов в чешских землях. Степень влияния западноевропейских форм общественного и государственного устройства в силу этого значительно возросла.

Темпы немецкой колонизации (в особенности городской) ускорились после монголо-татарского нашествия 1241–1242 гг., заставившего правителей Чехии и других стран Центральной Европы ещё более настойчиво и целеустремлённо, чем прежде, приглашать немецких колонистов в надежде на их помощь в деле восстановления разрушенных городов и разорённых областей.

Своей кульминации немецкая колонизация в Чехии достигла в годы правления Пржемысла Оттокара II (1253–1278), оставшегося в исторической памяти чешского народа в роли главного благодетеля и покровителя немецких колонистов¹¹.

Важнейшим последствием немецкой колонизации стало утверждение в Чехии новой хозяйственно-культурной и политико-правовой модели городской жизни, типологически родственной городскому строю стран Западной Европы. Её основой стало особое городское право, принципы которого сложились на Западе в ходе борьбы городских общин с феодальными сеньорами. Городское право явилось основой обособления и самоопределения городского сословия и обретение городскими общинами большей или меньшей степени самоуправления¹².

При этом своеобразие чешских условий не могло не сказать своего слова, городской строй

Чехии не стал простым повторением городского строя немецких земель: права и свободы чешских городов зачастую выходили за рамки предписаний городских хартий в самой Германии, поскольку они предоставлялись королями, заинтересованными в притоке новых и новых волн немецких колонистов и, в отличие от западноевропейских сеньоров, не должны были при этом как-либо ограничивать свои прежние доходы и привилегии¹³.

Наиболее ярким примером этого рода является правовой строй горных городов, возникших в связи с бурным ростом добычи серебра. В XIII в. Чехия превратилась в крупнейший в Европе район серебряной добычи, которая сделала чешских королей самыми богатыми правителями Европы, о доходах которых слагались легенды¹⁴.

Именно Чехия считается родиной особого горного права средневековой Европы, которое впервые было записано на рубеже 40-х и 50-х гг. XIII в. в чешском городе Йиглаве, с этого времени и вплоть до XVI в. являвшегося высшей судебной инстанцией для горных городов всех стран Центральной Европы¹⁵.

Основы горного права сложились, по всей видимости, в горнодобывающих районах Германии ещё в XII в., однако там они существовали исключительно в устном предании, поскольку местные князья и феодалы с самого начала стремились держать под своим непосредственным контролем горные разработки и доходы от них и потому не были склонны к письменной фиксации прав и свобод горных предпринимателей и рудокопов.

Отмечая черты своеобразия чешского урбанизма, важно отметить, что положение городского сословия в Чехии существенно отличалось от положения и политической роли третьего сословия в странах Западной Европы.

Если на европейском Западе консолидация городского сословия происходила спустя длительное время после оформления первых двух сословий, то в Чехии, наоборот, городское сословие оформилось раньше других¹⁶. При этом оно внутренне консолидировалось мощными силовыми линиями этнического (немецкого) самосознания, а, кроме того, в лице городских патрициев – горных предпринимателей располагало очень крупными материальными, в первую очередь – денежными ресурсами.

Эти обстоятельства позволили представителям немецкого патрициата городов средневековой Чехии поставить в XIII в. вопрос о приобретении ведущих позиций в системе управления страной.

Первая попытка такого рода была предпринята в так называемые «злые годы», наступившие после гибели короля Пржемысла Оттокара в битве на Моравском Поле, в годы регентства курфюрста Оттона Бранденбургского.

Перенесённые в эти годы неисчислимые бедствия способствовали осознанию немецким патрициатом городов Чехии ценности самостоятельной чешской государственности как гарантии их прав и

привилегий и необходимости компромисса с представителями чешской аристократии.

Наглядным выражением этого стало присутствие представителей городского патрициата на земском сейме 1281 г., на котором обсуждались насущные проблемы восстановления мира и порядка в стране после «злых лет». С этим событием принято связывать начало сословного представительства в средневековой Чехии¹⁷.

Наследием эпохи немецкой колонизации стала уникальная для стран средневековой Европы этническая дихотомия населения городов Чехии в XIV – начале XV в., когда тесное переплетение межэтнических и социальных противоречий привело к взрыву огромной разрушительной силы – гуситскому движению, «городские корни» которого требуют дальнейшего осмысления¹⁸.

В ходе Гуситских войн, несмотря на чехизацию многих крупных городов Чехии, типологически родственная западноевропейской хозяйственно-культурная и политико-правовая модель городского строя выдержала испытание на прочность, однако духовная жизнь гуситских городов, прервавших связи с Римской церковью, обрела высокую степень самобытности.

Кроме того, значительно усилившее в годы Гуситских войн свои позиции чешское городское сословие отличалось от западноевропейского третьего сословия тем, что стало не прочной опорой укрепления королевской власти, а являлось, как нам представляется, скорее, носителем идеи сословной республики, близкой по духу к шляхетской Речи Посполитой.

Таким образом, несмотря на возобладание к концу Средних веков в Чехии западноевропейских по происхождению и духу политико-правовых форм урбанистического развития, последнее продолжало сохранять элементы самобытности, наполнявшие заимствованные формы новым содержанием и оказывавшие большое влияние как на внутреннюю жизнь городов, так и на развитие страны в целом.

Без учёта сложного взаимодействия западноевропейских и самобытных славянских начал, происходившего на всём протяжении чешской истории, невозможно объективное освещение истории средневекового урбанизма в Чехии как на уровне теоретических обобщений, так и на уровне конкретных исследований.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного 5 ноября 2013 г. на Втором Всероссийском совещании славистов в Институте славяноведения РАН.
- ² См.: Spor o smysl českých dějin. 1895–1938. Praha, 1995.
- ³ В таком ключе история средневековых городов Чехии рассматривается как в работах наиболее авторитетных западных исследователей (см.: Ludat H. Vorstufen und Entstehung des Stadtwesens in Osteuropa. Zur Frage der

vorkolonialen Wirtschaftszentren im slawisch-baltischen Raum. Köln; Braunsfeld, 1955), так и в трудах чешских историков последних десятилетий (см.: Kejř J. Nad počátky našich měst // Československý časopis historický. 1976. Roč. 24. S. 377–401; Hoffmann F. České město ve středověku. Praha, 1992; Idem. Středověká města v Čechách a na Moravě. Praha, 2009).

- ⁴ Подробное рассмотрение системы градской организации см.: Тржешттик Д. Средневековая модель государства периода раннего феодализма // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 124–133.
- ⁵ См.: Флоря Б. Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.
- ⁶ В письменных (латиноязычных источниках) – suburbia (ед.ч. suburbium).
- ⁷ По подсчётам видного чешского исследователя Й. Жемлички, в течение XII в. площадь обрабатываемых земель в Чехии удвоилась. См.: Žemlička J. K charakteristice středověké kolonizace v Čechách // Československý časopis historický. 1978. Roč. 26. S. 53–81.
- ⁸ См.: Nový R. Přemyslovský stat v 11. a 12. století. Praha, 1972. S. 87–136.
- ⁹ Этот процесс прослеживается на основании данных археологических исследований. См.: Richter M. Archeologický výzkum měst 13. století // Města v českých zemích v období feudalismu. Praha, 1979. S. 9–14.
- ¹⁰ См.: Флоря Б. Н. Этническое самосознание чешской феодальной народности в XII – начале XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 189.
- ¹¹ См. одно из последних специальных исследований: Žemlička J. K zájmu Přemysla Otakara II o města // Středověké mesto ako miest stremnuti a komunikácie. Bratislava, 2010. S. 29–34.
- ¹² См.: Kejř J. Městské zřízení v českém state ve 13. století // Československý časopis historický. 1979. Roč. 27. S. 226–252.
- ¹³ Выдающийся знаток истории средневековых городов Чехии В. Войтишек полагал, что сложившееся в XIV в. Пражское городское право впитало в себя вместе с притоком чехов в города живительную силу творческой силы чешского народа и потому может считаться предметом национальной гордости чехов (Vojtišek V. O vzniku Pražského města (K 700 výročí jeho založení). Praha, 1930. S. 19).
- ¹⁴ См.: Janaček J. Stříbro a ekonomika českých zemi ve 13. století // Československý časopis historický. 1972. Roč. 20. S. 876.
- ¹⁵ См.: Hoffmann F. Jihlavské právo. Havlíčkův Brod, 1959.
- ¹⁶ См.: Třeštík D. Proměny české společnosti ve 13. století // Folia historica Bohemica. Praha, 1979. Sv. 1. S. 152.
- ¹⁷ См.: Пушкарёв С. Г. Городское сословие и городской строй в Чехии в XIV–XV веках // Историографический сборник. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 136–137.
- ¹⁸ См.: Мельников Г. П. Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 77–113.

УДК 94–21 (477.83) | 12 / 15 |

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО И РАННЕМОДЕРНОГО ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Т. Д. Гошко

Украинский католический университет, Львов
E-mail: hoshko@ucu.edu.ua

В статье проанализировано изучение украинскими историками экономических аспектов городской средневековой и раннемо-дерной истории, в первую очередь на примере развития город-ских цехов; обращено внимание на новые подходы в изучении проблемы того, как новое понимание культуры и антропологический поворот в историографии влияют на изучение экономики городов, указаны возможные перспективы исследования данной проблемы.

Ключевые слова: историография, город, экономическое аспекты, социальная история, история повседневности, антро-пологический поворот в историографии, цех, цеховая докумен-тация, цеховое право, обычаи, социальная и профессиональная структура городского населения.

The Economic Aspects of the History of Medieval and Early Modern Towns in Modern Ukrainian Historiography

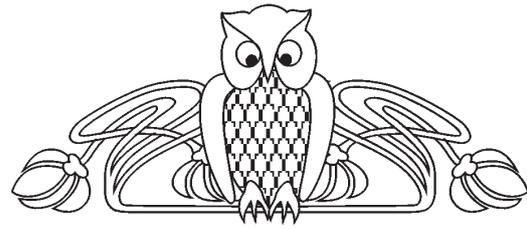
T. D. Hoshko

The article analyzes the study of the economic aspects of medieval and early modern urban history by Ukrainian historians, primarily on the example of the study of urban guilds. The author draws attention to new approaches in the study of the issue and to the question of how the new understanding of culture and anthropological turn in historiography affect the study of the economy of towns. The article also indicates possible new perspectives for the study of the problem.

Key words: historiography, town, economic aspects, social history, history of everyday life, anthropological turn in historiography, guild, guild documentation, guild law, customs, social and professional structure of the urban population.

Города, без преувеличения, являются ме-рилом цивилизации. Именно здесь в первую очередь проявляются важнейшие элементы раз-вития общества в разные исторические эпохи. Урбанистическая проблематика была и остается одной из важнейших составляющих исторической науки. Но поскольку в конце XX – начале XXI в. важнейшей тенденцией мирового развития чело-вечества стала глобализация, то вся наука, в том числе историческая, ощущает ее влияние¹.

«Глобализация, неразрывно связанная с коммуникативными процессами, включая комму-никацию идей, поставила на повестку дня новые вопросы и для тех, кто занимается изучением ана-логичных процессов в историческом измерении», – справедливо пишет Л. Репина². Исследователь-ские проблемы, с которыми сталкиваются исто-

рики, в том числе и урбанисты, зачастую имеют как минимум общеевропейский характер. В этой ситуации историографические обзоры должны выходить за национальные границы. Более того, именно историографические исследования дают возможность проанализировать не только то, что уже было сделано историками в конкретной об-ласти, но и то, что еще предстоит сделать, они по-могают определить направление новых поисков. По определению днепропетровского профессора В. Пидгаецкого, «[и]менно историография сообщ-ает нам не только о том, какими путями (мето-дами) происходило приращивание фактов о про-шлом человека, но и о том, какие проблемы еще не решены, о том, какие источники привлекались для исследований нашими предшественниками, какими они при этом пользовались методами и инструментами, каким языком, то есть какими терминами и определениями они пользовались, и как, и под влиянием каких факторов изменяется существенно смысл этих терминов»³.

Новые историографические обзоры важны ещё и потому, что в современном мире происхо-дит изменение понятия «историческое знание». Сегодня оно уже актуализует необходимость ис-следования не столько исторического процесса как такового, сколько пространств культуры, а это неминуемо рождает потребность в новых подхо-дах и в новой исследовательской проблематике⁴. Появляется новое широкое понимание культуры, которое естественно накладывается на изучение истории городов⁵. Как результат, исследовате-льское поле значительно расширяется. Возникают новые научные направления, взгляд историка останавливается на том, что еще совсем недавно казалось неважным, в поле его зрения все чаще попадает конкретный человек со своими пере-живаниями, чувствами и интересами.

Вместе с тем, «в диалектическом понима-нии культуры как непрерывного взаимодействия между общественной системой и практикой социальной жизни происходит – на основе пере-определения и усложнения самого понятия “со-циального” – реабилитация социальной истории, прошедшей горнило лингвистического и куль-турного поворотов»⁶. И хотя на первый взгляд приоритетным стало изучение человека – его менталитета, социального поведения, принятия им решений, истории повседневности, все же «в центре внимания так же, как это было до по-

явления позитивистской философии, находится событийная история, прежде всего политическая и культурная. Занятия социально-экономической историей теперь не в моде, и это грозит забвением приобретенных научных традиций, а также создает своеобразный дисбаланс исследовательских приоритетов⁷. К социально-экономической проблематике в современной историографии на постсоветском пространстве исследователи относятся с определенной настороженностью из-за длительного периода доминирования здесь марксистской парадигмы⁸, но без изучения именно этого аспекта сложно говорить о целостной картине исторического прошлого в любой области, в том числе и в урбанистике.

Очень точно подметили Р. Чая и Э. Кизик, что чем меньше было рыночных отношений в жизни послевоенной Польши (а можно сказать и всей Восточной Европы), тем больше экономики было в работах историков, но сегодня ситуация противоположная: чем больше мы становимся сознательными участниками экономических процессов, тем меньше эти проблемы занимают историков⁹. Сегодня появились новые «модные» историографические направления. И хотя не хлебом единым жив человек, но в этом постмодернистском увлечении мы забыли, образно выражаясь, будет ли он жив без хлеба?! Поэтому, какую бы проблематику мы не изучали, полностью абстрагироваться от экономической составляющей исторического процесса мы не можем, иначе наши выводы будут не до конца адекватными. Это утверждение полностью справедливо и для изучения истории средневекового и раннеמודерного города, особенно если мы хотим увидеть его с разных сторон.

Одним из элементов изучения социальной истории городов сегодня является история городских цехов, которая исследуется через призму их правового статуса и повседневной практики. Как раз на примере цеховой истории и возможно совмещение двух тенденций – изучение социально-экономического и антропологического аспектов истории города. Новый импульс социально-экономическая проблематика получила в последние годы и в украинской историографии. Наиболее ярко и глубоко она представлена в работах М. Капрала, которому принадлежит первая в украинской историографии комплексная публикация экономических привилегий отдельного города, в данном случае Львова¹⁰. Безусловно, историк зависит от источников, и зачастую именно они диктуют направление и тематику будущего исследования. Но эффективность использования источниковедческой базы зависит от тех вопросов, которые историк ставит источникам. Зачастую источники «говорят» об элите, но городские низы остаются почти безмолвными. Поэтому важно выбрать такие источники и поставить им такие вопросы, которые помогут взглянуть на прошлое простых горожан, изучить город во всех его проявлениях. Изучение низших слоев городского социума

наиболее продуктивно на примере отдельных цехов, поскольку именно они оставили массовые источники, сохранившиеся в отдельных случаях достаточно полно. Кроме того, от Средневековья до XIX в. в Европе, в том числе на украинских землях, «ремесленники определяли себя в первую очередь не как производители, а как представители определенного сословия, общественной группы, которые объединялись для защиты своих интересов в цеховую организацию»¹¹.

Сами цеха появились в Средние века вследствие массовой урбанизации Европы в IX–XIV вв.¹² Их появление, как и развитие купеческих корпораций, стало естественным результатом ускоренного развития разветвленной сети европейских городов¹³. А поскольку Львов был одним из крупнейших городов Польского королевства, то, соответственно, «львовские цеховые статуты и привилегии позволяют проанализировать малоизвестные факты внутренней жизни цеховых братств с правовой точки зрения», эти документы освещают процесс создания цехов, основные принципы социальной связи в небольшом коллективе¹⁴. Именно поэтому М. Капраль посвятил цеховым статутам и привилегиям отдельную статью¹⁵, в которой, кроме прочего, указал список ремесленнических специальностей Львова в конце XVIII в. на основании рукописи «*Jurium et privilegiorum urbis Leopoldis ad puncta ab inclito offi cio circulari capitaneali Leopoliensi civitati porrecta descriptio*», а также список ремесленнических цехов и купеческих корпораций Львова, принявших статуты в XV–XVIII вв.¹⁶ Цеховые статуты (во Львове первые из них были написаны по-немецки и не получили королевского подтверждения¹⁷) дают представление не только о профессиональной деятельности отдельных горожан, но и о повседневной жизни в городе. Публикация экономических привилегий для львовских ремесленников и вдохновила М. Капрала на более комплексное и глубокое исследование цеховой проблематики, которое он начал с изучения цеха львовских сапожников (первое упоминание о нем датируется 1386 г.¹⁸, хотя М. Капраль считает, что он должен был существовать и раньше¹⁹) – одного из самых успешных львовских цехов. Прежде всего, автор изучил книги цеха²⁰. Отдельные публикации исследователя посвящены анализу правового²¹ и социального статуса сапожников в городской среде, их ранга в сопоставлении с другими ремесленниками. Все это анализируется на основе источников, на примере как будничных ситуаций (семейных и соседских ссор, зафиксированных в судебных делах, обвинений в незаконном рождении, в крестьянском происхождении и тому подобных), так и порядка праздничных процессов в городе, где всегда четко прослеживалась иерархия горожан. Символике и обрядам цеховых ремесленников украинских городов посвящено также исследование Василя Балущка²², который связывает появление цехов в Украине с

распространением здесь магдебургского права²³. О социальном статусе сапожников свидетельствует, по словам М. Капралья, и тот факт, что они занимали в основном должности на юридиках²⁴, а не в городской власти²⁵. Все свои выводы М. Капраль обобщил в основательной монографии о львовском цехе сапожников²⁶.

Сам М. Капраль четко указал на перспективы и задачи историко-экономических урбанистических исследований: «На сегодня вижу два перспективных направления исследований львовского ремесла: конкретно-исторические исследования по отдельным цехам с привлечением цеховых книг, к которым после Ярослава Кися²⁷ никто не обращался, а также – изучение социальной среды ремесленников которые жили не только одним “хлебом насущным”, то есть были не только производителями. Следует выяснять их родственные связи, ежедневную жизнь с ежедневными хлопотами и радостями, то есть стремиться к открытию человеческого измерения в этой, казалось бы полностью экономической, области городской жизни»²⁸. Этими словами известный украинский историк перебрал мостик к новым, антропологическим направлениям историографии. И этот антропологический аспект можно и нужно изучать, опираясь на такие источники, как конкретные судебные дела, где фигурантами выступают ремесленники, или же, к примеру, на завещания (тестаменты), которые все чаще становятся объектом отдельных основательных исследований как в польской, так и в украинской историографии²⁹. Это важно еще и потому, что именно на цеха возлагались обязанности по организации похоронных процессий, по опеке над душами умерших их членов.

На разносторонность деятельности городских цехов указывала в своих работах и С. Щербина. Она детально описывает цеховые обычаи, в первую очередь, сходки и те вопросы, которые на них рассматривались³⁰. Кроме изготовления ремесленных изделий, цеха имели целый спектр обязанностей в городе: оборона города, пожарная безопасность, суд над членами цеха по небольшим делам и другие. Каждый цех имел и свои обязанности по отношению к церкви, в частности, относительно празднования дня своего патрона (литургия и праздничный банкет)³¹. Эти праздники были «действенным средством укрепления корпоративной солидарности членов ремесленных объединений». Таким образом, совершенно справедливым является вывод С. Щербины, что цеха были не только экономическими сообществами, но и выполняли другие функции – социализации, профессионального обучения молодежи, поддержки церкви. Они «представляли собой иерархические корпорации, имевшие самодовлеющий характер и распространявшие влияние на все стороны жизни своих членов»³².

Цех – это не только городская экономика, это и жизни конкретных людей, отраженные через

призму цеховой документации, судебных актов, связанных с историей отдельных ремесленнических и купеческих сообществ. Это то, что мы зачастую называем историей повседневности («everyday life history», «Alltagsgeschichte»), предметом которой становится изучение «малых жизненных миров» простых людей, а шире – так называемой безмолвной массы. Ведь, как пишет Т. А. Булыгина, «“человек – это мир”, отдельный мир и проявляется он в повседневной жизни как явление уникальное, по-своему реализующее общие идеи, общие стереотипы, общие нормы...»³³.

Хорошо известно, что история повседневности как новое направление в историографии возникла во второй половине XX в. вследствие «антропологического поворота». В рамках украинского историописания определённый импульс она получило в конце 1990-х гг., и ее популярность с тех пор только растет. Но никак не могу согласиться с утверждением И. Колесник, что это направление так популярно в украинской историографии, что «среди историков сегодня историей повседневности не занимается разве что ленивый»³⁴. На самом деле все значительно сложнее. Действительно, модно и популярно говорить о таком историографическом направлении, как «история повседневности», но работ, в которых бы последовательно изучались отдельные аспекты повседневной жизни тех или иных слоев населения или отдельных их представителей в те или иные исторические эпохи, в украинской историографии единицы. Ведь на самом деле «история повседневности существенно отличается от других сфер исторического знания, истории быта, личной жизни, генеалогии, краеведения, локальной истории, социологии обыденной жизни»³⁵. Она имеет свой определённый инструментарий. «Одним из ключевых понятий повседневности является дискурс “поведение”, которое адекватно отражает специфику конкретной исторической эпохи и происходившие в ней изменения. Поведение складывается на основе определенных ценностных канонов и нормативных систем, поэтому является ключом к зашифрованным смыслам исторического времени. Этот ключ тем эффективнее, чем сложнее социальная система и условия ее функционирования, т. к. в этом случае в повседневной жизнедеятельности большее место занимает самоорганизация ее членов»³⁶.

И как раз в области изучения городской истории история повседневности в украинской историографии является действительно слабым звеном. И цеховая проблематика в современной её подаче среди прочего открывает новые перспективы для более глубокого изучения городской повседневности.

Менее профессионально цеховая проблематика освещалась львовским историком права, доктором юридических наук М. Кобылецким³⁷, который концентрирует внимание лишь на правовом аспекте работы цехов. Правильно отмечая,

что цеховое право было тесно связано с правом городским, этот автор слишком расплывчато и не совсем корректно указывает на правовую основу функционирования городских цехов: «Правовой основой для деятельности цехов были локационные и другие королевские привилегии, локационные документы собственников городов и реализация права на торги и ярмарки, которое базировалось на нормах магдебургского права...»³⁸ Большинство утверждений автора подкрепляются ссылкой на литературу, а не на источники, даже тогда, когда утверждение непосредственно касается содержания источников: «В королевских локационных привилегиях рядом с положениями о правах города, компетенциях органов городского самоуправления, налоговых льготах, присутствовали данные об организации (создании) цехов и их структуре»³⁹. Иногда М. Кобылецкий сам себя опровергает. К примеру, сначала утверждает, что «украинцы и армяне во Львове почти полностью оставались за пределами цехов», а несколькими строками ниже приводит факты, опровергающие это утверждение, причем не единичные. Более того, сам автор указывает на то, что иногда представители названных этносов были цехмистрами, как, например, сапожник Петро Русин в 1425 г.⁴⁰ Это говорит о том, что стереотипное мышление, сформированное в советское время, не отстает даже под «напором» источников. В целом, статья М. Кобылецкого не отличается четкостью, глубиной и новаторством. В основном это давно известные факты. Более того, хотя статья претендует на обобщающий характер, но факты в ней подобраны случайные, и совершенно не понятно, имелись ли правовые отличия в организации и функционировании цехов на украинских землях в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства, а позже на территории Гетманщины.

Пользуясь случаем, следует подчеркнуть, что противостояние православных и католиков было актуально для Львова, но для большинства городов, где католиков было не так много или почти не было, на уровне цехов эта проблема практически не стояла. Историкам хорошо известен случай создания общего цеха православных и католиков: в 1641 г. во Львове сапожники, принадлежавшие к обеим конфессиям, подписали соглашение о создании единого цеха. М. Капраль, исследовавший межэтнические отношения во Львове, отмечал: «Уникальной правовой особенностью объединенного цеха стало фактическое равноправие представителей двух религиозно-национальных сообществ, украинцев и поляков, которые получили равный доступ к руководящим должностям в цехе, а толерантные основы равноправия распространялись и на область религии»⁴¹.

Хотя этот случай был уникальным, но объединенные цеха в Украине того времени – не такая уж редкость. Чаще всего объединение ремесленников разных цехов в один было необходимо для выживания. В львовском случае это было связано

с экономическим спадом, но причиной для такого или подобного объединения могла быть недоразвитость городов и, соответственно, ремесленного производства в них. Подобные случаи приводит в своем исследовании С. Щербина: в Чернигове во второй половине XVII в. существовал объединенный цех кузнецов, слесарей, мечников, колесников, золотников, конвисаров⁴², скорняков, токарей, стекольщиков и других, «молотом работающих». С развитием ремесла и углублением специализаций цеха разделялись, но в отдельных случаях, особенно в небольших местечках, такие объединенные цеха существовали долгое время, иногда до XIX в., более того, иногда в местечках был лишь один цех, объединяющий представителей всех существующих там профессий, как, например, в Литках на Черниговщине⁴³.

Вообще, углубляясь в цеховую проблематику, мы можем сломать отдельные стереотипы, например, о статусе женщин в средневековой и раннеמודерной Украине. Об этом писал М. Капраль, упоминала С. Щербина, указывая на то, что существовали даже отдельные женские цеха, к примеру, цех бубличников в городе Борзне⁴⁴. Определенную экономическую самостоятельность горожанок могут засвидетельствовать и их завещания, о чем писала польская исследовательница Б. Попёлек⁴⁵.

Спектр городских профессий изучал О. Заяц. Его работа имеет более локальный, но вместе с тем конкретный характер⁴⁶ (молодой историк специализируется на изучении процедуры получения городского гражданства, посвятил этому диссертацию⁴⁷, на основе которой совсем недавно вышла его монография⁴⁸). О. Заяц на основании реестров новых горожан Львова выделил основные ремесленнические профессии, существовавшие в городе: это 120 видов ремесел, из которых 82 принадлежали к производственной сфере⁴⁹. Свою классификацию О. Заяц основывал на тех принципах, которые были предложены не только украинскими (Я. Кись, М. Капраль), но и польскими исследователями (Л. Харевичова, А. Гилевич). В итоге О. Заяц приходит к выводу, что во Львове в XV–XVIII вв. преобладали ремесла, связанные с обработкой кожи и с производством одежды, менее популярными были металлообрабатывающие и пищевые ремесла, еще меньше привлекали львовян деревообработка и строительство, а последними в этом ряду были ремесла бытовые⁵⁰. В целом предложенная О. Зайцем схема позволяет не только проанализировать количественные и качественные показатели ремесленного производства в городах, но и проследить этнические и географические факторы его развития, динамику и направление миграций, связанных с городами, стадии развития городской экономики. Эти же выводы историк частично повторил в своей монографии. Не все в ней бесспорно, например, непонятно, почему О. Заяц переплетчиков (интродигаторов) относит к людям бытовых ремесел⁵¹. Но

то, что автор детально описал профессиональный состав львовских граждан по отдельным периодам развития города⁵², проследил семейственность в овладении ремеслами⁵³, иерархичность различных ремесленнических профессий по разным показателям⁵⁴, оформил свои наблюдения в таблицах и графиках, свидетельствует об основательном подходе и о важности его работы для исследования экономических и социальных аспектов истории конкретного города – Львова.

Социальную и профессиональную структуру киевских горожан исследовала Н. Билоус, но в качестве источников она выбрала фискальные материалы – люстрации Киевского замка 1552 г. и налоговый реестр 1571 г.⁵⁵ В результате были выделены отдельные профессиональные группы в Киеве XVI в.: 1) правящая элита (члены городского совета, войт, лавники⁵⁶, писари); 2) купцы и торговцы (владельцы комяг⁵⁷ и больших лодок, скупщики и торговцы); 3) ремесленники, квалифицированные работники (квалифицированные ремесленники разных профессий, бедные ремесленники, рыбаки, огородники); 4) неквалифицированные работники (коморники⁵⁸, бедные скупщики, мелкие торговцы)⁵⁹. Вместе с тем, Н. Билоус отмечает фрагментарность киевских источников и соответственно относительность своих выводов.

Важным элементом исследования экономической истории городов является изучение таможенной системы, сети торгов и ярмарок в государстве, которые были связаны именно с городами⁶⁰. В локационных привилегиях отдельным городам четко определялось право на ярмарки и торги, а отдельные исследователи даже считают, что именно право на ярмарки указывает на городской статус поселения, что является спорным⁶¹. Но это отдельное огромное исследовательское направление, которое пока относительно слабо освоено украинскими и польскими историками.

Таким образом, при том антропологическом повороте, который наблюдается в современной историографии на разных уровнях, можно говорить об определенном падении интереса к социальной и экономической истории городов, а это, в свою очередь, негативно отражается на изучении их исторического развития. Но внимание к экономическим аспектам никак не противоречит антропологическому подходу. Только комплексный взгляд на историю города, включающий и экономические и антропологические, и социальные, и правовые аспекты, даст нам возможность лучше понять городское сообщество на разных этапах его развития.

Соответственно «новая историографическая парадигма подрывает традиционное различие между тем, что представлялось “главным” в исторических исследованиях, и тем, что считалось “периферийным”... Парадигмальный разворот в сторону горизонтальных глокальных иерархий наша культура уже завершает, а тем самым пре-

одолевается пространство между “историей” и “не-историей”; теперь Историей становится всё⁶². Изучение экономического развития городов усложняется новыми вопросами и задачами, а это делает его более глубоким и интересным, а вместе с тем совершенно необходимым для создания полноценной картины жизни средневекового и раннегородского города Центрально-Восточной Европы и Украины в частности.

Примечания

- ¹ О влиянии процесса глобализации на развитие науки см.: *Додонова В.* Наука і глобалізація // Ноосфера і цивілізація. Збірник філософських праць. Вип. 4. Донецьк, 2004. URL : http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Niz/2004_4/dodonova.htm. (дата обращения: 13.12.2012).
- ² *Репина Л.* «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // Ейдос : Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 3, ч. 1. Київ, 2008. С. 13.
- ³ *Підгаєцький В.* Основи теорії та методології джерелознавства з історії України ХХ століття. Дніпропетровськ, 2001. С. 55–56.
- ⁴ *Маловичко С.* Глокальная перспектива новой локальной истории. URL : <http://www.newlocalhistory.com/node/72>. (дата обращения: 13.12.2012).
- ⁵ Детально см.: *Manikowska H.* Miasta i mieszczaństwo w ziemiach Polski w średniowieczu – postulaty i perspektywy badawcze // Pytania o średniowiecze. Potrzeby i perspektywy badawcze / red. W. Falkowski. Warszawa, 2001. S. 118–122.
- ⁶ *Репина Л.* Указ. соч. С. 19.
- ⁷ *Хвостова К. В.* Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 27.
- ⁸ Показательными в этом отношении являются слова М. Капраля: «Особую популярность среди историков приобрела концепция К. Маркса о роли труда в жизни общества. Немецкий мыслитель определил труд как способность или качество, которое делает нас настоящими людьми, и предположил, что экономическая рациональность является определяющей для процессов труда. С этой точки зрения большинство историков ремесла вслед за Марксом “эссенциализировали” труд, предполагая, что только эта деятельность определяет идентичность ремесленников. Поэтому социальная жизнь в цехе рассматривалась с точки зрения парадигмы классовой борьбы и возникновения рабочего класса. Наёмные рабочие и обедневшие подмастерья, которые могли свободно переходить от одного мастера к другому, выступали предвестниками рабочего класса, пролетариата, который в будущем должен был “разрушить капиталистический строй”. В таком контексте ремесленники воспринимались исключительно как работники, создатели материальных благ. Однако исследования историков ремесла за последние десятилетия выявляют и другие составляющие идентичности ремесленников. Часто семейные, соседские отношения, отношение к церкви, статус ремесленника

- в обществе имели для его идентичности большее значение, нежели его профессиональная деятельность...» (*Капраль М.* Економічні мотиви чи соціальна доцільність? Ремісничі цехи Львова XV–XVIII століть у світлі статутів // Львів : місто – суспільство – культура. Т. 8, ч. 1 : Влада і суспільство / за ред. О. Аркуші, М. Мудрого // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. історична. Спец. вип. Львів, 2012. С. 173–174.
- ⁹ См.: *Czaja R., Kizik E.* Wstęp // *Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych*. Т. LXX. Poznań ; Warszawa, 2010. S. 13–14.
- ¹⁰ См.: Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. (рецензії : *Білоус Н.* Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів : МГКО «Документальна скарбниця Львова», 2007 // Український гуманітарний огляд. Вип. 13. Київ, 2008. С. 185–190; *Wünsch Thomas* [Rec:] Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. Marburg, 2007. Jg. 56. Heft 3. S. 474; *Фелонюк А.* [Rec:] Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. // Вісн. Наук. тов. ім. Т. Шевченка. Львів, 2008. Ч. 39. С. 56–58; *Його же* [Rec:] Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. // *Записки Наук. тов. ім. Т. Шевченка*. Львів, 2008. Т. 256 : Праці Історично-філософської секції. С. 710–720).
- ¹¹ *Капраль М.* Економічні мотиви чи соціальна доцільність? С. 174.
- ¹² Детально см.: *Hohenberg P., Lees L. H.* The Making of Urban Europe, 1000–1950. Cambridge (Mass.) ; L., 1985. С. 8.
- ¹³ См.: *Капраль М.* Привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій Львова XV–XVIII ст. (історико-правовий нарис) // Економічні привілеї міста Львова : привілеї та статuti ремісничих цехів та купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. С. V.
- ¹⁴ Там же. С. XII. По подсчетам Я. Кися, в 1462–1482 гг. во Львове ремесленники 50 профессий были объединены в 14 цехов (*Кись Я.* Промисловість Львова у період феодалізму (XIII–XIX ст.). Львів, 1968. С. 52). Но большинство из них своих статутів не имели и правовой отсчет вели от привилегий Казимира IV, регулировавших хозяйственную деятельность. В частности, львовские сапожники учредительным документом своего цеха считали королевский декрет 1456 г., которым количество сапожников на Подзамче (предместье Львова) ограничивалось двумя ремесленниками (Центральный державний архів України у Львові. Ф. 52. Оп. 2. Спр. 1039. Арк. 7–8).
- ¹⁵ См.: *Капраль М.* Статuti ремісничих цехів та купецьких корпорацій Львова XV–XVIII ст. : організаційно-правові питання // Україна : культура спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 15. Львів, 2006–2007. С. 173–185.
- ¹⁶ Там же. С. 183–185.
- ¹⁷ Там же. С. 174.
- ¹⁸ *Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie*. Lwów, 1896. Т. VI. S. 1–2.
- ¹⁹ *Капраль М.* Шевський цех у Львові в XIV–XVII століттях : особливості правового статусу // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. історична. Вип. 44. Львів, 2009. С. 39. «Сапожник» по-українськи – «швець». О том, насколько распространенной была эта профессия, свидетельствует популярность в Украине фамилий Шевченко, Шевцов, Шевчук, Швець и др.
- ²⁰ *Капраль М.* Цехові книги шевського цеху як джерело до історичної демографії Львова XVII–XVIII ст. // Львівська національна наукова бібліотека імені В. Стефаника : історія і сучасність : доповіді і повідомлення Міжнар. наук. конф., Львів, 28–30 жовтня 2010 р. Львів, 2010. С. 346–351. Краткий источниковедческий анализ цеховых книг из собрания Черниговского исторического музея дает С. Щербина, при этом отмечая богатство содержания подобных источников и их значение для исследования разных сторон жизни и деятельности горожан, занимающихся ремеслом и объединенных в цеха. См.: *Щербина С.* Цехові книги із зібрання Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського // Сіверянський архів. Наук. щорічник. Вип. 2. Чернігів, 2008. С. 28–33.
- ²¹ См.: *Капраль М.* Шевський цех у Львові в XIV–XVII століттях : особливості правового статусу. С. 39–58.
- ²² См.: *Балушок В.* Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. Київ, 1993. 120 с. Это исследование свидетельствует не столько о новаторской проблематике, сколько об инертности историографии.
- ²³ Там же. С. 13.
- ²⁴ Юридика – земельная собственность шляхтича или церкви в пределах города, исключенная из городской юрисдикции.
- ²⁵ См.: *Капраль М.* Соціальний статус та ієрархічність у ремісничому середовищі в ранньомодерному місті (на прикладі шевського цеху Львова XVII–XVIII ст.) // Ювілейний збірник на пошану Степана Геля / відп. ред. І. Копич (Вісн. Львів. комерц. академії. Сер. : Гуманітарні науки. Вип. 10). Львів, 2011. С. 119–126.
- ²⁶ См.: *Капраль М.* Люди корпорації : Львівський шевський цех у XVII–XVIII ст. Львів, 2012 (Львівські історичні праці. Дослідження. Вип. 5). 552 с.
- ²⁷ *Кись Ярослав Павлович* (1918–1986) – известный украинский историк, исследователь социально-экономической истории Украины XIII–XIX вв., специалист по специальным историческим дисциплинам, доктор исторических наук (1969 г.), профессор (1970 г.). См.: *Кись Ярослав Павлович* // *Ист. фак. Львів. нац. ун-ту ім. Івана Франка* (1940–2000). Львів, 2000. С. 111–112; *Муравський О.* Кись Ярослав Павлович // *Українські історики Біобібліографічний довідник*. Вип. 3. Київ, 2010. С. 126–127.

- ²⁸ Капраль М. Стан та перспективи дослідження історії міст України: приклад пізньосередньовічного та ранньомодерного Львова // *Actes testantibus* : Ювіл. зб. на пошану Леонтія Войтовича / відп. ред. М. Литвин (Україна : культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20. Львів, 2011. С. 320).
- ²⁹ См.: Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI – першої половини XVII століття. Київ, 2011. 200 с. ; *Bilous N. Testamenty mieszczaków Kijowa z XVI – pierwszej połowy XVII wieku* // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa, 2010. Nr 2. S. 245–258 ; *Кочеркевич Я.* Заповіти львівських міщан XVII ст. // *Архіви України*. Вип. 5 (265). Київ, 2009. С. 135–158 ; *Bartoszewicz A.* Testament jako źródło do badań nad piśmiennością mieszczańską w różnym średniowieczu // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa, 2011. R. LIX. Nr 3–4. S. 293–303 ; *Иъсмлек J.* Krakowska Liber Testamentorum jako źródło do badań społeczeństwa miasta późnośredniowiecznego (zarys problematyki) // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa, 2011. R. LIX N 3–4. S. 305–312 ; *Popiolek B.* Testamenty mieszczan lwowskich i krakowskich XVII–XVIII wieku // *Львів : місто – суспільство – культура*. Т. 8, ч. 1. Львів, 2012. С. 227–233 и др.
- ³⁰ См.: Щербина С. Побут та звичаї цехових ремісників Північного Лівобережжя у другій половині XVII–XVIII ст. // *Наук. часопис Нац. пед. ун-ту ім. М. П. Драгоманова*. Сер. 6 : Історичні науки. Вип. 6. Київ, 2008. С. 241–243.
- ³¹ Там же. С. 244–245.
- ³² Там же. С. 245.
- ³³ Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент. URL : <http://www.newlocalhistory.com/content/bulygina-ta-stavropol-istoriya-povsednevnosti-i-novaya-lokalnaya-istoriya-issledovatel'skoe> (дата обращения: 13.12.2012).
- ³⁴ Колесник І. «Повернення до речей» як перспектива історичних досліджень // *Український історичний журнал*. Київ, 2012. Вип. 3. С. 184. Автор справедливо заметила, что в украинской историографии очень неоднозначное отношение к этому новому направлению историописания. (Там же. С. 185 и др.)
- ³⁵ Там же. С. 184.
- ³⁶ Булыгина Т. А. Указ. соч.
- ³⁷ Кобилецький М. Організація та правові засади діяльності цехів у містах України за магдебурзьким правом // *Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юридична*. Вип. 52. Львів, 2011. С. 71–76.
- ³⁸ Там же. С. 71.
- ³⁹ Там же. С. 72. Вместо ссылки на источник автор дает ссылку на работу польского историка права С. Кутшебы (*Kutrzeba S.* *Historia zrodel dawnego prawa polskiego*. Kraków, 1926. Т. 2. S. 236).
- ⁴⁰ Кобилецький М. Указ. соч. С. 73.
- ⁴¹ Капраль М. Шевський цех у Львові в XIV–XVII століттях. С. 39.
- ⁴² Конвисары – специалисты по изготовлению вещей из олова.
- ⁴³ См.: Щербина С. Указ. соч. С. 241.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Popiolek B.* *Testamenty mieszczan lwowskich i krakowskich XVII–XVIII*. С. 232–233.
- ⁴⁶ См.: Зяць О. Професії виробничої сфери львівського міщанства (за реєстрами новоприйнятих громадян XV–XVIII століть) // *Записки Наук. тов. ім. Т. Шевченка*. Т. ССЛІІ : Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2006. С. 320–370.
- ⁴⁷ См.: Зяць О. Міське громадянство Львова XV–XVIII ст. (за реєстрами прийняття до міського права) : автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2005. 20 с. URL : <http://www.nbuv.gov.ua/ard/2005/05zoarmp.zip> (дата обращения: 13.12.2012).
- ⁴⁸ См.: Зяць О. Громадяни Львова XIV–XVIII ст. : правовий статус, склад, походження. Київ ; Львів, 2012. 558 с.
- ⁴⁹ См.: Зяць О. Професії виробничої сфери львівського міщанства. С. 321.
- ⁵⁰ Там же. С. 364.
- ⁵¹ См.: Зяць О. Громадяни Львова XIV–XVIII ст. : правовий статус, склад, походження. С. 291–292.
- ⁵² Там же. С. 232–308, 434–460.
- ⁵³ Там же. С. 308–329.
- ⁵⁴ Там же. С. 461–465.
- ⁵⁵ См.: Білоус Н. Соціальна та професійна структура населення Києва у світлі фіскальних джерел другої половини XVI ст. // *СОЦІУМ*. Альманах соціальної історії. Вип. 8. Київ, 2008. С. 107–118.
- ⁵⁶ Лавники – члены городского суда.
- ⁵⁷ Комяга – самый распространенный тип сплавного судна без мачт, прямоугольной формы, неглубокой посадки, длиной от 17 до 24 м, шириной до 10 м, на 7–12 гребцов, грузоподъемностью от 30 до 70 т. (см.: *Торгівля на Україні XIV – середина XVII ст.* Волинь і Наддніпрянщина / упор. В. Кравченко, Н. Яковенко. Київ, 1990. С. 343).
- ⁵⁸ Коморники – не имеющие собственности бедные горожане.
- ⁵⁹ См.: Білоус Н. Соціальна та професійна структура населення Києва у світлі фіскальних джерел другої половини XVI ст... С. 117.
- ⁶⁰ См.: Кулаковський П. Формування мережі ярмарків на Лівобережній Україні в другій половині XVI – першій половині XVII ст. // *Історія торгівлі, податків та мита*. Дніпропетровськ, 2011. – № 1 (3). URL : http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/itpm/2011_1/Kul_kyi.htm (дата обращения: 13.12.2012). Автор, кроме прочего, приводит интересный факт из жизни еврейской общины Переяслава: «Евреи Переяслава не желали оставаться в стороне от преимуществ магдебургского права, тем более, что сами горожане во главе с войтом ещё в январе 1621 г. декларировали желание привлечь евреев к выполнению повинностей и платежам податей, надлежащих городу. Поэтому в 1623 г. представители еврейской общины обратились к городским властям с просьбой принять общину под свою юрисдикцию, на что городские власти согласились, обзавев местных евреев выполнять повинности и платить подати такие же, как и горожане-христиане» (Там же). Это подтверждает тезис, что изучение хозяйственной жизни

средневековых и раннемоде­рных городов позволяет исследовать и другие стороны городской жизни, в частности, межнациональные и правовые аспекты.

⁶¹ См.: *Kiryk F. Z. badań nad urbanizacją Lubelszczyzny w dobie Jagiellońskiej // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny.*

Prace Historyczne. Z. 43. Kraków, 1972. S. 118–119. См. также: *Гошко Т. Д.* Правовая локация городов Украины XIV–XVI веков : локационные привилегии // *История и историческая память.* Вып. 4. Саратов, 2011. С. 13.

⁶² *Маловичко С.* Указ. соч.

УДК: 94(420)»1702/1744»+930

ЭДВАРД ХАЙД, ГРАФ КЛА­РЕН­ДОН, И ЕГО «ИСТОРИЯ МЯТЕЖА» В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

С. М. Морозов

Саратовский государственный университет
E-mail: tenros@nextmail.ru

В статье репрезентируются основные модели восприятия английскими интел­лектуалами первой половины XVIII века выпущенной в 1702–1704 гг. книги графа Кларендона «История мятежа и гражданских войн в Англии», а также восстанавливаются эстетический и политический контексты, обуславливающие такое восприятие. Особое внимание уделяется ревизионистской концепции Джона Олдмиксона и её критике со стороны его оппонентов.

Ключевые слова: XVIII век, Англия, Джон Олдмиксон, «История мятежа и гражданских войн в Англии», спор о древних и новых, фальсификация истории, Эдвард Хайд, граф Кларендон

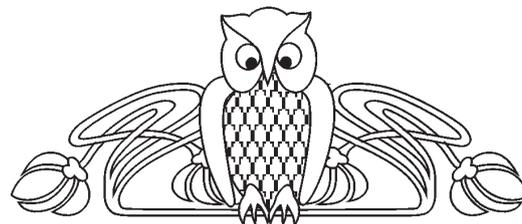
Edward Hyde, Earl of Clarendon, and his «History of the Rebellion» in the Opinion of English Intellectuals of the First Half of 18th Century

S. M. Morozov

The paper represents principal points of view on Edward Hyde, Earl of Clarendon, and his «History of the rebellion and Civil wars in England» (1702–1704), expressed by English intellectuals of the first half of the 18th century. It also reconstructs aesthetical and political contexts which brought up these notions. Special attention is paid to Mr. Oldmixon's revisionist conception on this «History» and its criticism by his opponents.

Key words: XVIIIth century, England, John Oldmixon, «History of the rebellion and Civil wars in England», quarrel of the ancients and the moderns, historical revisionism, Edward Hyde, Earl of Clarendon.

В год 1702 в университете Оксфорда были опубликованы первые тома классического произведения английской историографии «История мятежа и гражданских войн в Англии». Её автор, Эдвард Хайд, получивший в 1661 г. титул графа Кларендона, как он сам представлял себя на первых страницах своего сочинения, был не самым «некомпетентным человеком» в отношении той темы, которую он взял на себя смелость описать: он «присутствовал в качестве члена парламента на собраниях, предшествовавших мятежническому расколу, а после этого имел честь быть подле двух великих королей и даже заручиться

некоторым доверием с их стороны»¹. В 1646 г., находясь на о. Джерси, куда он прибыл вместе с принцем Уэльским, Хайд начал писать свой монументальный труд, но в 1648 г. оставил это занятие и отправился во Францию ко двору давно покинувшего Джерси принца Уэльского². В 1658 г. он был назначен лорд-канцлером. После восстановления в Англии династии Стюартов в 1660 г. он возглавил правительство и стал одной из наиболее влиятельных фигур первых семи лет правления Карла II. Многим он казался всемогущим³. ореол власти, образовавшийся вокруг Хайда, был настолько мощным, что в итоге погубил своего обладателя: в бедах, настигших Англию в середине 60-х, обвиняли его. Объявленный в парламенте государственным изменником, он, спасаясь ареста, бежал во Францию, где в практически полной изоляции от друзей и родственников провёл последние годы своей жизни.

В 1671 г. он получил от навесившего его сына, Л. Хайда, неоконченную рукопись своего исторического сочинения, которое теперь намеривался завершить. Он объединил текст рукописи с только что написанной им автобиографией и дописал некоторые эпизоды, закончив работу к июню 1762 г.⁴ Через два с половиной года Кларендон скончался. По завещанию все его рукописи перешли в полное распоряжение двух старших сыновей, Генри и Лоуренса Хайдов⁵. Прошло ещё 27 лет, прежде чем Л. Хайд, граф Рочестер, решил опубликовать сочинение своего отца. За эти годы кардинально изменился статус Кларендона. Из лорд-канцлера, обвинённого в государственной измене и бежавшего от правосудия, он превратился в дедушку двух английских королей, Марии II (1689–1694 гг.) и Анны (1702–1714 гг.), рождённых от брака его дочери Анны с герцогом Йоркским, будущим Яковом II.

По замыслу Рочестера, сочинение Кларендона должно было стать инструментом торийской пропаганды и представлять торийскую версию истории XVII века⁶. Нужный ракурс восприятия «Истории мятежа» призваны были задать обширное предуведомление к первому тому и посвящения королеве, открывающие второй и третий том. Во введении к первому тому Рочестер прежде

всего предостерегает читателя от сопротивления законной власти, указывая на катастрофические последствия, к которым оно может привести⁷. И лишь после этого длинного предостережения он переходит к представлению публике автора книги, которого описывает как великого государственно-го деятеля, чьими усилиями стране удалось вырваться из хаоса междоусобицы и восстановить порядок⁸. Далее Рочестер предпринимает попытку реабилитировать своего отца, объявляя его безвинной жертвой придворных интриг⁹. Рочестер приложил немало усилий, чтобы представить работу своего отца в качестве политического манифеста. Однако едва ли это ему удалось.

Сразу после выхода «История» Кларендона оказалась в центре дискуссии, но отнюдь не политической. Умы многих интеллектуалов в начале XVIII века занимал «спор о древних и новых», начало которому в Англии положило эссе У. Темпла (1628–1699 гг.) «О древнем и новом знании» (1689 г.), в котором утверждалось, что все нынешние открытия меркнут перед достижениями античности¹⁰. Один из тезисов Темпла был следующим: ни один современный историк не может тягаться с историками прошлого¹¹. Темпл полагал, что только древние смогли найти верное соотношение стиля и содержания, позволяющее создавать совершенные сочинения, объединявшие красноречие и личный опыт автора. Он утверждал, что из классических историй можно почерпнуть модели управления и законодательства, а потому они являлись (и являются) наилучшими руководствами для государственного деятеля. Лучшие же современные истории – это те, которые в наибольшей степени подражают древним историческим сочинениям, пусть даже они никогда и не смогут сравниться с ними¹².

В 1694 г. молодой эрудит У. Уоттон (1666–1727 гг.) ответил на это эссе книгой «Размышления о древнем и новом знании»¹³. Оппонируя тезисам Темпла, Уоттон должен был обнаружить контраргумент и относительно историков. К 1694 г. он нашёл два исторических сочинения, способных, на его взгляд, сравниться с произведениями античных авторов: это были «Мемуары» Филиппа де Коммина и «История совета Трента» Паоло Сарпи, выбранные на основе критериев, взятых у Полибия¹⁴. Контраргумент Уоттона не показался Темплу убедительным: ни «Мемуары», ни «История совета Трента» не являлись «историями» в его понимании, поскольку не освещали великих событий и не представляли собой образца блестящего стиля¹⁵.

Выход в свет «Истории мятежа» Кларендона стал поворотным событием в той его части диспута, что относилась к историописанию. Уоттон тут же использовал эту книгу как аргумент в споре с последователями Темпла (сам Темпл скончался в 1699 г., т. е. ещё до публикации «Истории»). В третьем издании (1705 г.) своих «Размышлений» Уоттон утверждал, что «История» Кларендона

затмила произведения и Коммина, и Сарпи, и даже превзошла многие сочинения древних¹⁶. Он восхищался «Историей мятежа»: события, описанные Кларендоном, были бесспорно значительными и грандиозными, повествование – увлекательным, выводы – серьёзными и назидательными, а стиль – блестящим. В книге нашлось место и битвам, и переговорам, и, самое главное, людям, чьи характеры были столь живо и беспристрастно описаны Кларендоном. Будущие поколения, по мнению Уоттона, непременно признают эту книгу образцовым сочинением, равным наиболее известным классическим историям, как по своему содержанию, так и изяществу слога¹⁷.

Невозможно сказать, согласился ли Темпл с такой оценкой «Истории мятежа», но его последователи признали непреходящую значимость сочинения Кларендона. Так, У. Кеннет, писавший последний том для задуманного Темплом коллективного исторического сочинения «Полная история Англии», взял за основу своей работы «Историю мятежа», автора которой он назвал «единственным английским историком, которого следует помнить»¹⁸. А секретарь У. Темпла, Д. Свифт, хотя так и не высказал своего мнения об этой книге, однако перечитывал её неоднократно, оставляя многочисленные маргиналии на полях¹⁹.

Критерии оценки исторического сочинения были сходными как у сторонников «старых», так и сторонников «новых». И те и другие ориентировались на античные образцы и полагали, что историческое сочинение должно нести читателю мораль, пример, урок и назидание, что одной из его функций является воспитание политического деятеля и гражданина. И те и другие признавали ценность личного опыта историка. Успех Кларендона был связан со следованием тем же классическим канонам. Одной из целей его сочинения, как это убедительно показал Р. У. Харрис, было написание такой книги, которая бы соответствовала уровню, достигнутому прилежно изучаемыми им историческими сочинениями Тацита, Ливия, Плутарха, Цицерона и Макиавелли²⁰.

С тех же позиций «Историю» Кларендона воспринимали и остальные первые её читатели. Приём, оказанный книге, был восторженным. Произведение Кларендона, воплощавшее классический идеал поучительного и размышляющего историописания, основанного на личном опыте причастного государственными делам человека, было обречено на успех²¹. В хоре зазвучавших в начале столетия восхищённых похвалительных речей в адрес Кларендона-историка невозможно расслышать критических замечаний. С. Пипс (1633–1703 гг.), один из первых её читателей, летом 1702 г. писал Г. Хайду, сыну Кларендона, унаследовавшему отцовский титул: «Мой лорд, уже трижды я прочитал “Историю” Вашего почтенного отца, моего лорд-канцлера Кларендона, и я уверяю Вас, что в четвёртый раз я прочитаю её с тем же аппетитом, что и в первый»²². Друг Пипс

са, Джон Эвелин (1620–1706 гг.), писал ему в письме от 20 января 1703 г.: «Я не могу не поделиться с Вами тем невероятным удовольствием, которое испытал при чтении «Истории мятежа» прежнего лорда Кларендона, сочинения столь прекрасного, столь неожиданно изящно написанного, как будто бы его рукой водил сам Полибий...; характеры правдивы..., и они выведены такими естественными и живыми штрихами, что становится ясно: Его Светлость не только хорошо знал внешнюю сторону этих людей, но и саму их сущность»²³.

Антиквар Р. Тосби в 1706 г. пишет в своём дневнике: «Я просмотрел три тома «Истории» лорда Кларендона, написанных с похвальной свободой, дающих ключ ко многим событиям той эпохи, чего не встретишь в книгах обычных авторов»²⁴. Тосби также хвалит работу за подробно описанные характеры участников тех событий, хотя и отмечает, что автор пренебрёг пресвитерианами: не уделил им внимания, соответствующего тому вкладу, который они внесли в события великой революции²⁵.

Г. Фелтон (1679–1740 гг.), священник и учёный, в своей книге «Диссертация о чтении классиков и формировании стиля» (1709 г.) называет Кларендона «благороднейшим и наиболее беспристрастным историком, принадлежащим нашему народу»²⁶. Как и прочие первые читатели, Фелтон обращает внимание на глубину содержания и изящество слога: «читая, мы чувствуем, что написанное исходило из самого сердца, тревожимого глубочайшими чувствами и свежими впечатлениями от совершаемых злодеяний, повергавших его в скорбь. Я не знаю того, кто мог бы сравниться с ним в массивности и торжественности его стиля, силе и чистоте слога, красоте и величественности выражения»²⁷.

Отзыв амстердамского теолога Ж. Леклерка разросся до целой книги, по большей части, правда, пересказывающей «Историю», но также содержащей во вступительной части небольшой критический анализ. Подобно своим английским современникам, Леклерк выражает своё восхищение изяществу стиля, точности и глубине исторических портретов, не уступающих, по его мнению, портретным характеристикам в произведениях Гая Саллюстия Криспа²⁸. Но также Леклерк отмечает эгоцентризм автора и односторонность его книги, порой напоминающей скорее мемуары, чем всеохватное историческое сочинение²⁹. Однако, сопоставив «Историю» Кларендона с мемуарами Лудлоу, Леклерк приходит к выводу, что очевидная пристрастность Кларендона несколько не отразилась на отображении фактов³⁰.

Чуть более сильный акцент на политической пристрастности автора «Истории мятежа и гражданских войн» сделал полтора десятилетия спустя Поль де Рапин (1661–1725 гг.). В изданной в 1724 г. в Гааге многотомной «Истории Англии» он отметил, что работа Кларендона создаёт такое впечатление, будто она писалась лишь с целью

оправдать поведение и поступки Карла I³¹. И главным недостатком книги Рапин называет очевидность намерений автора, которая ставит под сомнения некоторые его утверждения. Рапин также упрекает Хайда во враждебности к шотландцам и пресвитерианам, однако в целом он называет его исторический труд блестящим³².

Первые читатели «Истории мятежа» были восхищены этой книгой. Даже те, кто находил в ней определённые недостатки, соглашались с тем, что работа превосходна. Редкий читатель не отмечал стилистического мастерства автора и великолепия созданных им психологических портретов. Многие помещали книгу рядом с историческими сочинениями античности. На политические смыслы, заложенные в работе или приписанные ей введением графа Рочестера, кажется, никто не обращал внимание. Даже те, кто отмечал предвзятость авторской позиции, скорее выражали досаду по поводу отсутствия в «Истории» ряда сюжетов.

Однако по мере шествия времени накапливался критический импульс, мощным взрывом вырвавшийся на свободу в ревизионистских сочинениях Джона Олдмиксона (1673–1742 гг.), пламенного виги. В серии книг, анонимно опубликованных в период с 1624 по 1630 г., Олдмиксон попытался опровергнуть читательские «мифы», отрицавшие точность портретных характеристик, определяя их как «неправдоподобные»³³. Стиль «Истории мятежа» он называет «менее всего подходящим для исторического сочинения»³⁴. Олдмиксон указывает на то, что «История мятежа», на его взгляд, определённо проигрывает сочинениям Лукиана, а потому не может идти ни в какое сравнение с историями «древних»³⁵.

Общая характеристика, которой награждает Олдмиксон «Историю мятежа», предельно критична: «Профессора истории едва ли смогут назвать хотя бы одно достоинство исторического сочинения лорда Кларендона. Его метод (точнее, его отсутствие) рыхлый и непостоянный. Стиль витиеватый и манерный. Факты искажены. Описанные характеры придуманы и неестественны. Язык изысканный, но было бы ошибочно полагать, будто тот, кто красиво говорит, непременно будет замечательным историком»³⁶.

Ревизии подвергся и образ Кларендона-политика. В «Сравнении Кларендона и Уайтлока» он характеризует Кларендона как консерватора, врага конституции, циничного коррупционера, государственного преступника, чьи действия на посту лорд-канцлера привели зачастую к катастрофическим последствиям³⁷.

Однако кроме попытки ревизионистского поворота в восприятии «Истории мятежа», Олдмиксон также осуществляет другое, более важное действие: он погружает сочинение Кларендона в актуально-политический контекст, возможно впервые после написания графом Рочестером

предисловия. Олдмиксон принимает изложенную в предисловии интерпретацию книги и на этом основании обвиняет Кларендона в идеологической пристрастности и намеренной фальсификации фактов в целях торийской пропаганды³⁸. Во всех книгах своего «ревизионистского цикла» Олдмиксон указывает на ошибки в сочинении Кларендона, которые он обнаруживает при сравнении «Истории мятежа» с работами Уайтлока и Лудлоу. Собственно, и критика стиля, которым написана книга, нацелена не только на разрушение образа Кларендона-стилиста, но и на обнаружение механизмов фальсификации: усложнённые и перегруженные предложения, по мысли Олдмиксона, должны были запутать читателя, дабы он не заметил подтасовки фактов.

Олдмиксон, хотя и воспринимал Кларендона как жуткого консерватора и врага конституции, по-видимому, осознавал анахроничность собственного обвинения: Кларендон никак не мог быть тори в том смысле, в каком это слово употреблялось в 20-х гг. XVIII столетия. И тогда он делает скандальное заявление: фальсифицирующая факты «История» Кларендона сама была частично сфальсифицирована. С этого утверждения он начинает свою «Критическую историю Англии», обвиняя во внесении правок в оригинальный манускрипт оксфордских издателей³⁹. То же утверждение можно обнаружить и на первых страницах «Сравнения Кларендона и Уайтлока»⁴⁰, где также в качестве организаторов этой фальсификации указываются церковники-якобиты, которые решили использовать сочинение Кларендона в своих политических целях (главной из которых, по мнению Олдмиксона, является установление королевско-церковной диктатуры)⁴¹.

Наконец, в «Истории Англии в правление королевского дома Стюартов» Олдмиксон уже прямо называет заказчиков и авторов подделки: ссылаясь на полученное им письмо (отправитель остаётся неназванным), он утверждает, что правки в оригинальный манускрипт внёс поэт Эдмунд Смит, как он сам якобы признался незадолго до смерти, по наущению и под руководством трёх епископов: Олдрича, Смолдриджа и Аттербёри⁴².

Двое из трёх обвиняемых к тому времени уже умерли, а Ф. Аттербёри доживал свои дни в изгнании во Франции в связи с неудачной попыткой организации якобитского заговора⁴³. Это обстоятельство подтверждало выявленный Олдмиксоном в «Истории мятежа» якобитский дискурс, в то время как предполагаемая причастность к фальсификации Э. Смита, которого великий литературный критик XVIII в. С. Джонсон причислил к числу наиболее выдающихся английских поэтов, объясняла стилистическое совершенство правок, неотличимых от текста оригинала⁴⁴.

Публикация «Истории Англии в правление королевского дома Стюартов» вызвала мощную волну критических откликов⁴⁵. Коллективными усилиями удалось опровергнуть предложенную

Олдмиксоном теорию заговора и даже проследить становление этой теории. Выяснилось, что письмо с указанием имён фальсификаторов было написано Д. Дюккеттом (1634–1732 гг.), известным вигийским политиком и публицистом, в чьём имении скончался Э. Смит⁴⁶. Так и осталось неизвестным, действительно ли Смит оклеветал трёх епископов или же это Дюккетт выдумал всю эту историю, однако в контексте работ Олдмиксона теория заговора выглядела очень эффектно⁴⁷. Спекулировавшая на репутации Аттербёри, теория переносила негативные коннотации, связанные с его именем, на книгу Кларендона. В результате можно было рассчитывать на дискредитацию «Истории мятежа» как исторического нарратива и обезвреживание распознанного в ней Олдмиксоном идеологического заряда, который, учитывая мощь самого произведения, мог бы существенно повлиять на нарастающее в это время противостояние вигийской и торийской точек зрения на историю⁴⁸.

Однако все аргументы Олдмиксона были опровергнуты. Обвинения, содержащиеся в опубликованном им письме, не имели никакого фактического основания. Лишь один из трёх обвиняемых был причастен к подготовке рукописи графа Кларендона к изданию: Генри Олдрич, декан Крайст-Чёрч в университете Оксфорда. Он и епископ Спрат подготавливали манускрипт к публикации по просьбе Л. Хайда, графа Рочестера, принимавшего активное участие в работе⁴⁹. Хотя ни одного из перечисленных издателей «Истории мятежа» к тому времени не было в живых, соответствие опубликованной книги оригинальной рукописи подтвердил мистер Томас Хирн, составивший именную указатель к первому изданию. Он также привёл более весомый аргумент, чем собственное свидетельство: рукопись хранится в Бодлианской библиотеке, и каждый может прийти туда и сравнить печатный текст с оригиналом⁵⁰. Финальным аккордом защиты «Истории мятежа» от нападок Олдмиксона стала серия статей Джона Бёртона, опубликованных в 1732–1733 гг. в «Weekly Miscellany», а впоследствии выпущенных отдельной книгой. Бёртон свёл вместе все аргументы противников Олдмиксона, а также провёл своё собственное исследование по истории написания и публикации книги, результатом которого стал неоспоримый вывод: текст опубликованной книги целиком и полностью был написан Э. Хайдом. Наряду с доказательством подлинности «Истории мятежа» Бёртон также взялся защитить репутацию её автора. Бёртон рисует портрет выдающегося и мудрого государственного деятеля эпохи Реставрации, сумевшего найти необходимый баланс между королевской властью и свободой подданных⁵¹. После работ Бёртона ни у кого не осталось сомнений в подлинности «Истории мятежа» и невинности Аттербёри, Смолдриджа и Олдрича⁵². Даже Олдмиксон согласился с аргументами Бёртона и возложил всю ответственность за свои утверждения относительно подлинности

«Истории мятежа» на уже покойного к тому времени мистера Дюккетта⁵³.

«История мятежа» графа Кларендона была защищена от клеветы, её историческая ценность – подтверждена, а репутация Кларендона – восстановлена. Однако её актуально-политическое значение постепенно исчерпывалось. Олдмиксон был одним из немногих, кто пытался доказать важность сочинения Хайда для текущего дня. Его предшественники, как мы увидели, не наполняли неподвижный каркас текста политическими коннотациями. Они вычитывали в нём актуализированный спором о древних и новых литературно-эстетический слой, рассматривали его с точки зрения соответствия античным канонам. Критики же Олдмиксона не только восстанавливали доверие к «Истории мятежа», но и деполитизировали её, исключали из поля актуальных значений. С течением времени всё очевиднее становилось, что «История мятежа» принадлежит прошлому. Каденции Кларендона, как выразился Д. Г. А. Покок, всё больше напоминали старинную музыку⁵⁴. Хотя значение «Истории мятежа» не подвергалось сомнению, новое время диктовало новые каноны историописания, с позиции которых предстояло заново переосмыслить исторические события XVII в. и роль графа Кларендона в них.

Примечания

- ¹ *Clarendon E. H.* History of the rebellion and Civil wars in England to which is added an historical view of the affairs of Ireland : in 8 vol. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1826. P. 4.
- ² *Firth C. H.* Clarendon's «History of the Rebellion» : Part I. The original «History» // The English Historical Review. 1903. Vol. 19, № 73. P. 26–54.
- ³ Например, см.: *Hutchinson L.* Memoirs of the life of Colonel Hutchinson... L., 1848. P. 448.
- ⁴ *Firth C. H.* Edward Hyde, Earl of Clarendon as statesman historian and chancellor of the University : a lecture delivered on February 18, 1909. Oxford : Clarendon Press, 1909. P. 19–20; *Firth C. H.* Clarendon's «History of the Rebellion»: Part III. The «History of Rebellion» // The English Historical Review. 1904. Vol. 19, № 75. P. 468.
- ⁵ *Lister T. H.* Life and administration of Edward, first earl of Clarendon... : in 3 vol. Vol. 2. L., 1838. P. 489.
- ⁶ *Harris R. W.* Clarendon and the English Revolution. Stanford University Press, 1983. P. 417; *Richardson R. C.* The Debate on the English Revolution. Manchester : Manchester University Press, 1998. P. 41.
- ⁷ *Clarendon E. H.* Op. cit. P. 4–17.
- ⁸ Ibid. P. 18–21.
- ⁹ Ibid. P. 21–29.
- ¹⁰ *Temple W.* The works of Sir William Temple : in 4 vol. Vol. 3. L., 1770. P. 430–472.
- ¹¹ Ibid. P. 461.
- ¹² *Levine J. M.* The Battle of the Books : History and Literature in the Augustan Age. L., Ithaca : Cornell University Press, 1994. P. 40.
- ¹³ *Wotton W.* Reflections Upon Ancient and Modern Learning. L., 1694.
- ¹⁴ Ibid. P. 42–45.
- ¹⁵ *Temple W.* Op. cit. P. 488–489.
- ¹⁶ *Levine J. M.* Op. cit. P. 44.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 318.
- ¹⁹ *Williams H. H.* Dean Swift's library, with a facsimile of the original sale catalogue, and some account of two manuscript lists of his books. Cambridge : Cambridge University Press, 1932. P. 18, 52–53.
- ²⁰ *Harris R. W.* Op. cit. P. 418.
- ²¹ *O'Brien K.* History and literature 1660–1780 // The Cambridge History of English Literature, 1660–1780 / ed. by J. Richetti. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 369–370.
- ²² *Pepys S.* Diary and correspondence of Samuel Pepys, F.R.S., secretary to the Admiralty of Charles II and James II / ed. by A. Smith : in 4 vol. Vol. 4. Boston ; N.Y. P. 304.
- ²³ Ibid. P. 314.
- ²⁴ *Thoresby R.* The diary of Ralph Thoresby, F.R.S., author of the Topography of Leeds :. In 2 vol. Vol. 1. L., 1830. P. 467.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ *Felton H.* A dissertation on reading the classics and forming a just style : Written in the year 1709 and addressed to the Right Honourable, John Lord Roos, the present marquis of Granby. L., 1713. P. 204.
- ²⁷ Ibid. P. 204–205.
- ²⁸ *Clerc Le J.* Mr. Le Clerc's Account of the Earl of Clarendon's History. L., 1710. P. 7–8.
- ²⁹ Ibid. P. 3–5.
- ³⁰ Ibid. P. 6–7.
- ³¹ *Rapin P.* The History of England : As Well Ecclesiastical as Civil. Vol. XIII. L., 1731. P. 394.
- ³² Ibid.
- ³³ *Oldmixon J.* The Critical History of England, Ecclesiastical and Civil... L., 1728. P. 148.
- ³⁴ *Oldmixon J.* Clarendon and Whitlock compar'd... L., 1727. P. X.
- ³⁵ Ibid. P. XII.
- ³⁶ Ibid. P. XXXIX.
- ³⁷ Ibid. P. XXVI–XXXVII. Также см.: *Oldmixon J.* The Critical History of England. P. 194–195; *Oldmixon J.* The history of England, during the reigns of the royal house of Stuart... L., 1730. P. 507.
- ³⁸ Например, см.: *Oldmixon J.* Clarendon and Whitlock compar'd. P. VII.
- ³⁹ *Oldmixon J.* The Critical History of England. P. X, 149.
- ⁴⁰ *Oldmixon J.* Clarendon and Whitlock compar'd. P. VI.
- ⁴¹ Ibid. P. XXII–XXX.
- ⁴² *Oldmixon J.* The history of England, during the reigns of the royal house of Stuart. P. IX.
- ⁴³ См.: *Beeching H. C.* Francis Atterbury. L., 1909.
- ⁴⁴ *Johnson S.* The lives of the most eminent English poets; with critical observations on their works : in 4 vol. Vol. 2. L., 1783. P. 215–255.

- ⁴⁵ Remarks upon a scandalous book; The Clarendon-family Vindicated; *Atterbury F.* Bishop Atterbury's Vindication of Bp. Smallridge, Dr. Aldrich, and Himself... L., 1733; *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History of the Rebellion printed in Oxford, vindicated. Mr. Oldmixon's Slander confuted. Oxford, 1744.
- ⁴⁶ Ibid. P. 5; The Clarendon-family Vindicated. P. 1–4.
- ⁴⁷ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 145–146.
- ⁴⁸ *Richardson R. C.* Op. cit. P. 47–48.

- ⁴⁹ The Clarendon-family Vindicated. P. 13–14. Также см.: *Atterbury F.* Op. cit.
- ⁵⁰ The Clarendon-family Vindicated. P. 23.
- ⁵¹ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 103–118.
- ⁵² *Johnson S.* Op. cit. P. 248.
- ⁵³ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 141–148.
- ⁵⁴ *Pocock J. G. A.* Barbarism and Religion. Vol. 2 : Narratives of Civil Government. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 172.

УДК 94 (4)

«КАЗАКИ» И АНТИРУССКАЯ НАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА В 1814 ГОДУ

А. В. Гладышев

Саратовский государственный университет
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается один из эпизодов истории наполеоновской пропаганды – использование образа «казака-варвара» в антирусской риторике в ходе военной кампании 1814 г. во Франции.

Ключевые слова: Наполеон, кампания 1814 г. во Франции, антирусская пропаганда, казаки.

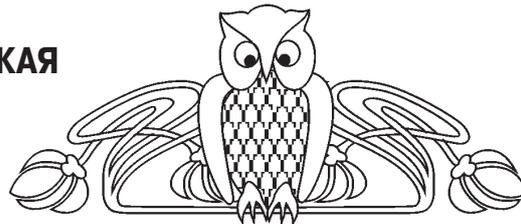
«Cossacks» and Anti-russian Napoleonic Propagation in 1814 year

A. V. Gladishev

In article is considered one of episodes of history of Napoleonic propagation – use of an image of «Cossack-barbarian» in the anti-Russian rhetoric during military campaign of 1814 in France.

Key words: Napoleon, campaign of 1814 in France, anti-Russian propagation, cossacks.

Первый консул, а потом император Наполеон был одним из первых государственных деятелей, не просто понимавших необходимость целенаправленного воздействия на общественное мнение, но и блестяще это осуществлявших. История использования Наполеоном пропаганды – яркий пример того, что в наполеонистике еще есть малоизученные области, утверждал не так давно Уэйн Хенли¹. Конечно, и у «малоисследованной» темы есть своя историография. О Наполеоне как о выдающемся «мастере по связям с общественностью» писал Холтман, акцентировавший личные усилия Бонапарта². По его мнению, талант Бонапарта, и как пропагандиста-организатора, и как пропагандиста – непосредственного исполнителя, особенно наглядно проявился в его взаимоотношениях с прессой³. С разных сторон проблемы манипулирования Наполеоном массовым сознанием касались Ж. Тюлар, А. Собуль, М. Рейнар. Но авторы, как правило, предпочитали писать

картину наполеоновской пропаганды вообще или, например, пропаганды в изобразительном искусстве, так сказать, широкими мазками, охватывая весь период Империи, а то и Революции. Таких детальных исследований, как У. Хенли о генезисе наполеоновской пропаганды, очень мало. Исследователи стремились создать батальные полотна «войны перьев», и до таких частных сюжетов, как образ казака в наполеоновской пропаганде зимы 1814 г., не доходили руки.

Военная кампания зимы 1814 г., как и предыдущие наполеоновские войны, сопровождалась активной пропагандой. Союзное командование выпускало и распространяло среди населения Франции различные прокламации, имеющие целью убедить обывателей в миролюбивости и умеренности их авторов. Наполеоновские власти старались всеми правдами и (главным образом) неправдами возбудить через прессу у населения ненависть к захватчикам.

В своей антирусской пропаганде, сопровождавшей зимнюю военную кампанию 1814 г., наполеоновское правительство особенно акцентировало тему «варварства», олицетворением которого должны были стать «казаки». Война с Россией представлялась как война цивилизованного мира и нецивилизованного.

При этом лекала, по которым в ходе зимней кампании кроился образ казака-дикаря и почти людоеда, были готовы уже к началу 1814 г., смутный, неосознанный архитипический страх перед нашествием «азиатов» или «варваров севера» уже поселился в душах французов. Именно на этом страхе и рассчитывал сыграть Наполеон, полагая, что французская нация «подвержена быстрому восприятию» и отличается «живым воображением и сильным выражением чувств». 4 января 1814 г. император писал своему министру иностранных

дел А. Коленкуру: «Опустошения казаков вооружат жителей и удвоят наши силы. Если нация последует за мной, враг погибнет»⁴.

О. Ф. Л. Мармон в своих мемуарах упоминал, что когда Наполеону доложили о том, что гражданское население Франции находится в бедственном положении из-за действий армий союзников, он ответил: «Это расстраивает вас?! Эх! В этом нет большого вреда! Когда крестьянин разорен, когда его дом сгорел, ему ничего не остается кроме как взять в руки ружье и идти сражаться». А вице-коннетабль Франции Л. А. Бертье писал Мормону от 12 февраля 1814 г., чтобы тот «повсюду, где останавливается», издавал прокламации, в которых бы сообщал об успехах французского оружия, а также о том, что «настало время народу подняться и напасть на врага, остановить казаков, взрывая мосты, перехватывая обозы, лишая их пищи»⁵. Наполеону казалось, что сопровождающее войну насилие оправдывает его надежды на патриотический подъем нации, 2 февраля из Пиней он писал тому же Коленкуру: «Вражеские войска повсюду ведут себя ужасно. Все жители укрылись в лесах. Враг у них все съедает и все забирает: лошадей, телеги, фураж, зерно и даже одежду. Их расстреливают, бьют, насилуют. Такие города, имевшие некогда население в 2000 человек, как Бриенн-ле-Шато, ныне не имеют ни одного жителя»⁶.

В официальной переписке Наполеона, в его декретах лексема «русские», как правило, соседствует с лексемой «казаки». Так, 21 февраля из своей генеральной штаб-квартиры в Ножан-сюр-Сен Наполеон примирительно писал императору Австрии, что армии Блюхера и Клейста уже разбиты, а война между французской и австрийской армиями не в их интересах. И далее, между прочим, но как о само собой разумеющемся, упоминается о населении Франции, которое «раздражено в высшей степени всяческого рода преступлениями, произведенными казаками и русскими»⁷. 26 февраля из Труа император писал Коленкуру, своему полномочному представителю на конгрессе в Шатильоне, что «всяческого рода зверства (atrocités), совершенные казаками и русскими», всколыхнули столицу, Париж вооружается, 200 000 человек взяли за оружие, этим вооруженным населением командуют 8 000 бывших офицеров и т. д.⁸ Вновь ни англичан, ни немцев... Только «русские и казаки». Император практически шантажирует казаками. 12 марта он пишет из Суассона своему брату Жозефу в Париж: «Вы мне пишете, как если бы мир зависел от меня, но я послал вам бумаги. Если парижане хотят видеть казаков, то потом они раскаются, но вы должны сказать им правду»⁹.

В преамбуле знаменитого декрета императора от 5 марта из Фима (Fimes) «русские и казаки» опять выделены особо: «В то время как население городов и деревень, возмущенное жестокостями, которые совершили над ними враги и особенно русские и казаки, из чувства национальной гордости взялось за оружие, чтобы останавливать

отряды врага, захватывать его конвои и вообще наносить ему максимально возможное зло, то во многих местах мэры или другие члены магистрата отговаривали население от этого»¹⁰.

Естественно, особая роль в антирусской пропаганде отводилась Наполеоном прессе.

26 февраля император писал из Труа министру внутренних дел графу Ж. – П. Монталиве: «Я не могу быть более счастливым, чем я уже есть, от того немногого, что было сделано для общественного духа. Оживить общественный дух можно ни стихами, ни одами, а фактами, простыми и правдивыми деталями. Это вещь для понимания достаточно простая. Я не хочу, чтобы парижские газеты обманывали общественность, достаточно только, чтобы они придали гласности факты о поведении врага. Нам нужно, чтобы города, которые были заняты врагом, послали своих представителей в Париж, чтобы они там сделали отчет об увиденном, о том, что происходило у них; нужно, чтобы при этом присутствовали писатели, которые обработали бы их рассказы. <...> Совокупность всех этих фактов вызовет ярость и негодование. Именно тогда каждый почувствует необходимость обороняться, если он не хочет увидеть свою жену и дочь изнасилованными, чтобы не быть избитым, ограбленным, чтобы не подвергнуть себя всяческим оскорблениям»¹¹.

Пресса же четко обслуживала пропагандистский замысел императора. «Journal de l'Empire» от 24 февраля 1814 г. сообщает новости из Шато-Тьерри: враг вступил в город и начались грабежи, которые не прекращались всю ночь с 12 на 13 февраля... Какой-то офицер пришел священнику на сутану погоны, а одного фармацевта, пытавшегося оказать сопротивление, так ударили прикладом, что он скончался. «Одна девочка была изнасилована четырьмя солдатами на глазах ее матери и затем брошена в канаву, где она осталась умирать»¹². Многие жители, наслышанные о русских и прусских солдатах, предпочли провести эту ночь в поле.

«Journal de l'Empire» от 28 февраля 1814 г. бодро повествует о том, как население «повсеместно вооружается» и готово бить врага при первой встрече. Более того, даже «заключенные рассматривают жандармов не как охранников, а как своих защитников»¹³. Тут же приводится пример, как под Шато-Тьерри местные национальные гвардейцы при поддержке гвардейского эскадрона обстреляли вражеских фуражиров, ранив несколько человек и пленив 12 казаков.

В этом же номере опубликован отчет о депутациях принятых парижской мэрией из следующих коммун департамента Сены: Монтро, Сезанн, Ножан-сюр-Сен, Провен и Шато-Тьерри.

Мэр города Монтро (Montereau) и его помощники сообщали о событиях, якобы имевших место в городе и его окрестностях. Речь шла о находящемся на русской службе принце Евгении Вюртембергском. Как писала газета, его офицеры

и солдаты «обрекали на опустошение одновременно и хижины, и дома, и даже замки. Грабежей, изнасилований и поджогов едва хватает, чтобы удовлетворить их ярость и гнев. Сестра священника Базоша (Bazoche), чтобы избежать жестокости со стороны одного казака, бросилась в пруд, где и утонула; наконец, господ, даже храмы не были пощажены». Жители были вынуждены покинуть свои дома и провести несколько ночей в лесу, несмотря на суровую погоду¹⁴.

Депутация из членов муниципального совета Сезанна поддержала интонацию коллег из Монтро: «4 февраля мы имели несчастье быть завоеванными 2000 казаков и 3 эскадронами пруссаков...» Реквизиция, за реквизицией, бесконечные требования, «одно экстравагантнее другого»... За время их четырехдневного пребывания город вынес столько, сколько не выносил за две недели присутствия 10 000 регулярных войск¹⁵.

Командующий национальной гвардией, мэр и несколько членов муниципального совета Ножан-сюр-Сен писали, что ночью 12 февраля враг вошел в город и находился в нем вплоть до 21 февраля, «когда мы были освобождены войсками Императора». Все это время город подвергался грабежу и разорению. Двери во всех домах выбиты, мебель изломана, зеркала разбиты. Жители вынуждены были прятаться в полях и лесах. «Среди многочисленных черт дикости, которые характеризуют эти орды варваров, мы отметим одну. Одна почтенная женщина 60 лет носила кольцо с бриллиантом. Бандиты, которые ее грабили, когда пытались снять этот перстень, то отрезали ей палец: женщина умерла от боли». Даже присутствие в городе императора России и короля Пруссии не остановило грабежи. Барклай де Толли 19 февраля опубликовал приказы, по которым грабежи очень строго наказывались, но и эта мера не возымела действия¹⁶. Донесение заканчивалось пассажем, призванным убедить парижан в безусловном варварстве врага и необходимости встать под знамена Императора: «В хмельном упоении от своих эфемерных успехов русские публично заявили о своем скорейшем вступлении в Париж и о своем намерении убрать прочь все драгоценные памятники – бессмертные трофеи наших побед, открыть Париж грабежу, увезти с собой женщин, чтобы заселить ими свои ужасные пустынные пространства, взорвать Тюильри, одним словом, превратить эту резиденцию искусств в груды руин»¹⁷.

Представила свой вариант описаний злодеяний врага депутация от Шато-Тьерри. «Они позволяли себе самый необузданный грабеж, акты варварства, которые вызывают ужас и негодование. Сначала они открыли тюрьмы, чтобы найти себе проводников из содержащихся здесь злодеев. Все жители, которые им встречались в этот момент, подвергались без различия пола и возраста грабежу и насилию. Аптеки были не только ограблены, но и разорены: сосуды были

разбиты, лекарства перемешаны и выброшены на улицу, без сомнения, для того, чтобы лишить помощи наших больных и раненых». Взломали двери местного колледжа, ударили копьем в грудь его директора, ворвались в дом для престарелых и душевнобольных, безумных раздели, и одна пациентка стала объектом их брутальности. Одну пожилую женщину изнасиловали на теле ее убитого накануне мужа, другую молодую девушку после изнасилования проткнули пикой, и на следующий день она скончалась, третью после группового изнасилования бросили в шлюз, четвертая тщетно искала себе убежища и защиты в церкви. Двери церкви были выбиты топорами и все разграблено. Несчастный пастор, который несколько лет жил в Москве и мог общаться «с этими монстрами на их языке», не смог ничего поделать. Нескольких детей они хотели захватить с собой, чтобы вывезти их в Россию, но, к счастью, тем удалось сбежать. В нескольких домах остались следы попыток поджога, а несколько ферм на пути их движения были действительно преданы огню, несколько человек убиты, а несколько захвачены, чтобы служить проводниками. «Таким образом, ни пол, ни возраст, ни больницы, ни замки, ни церкви, ни школы, ни сан священника, – ничто не могло быть защитой от их ярости; эти хитроумные разбойники, вступив к нам со словами мира на устах, с обещаниями строгой дисциплины, безопасности личности и сохранности собственности, подвергли нас грабежам, убийствам и поджогам»¹⁸.

Настала очередь депутации из Провена (Provins)... Этот город был занят частями союзников с 13 по 18 февраля. В первый же вечер оккупанты затребовали множество вина и водки. На следующий день начались реквизиции материи, табака, сахара, железа, лошадей и т. д. Все это время русские солдаты, казаки, башкиры, калмыки стояли лагерем в городе и его округе, грабя магазины и жителей: «варвары...»¹⁹ Самая тяжелая была ночь с 17 на 18 февраля – перед отступлением вражеского арьергарда из города. Ограбили, выломав окна и двери, около четверти домов в городе. Повсюду сеяли запустение и разорение, город только чудом избежал поджога, которым угрожали отступавшие. «Эти варвары способны на любые эксцессы: мы видели, как среди бела дня с граждан снимали их одежду; один почтенный старик, подвергшийся нападению казаков, остался в буквальном смысле голый на ступенях своего разграбленного замка. Они опустошили и разграбили деревни, фермы, замки, загородные дома, забрали с собой почти всех лошадей, повозки, крупный рогатый скот, зерновые и кормовые; разрушены либо сожжены не только отдельные фермы или дома, но и целые деревни в долине Сены»²⁰.

В номере от 4 марта 1814 г. «Journal de l'Empire» вновь описывает на двух страницах различные случаи насилия русских над местным населением и среди прочих возвращается к Про-

вену. К вышеизложенному в номере от 28 февраля добавлялось, что в ночь с 13 на 14 февраля в Провене пять казаков силой ворвались в дом к вдове бакалейщика. Они оставались в доме с 10 вечера, до 5 утра. Она защищала от них свое целомудрие в течение 7 часов: «ей стоило больших усилий ускользнуть из их рук»²¹. Счастливым спаслась даже ее дочь 14 лет. Правда, найдя портрет покойного мужа, казаки нанесли по нему несколько удар кулаками, ну и, конечно, «дом был полностью разграблен». Но в том же Провене не всем женщинам удалось избежать насилия. В другом доме 12 казаков ворвались к 48-летней женщине (имя в этом случае не называется), повалили ее на землю, зажали рот рукой и «удовлетворили свою брутальность». Затем насильно напоили ее водкой, избили, а дом ограбили. Другие 5 казаков ворвались в дом мясника, его жена пыталась забаррикадироваться в магазине, но дверь была выбита, а сама женщина получила пару ударов прикладом в живот²².

Помимо «новостей из коммун» и «адресов делегаций» «Journal de l'Empire» практиковал публикацию анонимных «писем из армии». В одном из таких писем, опубликованном в номере от 4 марта 1814 г., говорилось о событиях в Труа. «Русские <...> сеяли повсюду опустошение и террор», казаки сжигали фермы и посева, «я знаю, – уверял автор этого письма, – из уст жертв, что русские офицеры постоянно стояли во главе грабительских экспедиций своих подчиненных, забирая все лучшее себе»²³.

Кажется, уже и грехов то не осталось, в которых еще можно было бы обвинить неприятеля... «Journal de l'Empire» от 6 марта 1814 открывался описаниями, имевших якобы место насилий над французскими священниками. Утверждалось, что в Пон-сюр-Йон 2 марта «враг обращался с населением кантона самым варварским способом»... Местный священник 73 лет стал первой жертвой свирепой жадности русских. Они разорили его кабинет, испортили мебель, одежду; «ярость монстров дошла до того, что они ему нанесли несколько ударов саблей плашмя». Затем приставили саблю к горлу и стали требовать, чтобы он назвал место, где прятал свои деньги...

Еще более печальные события, продолжает газета, произошли со священником Базошем (Bazoche). «Русские солдаты посягали на целомудрие его племянницы, и он пытался оказать им самое решительное сопротивление, но четверо из бандитов посадили его на лошадь и повезли в поле, чтобы расстрелять. К счастью, ему удалось ускользнуть от них и вернуться домой окружной дорогой. Но племянницу свою он там не обнаружил. Когда он зашел в сад, ужасная картина открылась его глазам. Племянница лежала в яме, куда она бросилась, чтобы спастись от бандитов»²⁴.

Тот же выпуск сообщает о разграблении Суассона: «Несмотря на прокламацию Винцен-

героде²⁵, в которой он обещал жителям личную безопасность и сохранность их имуществ, большая часть домов была опустошена», а «одним из первых действий властей, которые называют себя нашими освободителями, было предоставить свободу заключенным в тюрьме злоумышленникам. Русские увозят с собой мужчин, способных носить оружие, возможно, чтобы увеличить число своих казаков; они также забрали с собой заключенных в тюрьме женщин, пренебрегая болезнями, которыми те болели»²⁶. Повсюду, уверяла газета, «где побывали русские, жители единодушно выражают одно чувство: смерть предпочтительнее игу этих иностранцев»²⁷.

Номер «Journal de l'Empire» от 8 марта опять содержит сообщение из муниципалитета Сезанна: «на повестке дня – воровство, насилие, жестокое обращение». Многие умерли «от ужаса и зла, что они испытали на себе». В том числе и несколько женщин – «жертв их звериной жестокости». Разграблены три фабурга, жители изгнаны из своих домов, а мебель пущена на костры биваков этих «диких обитателей севера»²⁸.

«Journal de l'Empire» от 20 марта 1814 г. поместил отрывок из рапорта аудитора из Монмираля на имя министра внутренних дел о событиях в этом городе 25 февраля. Сообщается, что войдя в город 25 февраля, казаки не покидали его до 12 марта²⁹. 6 марта «атаман» вообще приказал город разграбить из-за того, что семерых казаков, удалившихся накануне на некоторое расстояние от города, посмели обстрелять местные жители, убив при этом одного из них. В результате Монмираль пережил все те ужасы, которые испытывает город, когда его берут приступом. «Не убереглись ни девочки, ни даже женщины старше 70 лет: варвары до того дошли в своей бесстыдной дикости, что удовлетворили свою брутальность прямо по середине улицы». Разграбили не только город, но и близлежащий замок. Автор уверял, что в его ушах еще слышны крики женщин и детей, смешанные с диким смехом и рыком казаков, и перо просто отказывается описывать все те ужасы, что он успел увидеть перед тем как «покинул город»³⁰.

В духе «Journal de l'Empire» писали свои доносения и военные чины. Морис-Анри Вейль привел в своей книге некоторые из них. Так, Мармон писал из Сезанна 23 февраля 1814 г.: «Некоторые отряды казаков дошли до Крезанси (Crézancy) и Паруа (Paroy), где они совершили чудовищные бесчинства». Отправившийся сюда с 200 гвардейцами почетного караула генерал Винсент опоздал: казаки села уже сожгли. Тогда он изложил в письме 24 февраля из Шато-Тьери военному министру ставшие ему известными сведения (основанные на рассказах местных жителей) о набеге на этот район казаков: они расправились с семьей начальника почты и одновременно мэра деревни. Самого мэра они зарубили и труп привязали к дереву, а его только что родившую жену в ярости пытались

сжечь вместе с ребенком, который лишь чудом спасся: «Нет такой низости, на которую они были бы неспособны», – заключает генерал³¹.

Своеобразной квинтэссенцией обвинений казаков стала анонимная «Историческая картина преступлений, совершенных казаками во Франции»³². Издана она была, по всей видимости, в Париже в марте 1814 г. и призвана воодушевить французов на сопротивление врагу. Перечисляются уже известные нам по публикациям в «Journal de l'Empire» «события» в Монтро, Сезанне, Ножан-сюр-Сене, Провене, Труа, Пон-сюр-Йоне и др. городках и коммунах. В эту компиляцию газетных страшилок вошли и донесения генерала Винсента о случившемся с семьей начальника почты в Крезанси, а также другие печатные примеры грабежей и насилий, чинимыми казаками в Вьёмеzone, Гатинэ, Суппе, Жуани, Брай-сюр-Сен, Эверли, Пасси, Сен-Совере... Естественно, что анонимный составитель этой агитки ни словом не обмолвился, что главным источником его информации были газетные публикации: всё преподносится как неопровержимые факты. В заключение сообщалось, что офицеры союзнических армий только с одной целью стремятся вступить в Париж – чтобы «жечь, разрушать памятники и похищать французских женщин, дабы пополнить население пустынных регионов России»³³, в связи с чем выражалась надежда, что «августейший император» вскорости освободит Францию от этих «северных монстров».

Но цена таких «свидетельств» станет более прозрачной, если мы выясним, как они появлялись на свет, каков был механизм подготовки «адресов» муниципальных делегаций. Пример тому – история с взятием русскими Немура.

«Journal de l'Empire» от 24 февраля 1814 г. сообщал о поступивших 21 февраля из Немура новостях: 6 тысяч казаков Платова заняли наш город, и горожане познали «все виды насилия». При обороне Немура казакам противостояли «240 человек во главе с майором». Когда город захватили, то «майора привязали к телеге и возили по всему городу, осыпая солдатскими оскорблениями. Эти презренные атакуют только, когда их тридцать против одного. Они боятся наших крестьян <...> К счастью мы освобождены от этих варваров»³⁴. Но как в мемуарах, так и в муниципальных архивных документах мы находим свидетельства совершенно иного рода, проливающие свет на механизм подготовки антирусских публикаций в официальной прессе.

Когда 15 февраля отряд Платова подошел к Немуру, ему, действительно, было оказано сопротивление. Гарнизон Немура – около 480 человек, из которых 20 были артиллеристами, 300 – учениками военной школы из Фонтенбло, а 150 – национальными гвардейцами, плохо вооруженными и не имеющими даже униформы, а также с десятков жандармов и четыре пушки. Командующий отказался сдать город, сослав-

шись на имеющийся у него от начальства приказ защищаться. Полтретьего по полудни русские начали артиллерийский обстрел из семи орудий, но гарнизону удалось сдержать появившиеся казачий и венгерский отряды на подступах к городу. Французы имели не более 20 патронов на ружье, испытывали нехватку снарядов. Ночью артиллерийский обстрел возобновился и продолжался до 5 вечера. К тому времени французы потеряли почти всех артиллеристов и три пушки из четырех были выведены из строя. Последним выстрелом из русского орудия был убит офицер Дагрон (Dagron), командовавший национальными гвардейцами: он довольно беззаботно прохаживался по улице со стаканчиком водки в руке, когда русское ядро оторвало ему голову. После этого командующий гарнизоном решил капитулировать. Мэр же города, ссылаясь на репутацию Платова как «благородного человека», испросил у него гарантий на безопасность жизни и имущества граждан. Русский генерал такие гарантии дал, после чего в город вошел усиленный казачий пикет, а за ним и венгерские гусары, которые прикрепили к своим головным уборам зеленые веточки, символизирующие по австрийскому обычаю победу. Следом за ними в город вошел еще один казачий отряд с самим Платовым во главе. Специально занимавшийся исследованием этого вопроса А. Ж. Дюмениль подчеркивает дисциплинированность казаков Платова. По его свидетельству, верный своему обещанию Платов строго следил за дисциплиной: «никаких осквернений жилищ, никакого грабежа не было». Жителям было приказано сдать все имеющее у них оружие. На город наложена контрибуция серебром, произведены реквизиции водки, сыромятной кожи, сукна, холстины, соломы, овса и сена для 10 000 лошадей. «Но за исключением части фуража, хлеба, мяса, вина и водки, необходимых для пропитания войск в течении трех дней, больше никаких реквизиций не проводилось». Разве что самому мэру, который был торговцем тканями, пришлось расстаться по просьбе венгерского офицера с несколькими штуками голубого и серого сукна. Даже взятый в плен гарнизон города не испытывал со стороны русских никаких притеснений и насилия³⁵.

После того, как части Платова оставили Немур, сюда 19 февраля прибыла кавалерия французского генерала Алликса (Allix). Мэру города гражданину Дорэ (Doré) было приказано вновь собрать распущенную казаками Платова национальную гвардию, починить городские ворота, разрушенные ядрами русских, и защищать город. Ворота починить было можно, но, как защищать город, не имея оружия, осталось непоясненным. Через два дня Алликс перенес свою штаб-квартиру в близлежащую Феррьер и писал оттуда мэру Немура, чтобы он по возможности арестовывал дезертиров и отправлял их в Фонтенбло, а в Париж бы отправил делегацию

пылких патриотов с адресами муниципалитету Парижа и префекту Сены, в которых бы содержался подробный перечень бесчинств, сотворенных казаками в городе. Подобные адреса должны были бы убедить парижан, что русские хотят отомстить за Москву и сжечь столицу Франции, а женщин и девушек угнать в Россию, чтобы заселять там ими пустынные пространства³⁶. Аналогичные распоряжения получил и мэр Монтаржи. Адреса от коммун предполагалось публиковать в «Journal de l'Empire»: «население должно знать преступные планы своих врагов»³⁷.

«Новости из Немура» были напечатаны в номере от 24 февраля. Но от мэра Немура, не торопившегося включиться в антирусскую пропагандистскую компанию, ждали гораздо больше: министр внутренних дел в письме от 28 февраля предписывал мэру Немура «незамедлительно» отправить делегацию в Париж с адресами, на которых настаивал Алликс. Писал мэру Немура и его коллега из Монтаржи, все же составивший требуемый от него адрес. Но ответ из Немура был неожиданен: «Я француз в полном смысле этого слова, я страстно люблю свою страну и восхищаюсь главой нашей империи, но это не заставит меня изменить истине». В конце своего ответа Дорэ, которому Платов жал руку, написал, что адрес, конечно, прислать можно, но содержание его будет сильно отличаться от того, что хотел бы генерал Алликс³⁸.

Об успешности и эффективности наполеоновской пропагандистской машины в историографии есть разные мнения, хотя историки в целом согласны отдать ей должное. Но когда речь идет о зиме 1814 г., мы видим, что эта машина дала сбой: наполеоновские усилия по экзальтации общественного духа, возбуждению патриотического подъема оказались тщетны. Тактика запугивания казаками, если и имела какие-то последствия, то они явно не удовлетворяли самого императора. Но, с другой стороны, эта пропаганда имела более «долгоиграющий» эффект.

Еще Бурьенн писал, что официальные наполеоновские известия «почти всегда были изменяемы: ложь находилась как в объявлениях о победах, так и в изложении неудач и потерь. История, написанная единственно на основе бюллетеней, переписки и официальных актов того времени, действительно была бы не чем иным, как романом». Между тем, эта пропагандистская картина злодеяний казаков вошла во французскую историографическую мифологию. Отредактированный Э. Лависсом и А. Рамбо А. Уссэ (Гуссэ) повествует читателям о непереносимых ужасах, которые следовали за вступлением войск союзников в какой-нибудь французский город или коммуну. Только если Наполеон предпочитал писать о зверствах «казаков и русских», то А. Гуссэ – о зверствах «казаков и пруссаков»: «Они не только искали добычи; им было по душе сеять скорбь, отчаяние, разорение»³⁹.

Примечания

- ¹ Hanley W. The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796 to 1799. Columbia University Press, 2005. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/frames/fhawack.html> (дата обращения: 30.09.2013). О том же пишет, в сущности, и Д. М. Туган-Барановский: «Но в огромной литературе остались в тени, на мой взгляд, весьма существенные вопросы: какими способами Наполеон достигал политического успеха и какое место в достижении этого успеха он отводил общественному мнению?». См.: Туган-Барановский Д. М. «Лошадь, которую я пытался обуздать» (печать при Наполеоне) // Новая и Новейшая история. 1995. № 3.
- ² Holtman R. Napoleonic Propaganda. Baton Rouge, 1950. P. 61–62. См. также работу А. Перивье, который полагал, что Наполеон блестяще совмещал в себе журналиста-организатора и журналиста-писателя: Périvier A. Napoléon journaliste. P., 1918.
- ³ По истории прессы в наполеоновской Франции и наполеоновской пропаганды вообще см., например: Welschinger H. La Censure sous le premier empire. P., 1887; Leith J. A. The Idea of Art as Propaganda in France, 1750–1799. Toronto, 1965; Durand Ch. Quelques idées de Napoléon sur le régime de la presse // Société belge d'études napoléoniennes. 1969. № 69. P. 17–25; Bellanger C., Godechot J, Guiral P., Terrou F. Histoire générale de la presse française. Vol. 1 : Des origines à 1814. P., 1969; Boime A. Art in the Age of Bonapartism, 1800–1815. Chicago, 1990; Harlow F. T. The Art of Propaganda // Consortium on Revolutionary Europe, 1750–1850 : Proceedings. 1994. Т. 24. P. 297–303; Burrows S. French Exile Journalism and European Politics, 1792–1814. L., 2001; Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I // Собрание сочинений : в 12 т. М., 1958. Т. 4; Беглов С. И. Наполеоновская пропаганда – орудие диктатуры и экспансии победившей буржуазии // Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М., 1981. С. 236–242; Сироткин В. Г. Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1987. С. 222–243; Сироткин В. Г. Наполеон и Александр I. М., 2003.
- ⁴ Correspondance de Napoléon I-er publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Т. 27 : 1-er janvier 1814–26 février 1815. P., 1869. P. 10.
- ⁵ Mémoires du marechal Marmont duc de Raguse de 1792 a 1841 : Imprimés sur le manuscrit original de l'auteur. 9 v. P., 1857. Т. 6. P. 188–189.
- ⁶ 1814 autour de Montmirail. URL: <http://www.lesbatailles.com/page1/page1.html> (дата обращения: 30.09.2013).
- ⁷ Correspondance de Napoléon I... Т. 27. P. 224–225.
- ⁸ Ibid. P. 252.
- ⁹ Correspondance de Napoléon... Т. 27. P. 305. Когда союзники встали уже под стенами Парижа, очередной бюллетень Наполеона в этой связи гласил: «Присутствие императора с войском у ворот Парижа воспрепятствует неприятелю предаться обыкновенным своим неистовствам (курсив мой. – А. Г.) в сем многолюдном городе, в котором он не может держаться без величайшей для него опасности». Цит. по: Сын Отечества. 1814. № XXXVII. С. 202.

- ¹⁰ Correspondance de Napoléon... Т. 27: 1-er janvier 1814–26 février 1815. P., 1869. P. 290.
- ¹¹ Ibid. P. 245–246.
- ¹² Journal de l'Empire. 1814. 24 février. P. 2.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid. 28 février. P. 3.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 4.
- ¹⁹ Ibid. P. 3.
- ²⁰ Ibid. Шарль-Теодор Бовэ в своей многотомной истории войн описывает возвращение французами Провена практически в тех же интонациях: «Французская кавалерия слишком устала, чтобы преследовать отступавших, арьергард Витгенштейна остался в Провене и его окрестностях. Ночь была губительна для местных обитателей, ставших жертвами грабежа и испытывавших шок от двух армейских корпусов. На следующий день французский авангард герцога Реджо опрокинул вражеский арьергард и выступил на Ножан». См.: *Beauvais Ch.-Th.* Victoires, conquêtes, désastres, revers et guerres civiles. P., 1821. Т. 23. P. 120.
- ²¹ Journal de l'Empire. 1814. 28 février. P. 3.
- ²² Ibid. 4 mars. P. 2.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid. 6 mars. P. 1. Ср. с информацией о священнике Базоше и его бросившейся в пруд «сестре» в номере от 28 февраля.
- ²⁵ Федор Федорович Винцингероде (1770–1818), генерал от кавалерии. В 1814 г. находился в Силезской армии Г. Л. Блюхера. Принял капитуляцию Суассона.
- ²⁶ Journal de l'Empire. 1814. 6 mars. P. 1.
- ²⁷ Ibid. P. 2.
- ²⁸ Ibid. 8 mars. P. 2.
- ²⁹ 2–3 марта здесь останавливался отряд Ф. К. Теттенборна в 2–3 тыс. казаков.
- ³⁰ Journal de l'Empire. 1814. 20 mars. P. 3.
- ³¹ *Weil M.-H.* La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne : la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 2 т. P., 1891–1892.
- ³² Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Tableauhistorique_des_atrocites_commises_par_les_Cosaques_en_France (дата обращения: 30.09.2013).
- ³³ Это перефраз из донесения депутации из Ножан-сюр-Сен. См.: Journal de l'Empire. 1814. 28 février. P. 3.
- ³⁴ Journal de l'Empire. 1814. 24 février. P. 2.
- ³⁵ *Dumesnil A. J.* Les Cosaques dans le Gatinais en 1814. Paris, 1880. P. 46–47.
- ³⁶ Ibid. P. 50–51.
- ³⁷ Ibid. P. 51.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Гуссэ А.* Кампания во Франции и крушение империи // История XIX века : в 9 т. / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. М., 1938. Т. 2, ч. 2. С. 329–331.

УДК 614–053.2(09)(410)-18

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ, ЗАНЯТЫХ В ФАБРИЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ АНГЛИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Е. С. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

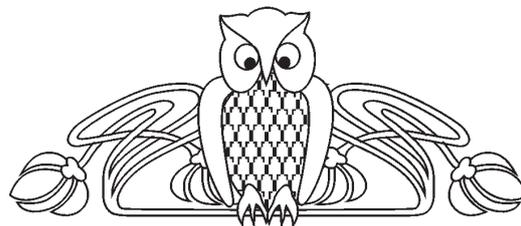
Данная статья рассматривает такой аспект фабричного производства, как здоровье детей, нанятых на работу. По средствам анализа отчетов медиков и парламентских комиссий касательно вопроса санитарных условий на фабриках автор приходит к выводу о том, что говорить о большом влиянии фабрик на здоровье детей нет оснований, а деформации скелета встречаются реже.

Ключевые слова: детский труд, промышленная революция, парламентская комиссия, медицинские отчеты, санитарные условия, фабричное законодательство, деформации скелета, смертность.

Health of Children Employed in a Factory Production of England in Second Quarter of the XIX Century

E. S. Demchenko

This article examines such aspect of factory production, as the health of children employed on the factories. By means of analysis medical

reports and reports of parliamentary committees concerning the question of sanitary conditions in the factories, the author comes to the conclusion that the opinion is exaggerated about the bad influence on health children who employed on the factories, and skeletal deformities are less common among them.

Key words: child labor, industrial revolution, parliamentary commission, medical records, health conditions factory legislation, skeletal deformities, mortality.

Промышленный переворот начался в Англии во второй половине XVIII в. в легкой промышленности и в дальнейшем распространился на другие отрасли. Машинное производство появилось не в старой и хорошо развитой шерстяной промышленности, а в новой хлопчатобумажной, развитию которой не мешали традиции организации производства. Все новые технические изобретения, с которыми ассоциируется представление о промышленной революции, внедрялись именно в хлопчатобумажной отрасли, это, прежде всего,

разные типы самопрялок «Дженни» Харгривса, ватерная машина Аркрайта, мюль машина Кромптона¹.

Отдельную тему составляет деятельность Р. Аркрайта. В отличие от самоучек-изобретателей, таких как Д. Харгривс и С. Кромптон, сам он ничего не изобретал, ему помогали в этом известные мастера (упоминается некий часовщик Кей, работавший над ватерной машиной), зато он оказался ловким предпринимателем, приобретшим права на несколько изобретений, и умелым организатором производства. Найм детей на фабрики стал возможен именно после изобретения Ричарда Аркрайта. В 1771 г. им было открыто крупное прядильное предприятие в Кромфорде, использовавшее как двигатель водяные колёса. С 1790 г. он перестроил свои прядильные машины под паровые двигатели².

Это изобретение позволило перенести производство из дома в специально построенные большие помещения, оборудованные «работающими машинами» – фабрики, которые стали повсеместно возникать в Дербишире, Ноттингемшире и в большей части Ланкашира. В этих областях само собой возник большой спрос на рабочие руки, причем желательны дешёвые рабочие руки. Разделение руда на таком производстве позволило использовать неквалифицированный труд женщин и детей. В прежние времена, в условиях доиндустриального общества, детский труд постоянно использовался и в деревне, и в городе. В обязанности детей (причем с очень малых лет) входила помощь по дому и в поле, забота о младших, выполнение разного рода «разовых» поручений. Детей отправляли обучаться той или иной профессии, отдавали в прислуги. Условия их жизни при этом были весьма суровыми.

Почему же только с появлением такой категории детей, которые работали на фабриках, стали раздаваться возмущенные голоса тех, кто увидел в таком использовании детского труда нечто, выходящее за пределы допустимого? Тут надо отметить, что фабричный труд с его регулируемостью и жесткой регламентацией сам по себе представлял нечто новое в общественном укладе. Ведь не случайно последние годы XVIII и первые десятилетия XIX в. отмечены протестами рабочих против распространения машин и новых форм организации производства. Только в результате этих протестных выступлений новой общественной силе – пролетариям – удалось обратить внимание на свои проблемы. Среди этих проблем был и вопрос о положении детей в фабричном производстве.

Цель данной статьи – проследить на основе отчетов медиков и парламентских комиссий, изучавших условия труда детей на фабриках, как влияла занятость в промышленном производстве на здоровье детей.

История проблемы в общих чертах такова. Сначала для работы на фабриках привлекались

дети-сироты из приходов в качестве учеников. А с дальнейшим развитием промышленности и капиталистических отношений на фабрики стали поступать так называемые «свободные» дети, родители которых сами отдавали своих отпрысков трудиться на фабрики. Ведь если прежде отец-ремесленник мог прокормить худо-бедно семью, то отец-рабочий этого сделать не мог.

На этом этапе процесса индустриализации ухудшались условия труда и быта рабочего класса. В своей работе «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс показал, что английские рабочие при капитализме чаще болеют, раньше теряют трудоспособность и становятся инвалидами, больше и раньше умирают вследствие условий своего труда и своего быта³. Мнение Ф. Энгельса совпадает в общих чертах с мнением многих его современников. Филантропы с начала XIX в. осуждали наем детей на фабрики, но труд несовершеннолетних все равно использовался, так как английская промышленность испытывала недостаток в рабочих руках, без которых невозможно было динамично ее развивать.

Мистер Тэкрах, филантроп из Лидса, сделал сравнительный анализ профессий, которые вредны для здоровья в той или иной степени. Он рассмотрел 260 различных видов деятельности. Из его работы мы узнаем, что хорошее здоровье человека – большая редкость, и его обладателями являются каждый десятый, живущий в городе, а оставшиеся девять человек имеют среднее или плохое здоровье⁴.

Хозяева-филантропы в Болтоне, Сохо, Веджвуде основывали кассы взаимопомощи для больных рабочих, открывали диспансеры и школы. Врачебный отчет доктора Персивальда 1796 г. рассказал, как обстояли дела с санитарией на фабриках. «Дети в бумагопрядильнях особенно подвержены горячкам, и если болезнь вспыхивает, то быстро распространяется из-за тесноты и скученности»⁵.

Из отчета доктора Персивальда мы можем выделить основные причины болезней детей – скученность, из-за которой инфекция быстро распространяется, «запыленность», которая порождает заболевания легких, жара и шум, то, что усугубляет влияние первых двух причин. В обществе распространялось мнение о том, что дети ужасно страдали, что у них начинали гнить зубы, они умирали от жары и чрезмерного вдыхания пыли и различных паров⁶.

Поэтому, чтобы хоть как-то сгладить общественное недовольство, правящие круги Англии вынуждены были осуществить мероприятия, несколько смягчающие неблагоприятные санитарные условия труда и быта рабочих. Так, законы 1802, 1819, 1825 и 1833 гг. предписывали ежегодно белить и красить фабрики, поддерживать их в чистоте, снабдить надлежащей вентиляцией и достаточным количеством окон, чтобы избежать чрезмерного повышения температуры внутри помещения⁷.

С начала XIX в. медицинские обследования фабрик становятся регулярными. В 1814 г. манчестерская санитарная комиссия пришла к выводу, что «дети и вообще рабочие на больших фабриках подвергаются главным образом тифозным заражениям, и раз такая эпидемия началась, то быстро распространяется не только среди фабричных рабочих, но и в их семьях и среди соседей»⁸. Члены данной комиссии считали фабрику вредным местом, так как она являлась рассадником болезней из-за скученности, жары и нечистого воздуха, а также из-за недостаточного физического движения, что вызывало у детей различного рода деформации и задержку в росте.

Эдвард Бэнс в своей книге об истории хлопчатобумажной промышленности в Англии делает акцент на том, что человеческий скелет обязательно страдает от огромного числа болезней. Особенно это касается детей. Дети могут погибнуть не только под натиском фабрик, но и под любым другим трудом или даже без него. Но если отрицать занятость, которая ускорит заболевания, то данная деятельность должна быть запрещена. Также Бэнс отмечает, что во многих медицинских трудах его времени встречается мысль о том, что в настоящее время нет такого вида работы, который бы совсем не наносил вреда. Труд необходим всем, даже детям, а насколько это вредно, пускай определяют медики вместе с фабричными инспекторами⁹.

Бэнс неоднократно сам посещал фабрики и наблюдал за рабочими. Он отмечал, что дети выглядят веселыми, а не изможденными¹⁰. Многие его современники придерживались того же мнения, например Кук-Тейлор. Он считает, что плохое здоровье порождает плохую работу, поэтому владельцам мануфактур невыгодно, чтобы их рабочие болели, поэтому делают все возможное для поддержания надлежащего уровня здоровья как взрослых, так и детей¹¹.

Отчеты, сделанные медиками в 1830-е гг., под другим углом раскрывают санитарные условия и их влияние на детский труд на фабриках. Это стало возможным, после того как была принята череда фабричных актов, регулирующих санитарные условия на фабриках.

По мнению одних врачей, хлопковая пыль мало или совсем не вредит здоровью детей. Врачи, проводившие обследование на одной мануфактуре в Манчестере, свидетельствуют, что вновь поступившие на фабрику дети страдали от головных болей, так как температура в помещении достигает 60 градусов, но, тем не менее, выглядят здоровыми¹².

Доктор Коу на основе собранных им данных по манчестерским и соседним мануфактурам говорит об особой «чахотке прядильщиков», которая возникает вследствие воспаления бронхов, потому что рабочие постоянно находятся в помещении со спертым воздухом и ненормальной жарой внутри. Он также заметил, что дети ходят босиком весь

рабочий день с 5.30 утра до 7 вечера, они имеют болезненный вид, многие выглядят не старше 7 лет, хотя дети младше 9 лет не нанимались на фабрики¹³.

«Передо мной вырождающаяся нация. Фабриканты объясняют подобное положение детей и взрослых тем, что они плохо одеты и живут в плохих жилищах. Но я полагаю, что долгое заключение в стенах фабрики и раннее поступление детей – вот что влияет на развитие»¹⁴.

Дальнейшие отчеты медиков уже содержат более комплексный подход и опирались не только на наблюдения, но и на статистические данные, которые собрали сами. И в какой-то степени опровергают вышеприведенное мнение доктора Коу.

Так, доктор Хавкинс рассмотрел смертность в городе и на фабриках и у него получились следующие средние показатели: на фабрике смертность от болезней была 1 на 110 человек, а в городе умирал 1 человек из 301. Но из этой статистики были исключены дети до 9 лет. Это объясняется тем, что найм детей младше 9 лет на фабричную работу к 1833 г. был запрещен¹⁵.

К сожалению, трудно сказать, насколько объективными являются данные цифры, так как нам не известны ни города, которые он брал в рассмотрение, и их численность, ни фабрики. Но если учесть, что население промышленных городов в основном составляли рабочие тех фабрик, которые находятся в этих промышленных центрах, то цифры вполне сопоставимые. И можно сказать, что смертность в городе больше, и на нее мало влияет работа на фабрике. У Кук-Тейлор полагает, что на основе данных статистических исследований дальнейшего расширения трудового законодательства не требуется.

Доктор Митчел сравнивал уровень смертности на фабрике с таким учреждением, как Госпиталь Христа. В период с 1814 г. по 1833 г. в госпиталь поступило 108 мальчиков, из них умерло 71, а всего на фабрике работало 21405 человек. По его таблицам получается, что средний уровень смертности за 20 лет составил 1 человек на 125¹⁶. Смертность, которую анализировал доктор Митчел, относится только к большим городам, так как большинство фабрик находятся именно там и они считаются основным источником зла.

Доктор Харрисон сравнивал такой показатель, как продолжительность болезни. Сначала он исследовал на примере Престонских мануфактур, сколько болеют мальчики и девочки, работающие на них. Он исследовал 14 мануфактур, в которых обследовал 1656 детей до 18 лет, из них 763 мальчика и 893 девочки. Из этого числа детей продолжительность болезни составляет 4 дня – считаются дни отсутствия на работе по причине болезни¹⁷.

Далее он сравнивает показатели числа выздоровевших и умерших на Престонских мануфактурах, и в таком заведении, как Клуб болезней в Болтоне. В Клуб на лечение поступали как

фабричные рабочие, так и прочие жители города. У доктора Харрисона получились следующие цифры: из 274 поступивших фабричных рабочих – 170 выздоровели и 5 умерли, из 289 больных, не занятых в фабричном производстве 175 выздоровели, а 20 умерло¹⁸. Данные цифры говорят о том, что фабричные рабочие обладали более крепким здоровьем, чем неработающие жители города.

Также доктор Харрисон провел статистические исследования в области деформации детских скелетов и «не встретил ни одного примера среди 1656 детей, которых проверил на деформации, которые возникают в ходе работы на фабрике, но у них не было сильных увечий»¹⁹. Но он признает, что вид у работающих детей не такой цветущий, как у тех, кто работает на свежем воздухе в полях.

Доктор Коуэл собрал статистические данные о том, как влияет работа на фабрике на рост детей. Он измерил рост 1000 детей до 18 лет работающих и не работающих на фабриках и получил следующие средние показатели в дюймах. Для мальчиков, работающих на фабриках, средний рост составляет 55,28 дюймов, а для мальчиков, не работающих на фабриках 55,56 дюймов. Для работающих девочек – 54,951 дюйм, для неработающих – 54,976²⁰. Видно, что разница в росте между работающими и не работающими детьми незначительная. А из этого можно сделать вывод, что работа на фабрике не сколько не влияет на рост детей. И это опровергает ранее бытующее заблуждение о том, что дети, занятые в фабричном производстве, страдают от деформаций, недоразвитости организма и скелета из-за постоянного напряжения на работе.

Одна из фабрик представила отчет о смертности детей в возрасте от 10 до 20 лет. Из него следует, что за 26 лет произошло 17 смертей из 120 заболевших. И из них 3 смерти не были связаны с работой, они погибли от оспы. Такая низкая смертность, по мнению Грея, является скорее исключением, ведь фабрика находится в отдалении от промышленного центра, что заметно сокращает пагубное влияние внешней среды²¹.

На вопрос о санитарии на фабриках также проливают свет отчеты парламентских комиссий, которые были учреждены в 1833 г. после принятия акта, по которому использование труда детей младше 9 лет запрещалось на всех текстильных фабриках, кроме шелковых мануфактур. Рабочий день детей ограничивался 48 часами в неделю, и им полагалось получить обязательное начальное образование. В обязанности инспекторов входило следить за исполнением фабричных законов и устранением нарушений²².

Отчеты парламентских комиссий позволяют нам составить представление о том, как виделась проверяющим общая картина в английской промышленности после принятия основных законов, касающихся санитарного положения на фабриках²³.

Так, инспектор Западного района Англии Рикардс делает вывод на основе увиденного: детский

труд не влияет так дурно, как принято считать, на здоровье детей, во всяком случае, по сравнению с другими отраслями работы. В своем мнении он полностью солидарен с доктором Харрисоном²⁴.

Такое же мнение высказывал его коллега Саундерс: «я придерживаюсь того мнения, что вредный эффект работы на фабрике был очень преувеличен. Он не вреден, либо вреден в равной степени, как и работа на других мануфактурах»²⁵. Саундерс считает детский труд не вредным для их здоровья, и что дети могут работать с 12 лет, без ущерба для себя, духота и жара – это общая проблема для всех фабрик, и искоренить ее не представляется возможным.

Свои выводы члены парламентской комиссии основывают на увиденном и услышанном, так как их пускали в любой уголок фабрики, разрешали смотреть в любую документацию и допрашивать всех рабочих без исключения.

Самый известный инспектор второй четверти XIX века Леонард Хорнер с гордостью заявлял, что перед ним не легла ни одна жалоба рабочего касательно состояния здоровья, а дети, занятые с 13 лет в фабричном производстве, не страдают ни от каких заболеваний – ни от телесных, ни от душевных. Дети с легкостью отработывают положенное им время²⁶. В качестве комментария можно добавить, что трудно было бы найти рабочего, который поспешил бы жаловаться инспектору, понимая, что это открывает для него прямой путь к увольнению с работы.

Из вышепрочитанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, мнение о плохом здоровье фабричных детей, как считали проверяющие, преувеличено. Из отчетов врачей и инспекторов мы видим, что продолжительность болезни не больше, чем вне стен фабрики, а процент исцеления больше, чем у неработающих детей. Многие проверяющие сходились на том, что здоровье работающих детей лучше, чем безработных. На их здоровье влияет не только фабрика, где они работают, хотя там они проводят больше времени, чем дома или на улице, но пагубного влияния города не следует исключать.

Во-вторых, те деформации, о которых активно говорят филантропы в первой четверти XIX в., не встречаются уже во второй четверти. Авторы статистических отчетов стараются убедить читателя, что дети одного социального положения не отличаются друг от друга в физических показателях. Здесь либо данные филантропов были преувеличенными и не точными, либо фабричные акты возымели свое действие.

Для второй четверти XIX в. занятость детей на фабрике влияет на их здоровье так же, как если бы они не работали на ней. Дети болеют, умирают или имеют какие-то отклонения в физическом развитии в большей степени под влиянием внешней среды, не зависимой от фабрики. Уровень смертности и выздоровления такой же, как у детей не занятых в фабричном производстве. Важно пом-

нить, что когда мы говорим о здоровье в сфере фабричной занятости, этот вопрос не обязательно связан с местом их устройства.

Таким образом, официальные отчеты медиков и парламентских комиссий всячески подчеркивают эволюцию к лучшему в организации фабричного производства, но читая их, принимая внимание сведения ими предоставляемые, необходимо иметь в виду, что написаны эти отчеты в определенном смысле слова заинтересованными людьми.

Примечания

- 1 Очерки истории Англии. Средние века и новое время. М., 1959. С. 159.
- 2 The factory system and factory statistics // The medico-chirurgical review and journal of the practical medicine. Vol. 26. L., 1837, P. 27.
- 3 Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 265.
- 4 Grey K. H. Factory question considered in relation to it's effects on the health and morals of those employed on factories. L., 1837. P. 34.
- 5 Цит. по: Манту П. Промышленная революция XVIII века в Англии. М., 1937. С. 195.
- 6 Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Т. 2. М.; Л., 1931. С. 390.
- 7 См.: The Factory Acts. Comprising the statutes. L., 1842.
- 8 Цит. по: Cooke-Taylor W. Factories and the factory system from Parliamentary documents and personal examination. L., 1844. P. 42.
- 9 Baines E. History of the cotton manufacture in the Great Britain. L., 1835. P. 52.
- 10 Бэнс Э. История хлопчатобумажной промышленности в Великобритании // Лавровский В. Промышленный переворот в Англии. М.; Л., 1925. С. 59.
- 11 Cooke-Taylor W. Factories and the factory system... P. 52.
- 12 Grey K. H. Factory question considered in relation to it's effects... P. 48.
- 13 Бэнс Э. История хлопчатобумажной промышленности в Великобритании... С. 62.
- 14 Цит. по: Baines E. History of the cotton manufacture in the Great Britain. L., 1835. P. 70.
- 15 Cooke-Taylor W. Factories and the factory system... P. 60.
- 16 The factory system and factory statistics... P. 30.
- 17 Cooke-Taylor W. Factories and the factory system... P. 62.
- 18 Ibid. P. 64.
- 19 Ibid. P. 65.
- 20 Ibid. P. 70.
- 21 Grey K. H. Factory question considered in relation to it's effects... P. 50–56.
- 22 The Factory Acts. Comprising the statutes. L., 1842. P. 9–32.
- 23 См.: Reports by the four factory inspectors. L., 1839; Reports from commissioners. L., 1840; Factory inquiry commission. Supplementary report of the central board. L., 1834.
- 24 Reports of inspectors of factories, R. Rickards. August. L., 1834. P. 20.
- 25 Report of R. J. Saunders, Esq. July 29. L., 1834. P. 64.
- 26 Report of L. Horner, Esq. July 21. L., 1834. P. 14.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК [94:327](73+47+55) I2000/2008I+929Буш

ИРАНСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2000–2008 гг.)

О. К. Рыбалко

Саратовский государственный университет
E-mail: rybalkook@gmail.com

Статья посвящена американо-российским отношениям в период президентства Джорджа Буша-мл. Основное внимание в этом контексте уделено позиции США по вопросу российско-иранского сотрудничества. Освещается роль личной дипломатии Дж. Буша-мл. и В. Путина в процессе двусторонних отношений США и России

Ключевые слова: США, Россия, Иран, Джордж Буш-мл., Владимир Путин, Бушер, иранская ядерная программа, доктрина Буша.

The Iranian Issue in the Context of the American-russian Relations (2000–2008)

О. К. Rybalko

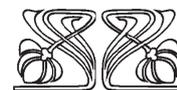
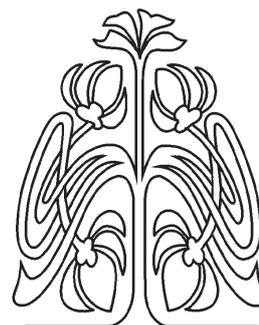
The article is devoted to American-Russian relations during the period of presidency of George W. Bush. The author focuses on the U. S. position on Russian-Iranian collaboration issue. The role of personal diplomacy of George W. Bush and V. Putin in the process of bilateral relations of U.S. A. And Russia is highlighted.

Key words: USA, Russia, Iran, George W. Bush, Vladimir Putin, Bushehr, Iranian Nukes, Bush's Doctrine.

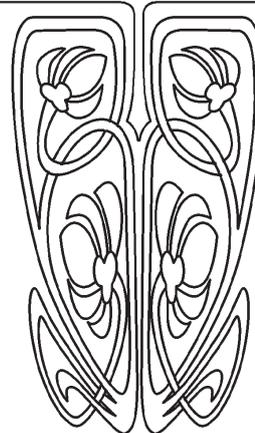
Отношения с Россией занимали особое место во внешнеполитической повестке дня администрации Джорджа Буша-мл. На протяжении двух президентских сроков картина американо-российских отношений менялась от напряженно-прохладной до безоблачно-идиллической и обратно несколько раз. Одно в ней оставалось неизменным – ориентированность Джорджа Буша-мл. на «личную дипломатию» и стремление наладить и сохранить максимально тесный и действенный контакт с Владимиром Путиным.

Начиная с саммита в Любляне в июне 2001 г., когда Буш «взглянул в глаза» российского президента и «смог уловить движение его души»¹, он позиционировал Путина как человека, «которому можно доверять» и с которым можно сотрудничать. Буш рассчитывал, что хорошие личные взаимоотношения с российским лидером станут гарантией лояльности российской стороны по отношению к действиям американцев во внешней политике и облегчат процесс достижения необходимых компромиссов. В целом этот расчет был верным – демократическая партийная система в России была еще слишком слаба и неразвита, чтобы с ее помощью можно было продвигать американские интересы, и единственным рычагом влияния являлся глава государства. Однако на пути к взаимопониманию двух президентов постоянно вставал ряд труднопреодолимых противоречий. Одним из них были разногласия по иранскому вопросу.

После революции 1978–1979 гг., сопровождавшейся захватом американского посольства в Тегеране, Соединенные Штаты Америки прервали дипломатические отношения с Исламской Республикой Иран. Приход к власти в Иране шиитского духовенства обернулся для США потерей сильнейшей страны региона, которая раньше, наряду с Сау-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

довской Аравией, обеспечивала контроль США в зоне Персидского залива. Руководство ИРИ взяло курс на изоляционистскую внешнюю политику под лозунгом «Ни Запад, ни Восток, а ислам», разрушив таким образом одну из опор американской стратегии в регионе Большого Ближнего Востока². Попытка президента М. Хагатами в конце 1990-х гг. наладить «диалог цивилизаций» и пойти на сближение с США была пресечена иранскими радикалами и имамом А. Хаменеи, и к моменту президентских выборов в Америке в 2000 г. Иран обозначался во внешнеполитических программах республиканцев как «государство-изгой» с чуждым политическим режимом и враждебными религиозными взглядами, перманентно угрожающее американской безопасности.

В то же время для России Иран традиционно оставался перспективным экономическим партнером и объектом для инвестиций, стратегически важным с точки зрения усиления геополитического потенциала. В 1990-е гг. Иран являлся одним из крупнейших потребителей российской военной продукции. На протяжении многих лет российский бюджет пополнялся за счет продажи иранской стороне вооружений, а в августе 1992 г. было подписано российско-иранское соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии и продолжении ранее приостановленного строительства атомной электростанции в г. Бушер. К тому же, конструктивные отношения с Ираном были необходимы России для стабилизации ситуации на южных границах в условиях чеченского конфликта.

Дж. Буш-мл. столкнулся с необходимостью обозначить свою позицию по вопросу российско-иранских контактов еще на этапе предвыборной гонки. В ноябре 2000 г. разразился скандал, связанный с публикацией в газете «Нью-Йорк Таймс» деталей секретного «соглашения Гор–Черномырдин» 1995 г. и последовавшим односторонним расторжением его российской стороной. Согласно этому документу, Россия обязалась к 31 декабря 1999 г. прекратить все поставки вооружения Ирану и не заключать новых контрактов. США со своей стороны обещали не вводить санкций, воспрепятствовавших бы этому сотрудничеству. Газета утверждала, что это соглашение нарушает закон 1992 г., запрещающий поставки оружия Ирану и Ираку и предполагающий введение санкций в отношении государств, вовлеченных в поставку «дестабилизирующих» вооружений Багдаду или Тегерану³. Дополнение 1996 г. к закону о помощи иностранным государствам 1962 г. также предусматривало санкции в отношении стран, поставляющих оружие государствам, поддерживающим терроризм, в категорию которых попадал и Иран.

Обнародование конфиденциальной информации стало предлогом для выхода России из соглашения и демонстрации намерения продолжить продажу оружия Ирану. 3 ноября, за несколько дней до выборов американского пре-

зидента, министр иностранных дел РФ Игорь Иванов направил в госдепартамент США депешу с уведомлением, что Москва не считает себя более связанной секретным «соглашением Гор–Черномырдин». Это послание привело в ярость госсекретаря Мадлен Олбрайт, и, по мнению обозревателя «Вашингтон пост», обеспечило министру иностранных дел России место в «анналах дипломатической наглости»⁴.

Этот инцидент дал Джорджу Бушу-мл., кандидату в президенты от республиканской партии, повод для обвинения администрации Клинтона вообще и своего главного оппонента Альберта Гора в частности в слабости и неэффективности внешней политики. В одном из выступлений во время избирательной кампании Буш заявил, что Иран – это приют террористов, и любые продажи оружия Тегерану наносят ущерб американской политике: «Мир на Ближнем Востоке согласуется со стратегическими интересами Соединенных Штатов, и любое секретное соглашение, которое дестабилизировало бы обстановку в этом регионе, беспокоит нас»⁵.

В «Республиканской платформе», опубликованной в июле 2000 г. по итогам Конвента, демократическая администрация вновь обвинялась в том, что «закрывала глаза на коррупцию в российских властных верхах, резню тысяч невинных граждан в Чечне и экспорт опасных российских технологий в Иран». Там же закреплялось обязательство республиканского кандидата в случае избрания «добиться от России сдержанности в своих поставках ядерных и военных технологий в Иран» и убедить Россию «предпочесть длительную стабильность и безопасность одномоментной прибыли»⁶.

Придя к власти, Джордж Буш-мл. и его команда с разной степенью резкости вновь обозначили свое отношение к этому вопросу. Министр обороны США Дональд Рамсфельд в интервью открыто назвал Россию частью проблемы по распространению вооружения среди стран-изгоев. Кондолиза Райс напрямую сказала, что действия России представляют опасность для Запада вообще и для европейских союзников США в частности; сам президент Буш, отмечал, что Россия, не являясь более врагом США, все же может быть угрозой безопасности⁷. Подобная риторика руководства Соединенных Штатов вкупе с бескомпромиссной позицией президента Путина и его активными шагами по сближению со странами, бывшими традиционными партнерами СССР, такими как Куба, Северная Корея, Ирак и Иран, давала политическим аналитикам обеих стран в начале 2001 г. возможность говорить о приближении новой холодной войны⁸.

Вышеупомянутая встреча двух президентов в Любляне развеяла эти опасения. Лидеры явили изумленной публике обоюдное дружелюбие и стремление к плодотворному партнерскому сотрудничеству. Острые углы, включая вопрос о

продаже российского вооружения Ирану, были дипломатично обойдены. Такой резкий поворот в отношении нового американского президента к Владимиру Путину вызвал непонимание и осуждение даже среди его товарищей по партии. В частности, сенатор-республиканец Джессе Хелмс обвинял Буша-мл. «в наивности» и возмущенно отмечал, что такая позиция противоречит усилиям США по изменению политики Кремля⁹.

Тем не менее, Джордж Буш-мл. отдавал себе отчет в том, что делает, когда выдвигал смелый тезис о «доверии» своему российскому коллеге. Перед главой США стояла важная задача – добиться если не поддержки, то хотя бы непротивления России основным внешнеполитическим задачам республиканской администрации, каковыми были названы развертывание системы НПРО и расширение НАТО на восток. Ради решения этих задач он был готов на время «забыть» о российско-иранских связях. С другой стороны, сотрудничество России с Ираном и вытекающая из этого опасность овладения «страной-изгоем» ядерным оружием могли послужить дополнительными аргументами для выхода США из договора по ПРО 1972 г.

Действия Буша в Любляне быстро принесли свои плоды: сразу после теракта 11 сентября 2001 г., когда Путин первым позвонил в Белый дом с соболезнованиями, российский президент стал главным союзником Дж. Буша-мл. в борьбе с терроризмом. Впрочем, этот союз был обоюдо-выгоден. Во-первых, В. Путин добился от своего американского коллеги смягчения позиции по вопросу военных действий в Чечне. Во-вторых, как известно, атака на США привела к формулированию американским президентом так называемой доктрины Буша – предтечей новой концепции национальной безопасности. Согласно этой концепции, Иран являлся одной из точек на «оси зла», государством-спонсором терроризма, любые контакты с которым отбрасывали тень на его партнеров. «Если вы укрываете террориста, то вы сами террорист, – заявил Буш-младший. – Если вы готовите или вооружаете террориста, то вы сами террорист. Если вы кормите или финансируете террориста, то вы сами террорист, и тогда вас призовут к ответу Соединенные Штаты и наши друзья»¹⁰.

Однако Россия продолжала продавать Ирану обычное вооружение, а также помогать в строительстве атомного реактора в Бушере, не опасаясь обвинений в пособничестве терроризму, так как входила в число «друзей» США. На возмущенные заявления Вашингтона об опасности использования этого реактора для последующего создания ядерного оружия Москва неизменно твердила о мирном характере иранских разработок. Поддержка России в войне с Афганистаном тогда ценилась Бушем выше, чем возможность уменьшить российское влияние в Иране.

В августе 2002 г. американская разведка доложила о построенном в иранском Натанзе заводе

по обогащению урана, а также о ряде других объектов ядерного топливного цикла¹¹. Это усилило существовавшие в США подозрения в намерении Ирана получить ядерное оружие и привело к новому витку критики России и введению экономических санкций против ряда российских компаний, работавших в Иране. Владимир Путин, в свою очередь, выразил сомнение в правомерности подобных действий и в очередной раз заявил, что российская сторона не собирается сворачивать все свои программы сотрудничества с Ираном¹².

Некоторые американские аналитики также сомневались в эффективности каких бы то ни было санкций при решении иранской проблемы, считая, что наилучшим выходом будет привлечение Москвы в качестве посредника в диалоге Вашингтона и Тегерана: «Если США всерьез хотят предотвратить прорыв Ирана в сфере ОМУ, то действовать надо через Россию. Американская политика постоянного осуждения российской политики и наложения санкций и штрафов, несомненно, приведет к отказу Кремля в сотрудничестве, хотя это сейчас так необходимо»¹³.

Дж. Буш-мл., судя по всему, придерживался схожего мнения. Осознавая важность сохранения России в качестве союзника по борьбе с международным терроризмом и высоко оценивая возможности использования ее влияния для давления на Иран, американский президент при личных встречах с В. Путиным, несмотря на существующие разногласия и ропот части политической элиты, демонстрировал прежнее дружелюбие. Даже когда в феврале 2005 г. после братиславского двустороннего заверения Буша и Путина во взаимном личном уважении и объявления американской поддержки вступления России в ВТО, Москва через несколько дней подписала новое соглашение с Ираном о поставке материалов в Бушер, Буш-мл. отреагировал неожиданно невозмутимо: «... Вот что говорит Россия: ладно, мы обеспечим вас ураном, мы сами обогатим его и поставим вам, а затем вернем его обратно. И я высоко ценю этот жест... Я знаю, Владимир Путин осознает, как это будет опасно, если у Ирана появится ядерное оружие. И большинство стран мира тоже это осознают»¹⁴.

При этом многие конгрессмены с начала второго президентского срока требовали от Буша-мл. ужесточить свою позицию и перестать потворствовать эгоистичной, антидемократической политике российской стороны¹⁵, а известный своими острыми высказываниями Джон Маккейн даже призывал изгнать Россию из рядов «Большой восьмерки» за сделки со «странами-изгоями» и препятствование передаче решения иранского вопроса в Совет Безопасности ООН¹⁶.

Однако американский президент всегда предпочитал компромисс с Путиным действиям в русле своей «мессианской доктрины», во всяком случае, на иранском направлении. Дальше декларативных угроз сделать Иран следующим после Ирака объектом американского вооруженного

вмешательства и введения некоторых торгово-экономических санкций как средства противодействия российско-иранскому сотрудничеству дело не пошло, да и сказать, что эти меры значительно ослабили связь России и Ирана, нельзя.

Действия администрации Буша-мл. на Ближнем Востоке принято считать внешнеполитическим провалом. Ориентированность американского президента на «личную дипломатию», его «заигрывания» с Путиным часто становились объектом критики и насмешек. В то же время, в 2005 году, когда американо-российские отношения переживали очередной период похолодания, Стивен Сестанович, старший эксперт Совета по международным отношениям и посол по особым поручениям в странах бывшего СССР в правительстве Клинтона, замечал: «... иногда эти личные отношения дают желаемый эффект... На настоящий момент именно личным отношениям мы обязаны тем, что делается по иранскому вопросу»¹⁷.

На наш взгляд, не стоит говорить и о полной неэффективности действий администрации Буша-мл. К концу второго президентского срока В. Путина Россия так и не ввела в строй первый энергоблок АЭС в Бушере, что было и остается основным российско-иранским проектом двустороннего сотрудничества. Россия пошла на подписание с Ираном соглашения о возврате отработанного ядерного топлива, что должно было стать гарантией недопущения его использования для создания Тегераном ядерного оружия.

В конечном счете США и Россия сходились во мнении о том, что нераспространение ОМУ является абсолютным приоритетом. Учитывая огромное значение экономического и стратегического партнерства с Ираном для России, сложно сказать, мог ли Буш-мл. добиться на этом направлении большего. К тому же, уступая России право проводить свою политику в Иране и соглашаясь с наличием у нее интересов в этом государстве, Буш-мл. добился для США фактического бездействия (или зачастую чисто риторического сопротивления) России в ответ на односторонний выход из договора по ПРО, расширение НАТО за счет включения в альянс Балтийского региона и смену политических режимов в Палестине, Ливане, Грузии, Украине в рамках осуществления «Плана Свободы», что виделось весьма выгодным «разменом».

Примечания

¹ *Bruni F.* Putin Urges Bush Not to Act Alone on Missile Shield // *New York Times*. 17 Jun. 2001. P. 11.

- ² *Вартамян Э. Г.* Внешняя политика Исламской Республики Иран : отношения с США и иранская ядерная проблема (1990-2009-е гг.) // *Международные отношения : история и современные аспекты. Теории и исследовательские практики*. Вып. II. М. ; Ставрополь, 2011. С. 178.
- ³ *Broder J. M.* Despite a Secret Pact by Gore in '95, Russian Arms Sales to Iran Go On // *New York Times*. 13 Oct. 2000. P. A30.
- ⁴ *Hoagland J.* From Russia With Chutzpah // *The Washington Post*. 22 Nov. 2000. P. A27.
- ⁵ *Broder J. M.* Bush Leads G. O. P. Criticism of Gore Over Russian Arms // *New York Times*. 14 Oct. 2000. P. A19.
- ⁶ *Republican Platform 2000* // *OnlineNewsHour*. July 31. 2000. URL: <http://www.pbs.org/newshour/bb/election/july-dec00/platform7.html> (дата обращения: 08.12.2013).
- ⁷ *Isaacs J.* Bush II or Reagan III? // *Bulletin of the Atomic Scientists*. № 3. 2001. P. 30.
- ⁸ *Montgomery D.* Experts are concerned about new Russia-U.S. relationships // *Knight-Ridder/Tribune News Service*. 19 Jan. 2001.
- ⁹ *McQuillan L.* Senator criticizes Bush on Russia. Helms says president too cozy with Putin // *USA Today*. 21 Jun. 2001. P. 01A.
- ¹⁰ Обещания продолжить войну с терроризмом дают обе стороны («The Washington Post», США) // *inoСМИ.ru* 22.11.2001. URL: <http://www.inosmi.ru/untitled/20011122/142238.html> (дата обращения: 09.12.2013).
- ¹¹ *Винников А., Орлов В.* Между Бушем и Бушером // *Россия в глобальной политике*. № 2, Март–Апрель 2005. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_4828 (дата обращения: 09.12.2013).
- ¹² Интервью газете «Нью-Йорк Таймс». 4 октября 2003 года // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/10/53439.shtml> (дата обращения: 09.12.2013).
- ¹³ К вопросу о сотрудничестве по Ирану («The Moscow Times», Россия) // *inoСМИ.ru* 11.04.2004. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20040411/208959.html#ixzz21YQUEblm> (дата обращения: 09.12.2013).
- ¹⁴ Джордж Буш : Я верю слову Путина («The White House», США) // *inoСМИ.ru* 29.04.2005. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20050429/219267.html#ixzz21t0xP8xx> (дата обращения: 09.12.2013).
- ¹⁵ Хилари Клинтон : Мы выпустили из-под контроля ситуацию в России («NBC», США) // *inoСМИ.ru*. 21.02.2005. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20050221/217386.html#ixzz21ssQwlzc> (дата обращения: 09.12.2013).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Джордж и Владимир : театр теней («The international Herald Tribune», США) // *inoСМИ.ru* 28.02.2005. URL: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20050228/217556.html#ixzz21swk7uMO> (дата обращения: 09.12.2013).

УДК 327.8 (510+470+571)

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СТРАТЕГИЯ РОССИИ

И. И. Арсентьева

Саратовский государственный университет
E-mail: airen1@yandex.ru

В статье рассматриваются геополитические изменения в Центральной Азии. Анализируются расширение сферы влияния Китая и ослабление позиций России. Выявляются факторы, которые Россия может противопоставить перспективам превращения региона в Pax Sinica.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Центральная Азия, США, Россия, Китай, сфера влияния, Pax Sinica.

China's Policy in Central Asia and Russia's Strategy

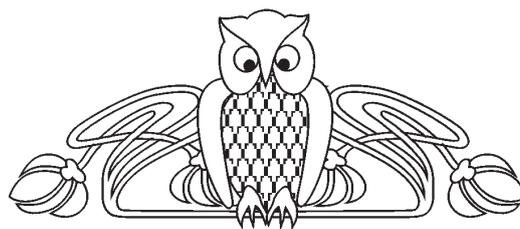
I. I. Arsentyeva

The article is devoted to the study of the geopolitical changes in Central Asia. The expansion of China's influence and Russia's weakening are analyzed. The author defines the factors that Russia can oppose to the prospects for transforming this region into Pax Sinica.

Key words: post-Soviet space, Central Asia, USA, Russia, China, sphere of influence, Pax Sinica.

Вопрос, чьей сферой влияния является постсоветское пространство, остается открытым. Во многих научных и публицистических работах говорится о геополитическом противостоянии по линии Россия – США и их попытках сформировать на постсоветском пространстве свои сферы влияния. По утверждению Зб. Бжезинского, долгосрочная задача американской внешней политики – не допустить возрождения евразийской империи, способной помешать формированию более крупной евроатлантической системы во главе с США¹. Не менее категорично высказываются и некоторые российские авторы. Так, А. Г. Дугин в интервью Los Angeles Times подчеркнул, что постсоветское пространство (за исключением прибалтийских государств) представляет собой пространство евразийской цивилизации, а не европейской, не западной. Любые попытки вывести это пространство из-под российского контроля или диалога с Россией нужно расценивать не как конкуренцию, а как агрессию, своего рода нападение, подобное нападению Наполеона или Гитлера².

Главной ареной геополитического противостояния России и США на постсоветском пространстве выступает Центральная Азия. Этот регион располагает третьей частью разведанных запасов золота, богат нефтью, природным газом и другими ресурсами. Но не только в этом заключается ценность Центральной Азии; ее геополитическая значимость еще и в том, что она служит мостом между Западом и Востоком, азиатской и европейской культурами, мусульманской и

христианской религиями. Следовательно, сфера влияния в Центральной Азии дает возможность «расширяться» во все стороны Евразийского континента.

Однако за геополитическим противостоянием России и США зачастую упускается из виду усиление региональных позиций КНР, хотя эксперты в области международных отношений говорят об этом не первый год. Данная проблема всё чаще оказывается в поле внимания исследователей: В. В. Михеева (Россия), В. В. Парамонова (Узбекистан), М. Н. Суюнбаева (Кыргызстан), К. Л. Сыроежкина (Казахстан), Г. И. Чуфрина (Россия) и др. С 2011 г. действует виртуальный экспертный форум «Евразийская интеграция и Китай». Немаловажный вклад в исследование проблемы вносят Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан и Российский институт стратегических исследований. Последний провел в 2013 г. Международную научно-практическую конференцию «Китай на постсоветском пространстве». В ее работе приняли участие эксперты из России и государств Центральной Азии – Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, где присутствие Китая ощущается особенно остро. Среди исследований, проведенных на Западе, можно выделить статью М. Сесайра «China's Quiet Splash in the Post-Soviet Space»³. Также интерес представляет прогноз в отношении стран СНГ, сделанный в 2008 г. экспертами американского аналитического центра Stratfor, где в том числе подчеркивалось, что Китай «уводит из-под носа России» Центральную Азию.

Однако имеющиеся научные разработки пока не носят целостного характера, представляя в большинстве своем отдельные выступления по злободневной тематике. В этой связи цель статьи заключается в анализе политики Пекина в центральноазиатском направлении, выявлении ее ключевых приоритетов и особенностей, разработке рекомендаций по изменению геополитической стратегии России в контексте расширения сферы влияния КНР.

Отношения с государствами Центральной Азии целесообразно анализировать в контексте так называемой «Большой стратегии Китая», составной частью которой выступает идея «Идти вовне». Отличительной чертой стратегии является многовекторность, и центральноазиатский вектор играет немаловажную роль.

Прежде чем перейти к рассмотрению современной политики КНР в Центральной Азии, сделаем небольшой экскурс в историю. Как известно, к концу XVIII столетия вокруг Китая как центра маньчжурской империи Цин был создан непрерывный буфер зависимых земель и народов. Идеологической основой такой внешнеполитической стратегии являлось учение Конфуция, перенятое маньчжурами у древнекитайских династий. По древним представлениям, Срединное государство (Чжунго) с четырех сторон окружают варвары (варварская периферия), все вместе они образуют Поднебесную – Тянься. Другими словами, Тянься мыслилась как мир, состоявший из «острова» китайской культуры (нэй) и «моря» «варварской периферии» (вай). Китайский император – «Сын Неба» и носитель «мандата Неба» – представлялся в виде устроителя миропорядка на Земле. Его задача заключалась не только в поддержании гармонии внутри Срединного государства, но и в распространении ее за пределы империи в целях преобразования «варваров четырех сторон света». Прежде всего, это касалось «ближних варваров», т. е. соседних государств, которые в случае опасности могли бы смягчить удар «дальних варваров».

Представляется, что можно проследить некую схожесть между имперской политикой династии Цин и внешнеполитическим курсом современного Китая, который рассматривает Центральноазиатский регион как свой стратегический тыл. В этом плане представляет интерес работа «География национальной безопасности Китая»⁴, авторы которой – Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань – отмечают, что границы национальной безопасности КНР значительно расширились. Для характеристики этого процесса ими используется понятие «пласт» (цэн) национальной безопасности с выделением центрального пласта (собственно китайской территории), внутреннего пласта (периферии Китая) и внешнего пласта, который включает все, что представляет интерес для безопасности за пределами внутреннего пласта. Наиболее важно понятие «внутренний пласт» (нэй цэн) – район периферии, который находится за пределами центрального пласта, но тесно связан с ним: он оказывает прямое влияние на безопасность центрального пласта и одновременно находится под прямым воздействием последнего.

Шэнь Вэйле и Лу Цзюньюань акцентируют внимание на том, что многие страны, особенно великие державы, часто рассматривают внутренний пласт как зону, которая имеет стратегическое значение для их безопасности и развития. Внутренний пласт имеет с центральным пластом географическую, экономическую, экологическую, иногда этническую, связь, играет важную роль в борьбе с контрабандой, наркоторговлей и разведывательной деятельностью. Государства, которые находятся в центральном пласте, как правило, всеми силами оказывают влияние на

государства их внутреннего пласта вплоть до того, чтобы держать их под контролем с помощью экономических, политических и военных мер. В трактовке китайских авторов, внутренний пласт КНР включает прилегающие к ней регионы Северной, Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии.

Безусловно, проведенная историческая параллель достаточно условна. Тем не менее, некий постимперский или, скорее, неоимперский характер внешней политики КНР вполне очевиден. Это тем более справедливо, что сегодня империей (неоимперией, империей нового порядка) можно считать великую державу и сферы ее политического, идеологического, экономического, военного, культурного и прочего влияния. Для подтверждения этого тезиса сошлемся на Ст. Сестановича, одного из ведущих американских экспертов по международным отношениям. По его мнению, существование империй в современном мире возможно только в виде «сфер влияния»⁵.

Для обозначения такого влияния представляется целесообразным использование понятия «рах» (лат. «мир»), которое в теории международных отношений встречается с обязательным уточнением: *Pax Romana*, *Pax Mongolica*, *Pax Britannica*, *Pax Americana*. Такое дополнение поясняет, чей это мир, чье влияние в нем доминирует, кто ответственен за него и за сохранение порядка в нем. В этой связи сформулируем вопрос: не превратится ли в скором будущем центральноазиатская часть постсоветского пространства в *Pax Sinica*?

Центральная Азия рассматривается Китаем как перспективный рынок сбыта товаров и альтернативный выход к международным транспортным коридорам. Помимо этого, для Пекина важно не допустить создания в Центральной Азии баз уйгурских сепаратистских движений. Однако главная цель – создание условий для импорта энергоресурсов, необходимых для обеспечения потребностей развивающейся стремительными темпами китайской экономики. Особое место в реализации этой цели занимает транснациональный газопровод «Туркменистан – Китай». Торжественная церемония его открытия состоялась в декабре 2009 г. в присутствии лидеров Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана. Н. А. Назарбаев в своей речи отметил, что посредством этого проекта восстанавливается древний Шелковый путь и обеспечивается дружба стран, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества. Интересно заявление президента Узбекистана. По словам И. А. Каримова, с открытием нового маршрута транспортировки центральноазиатских энергоносителей изменится геополитическая карта региона⁶.

Реализации национальных интересов Китая в Центральной Азии подчинена его инвестиционная политика, набирающая заметные обороты. В конце 1990-х гг. инвестиции КНР в регион не

превышали 1 млрд долл. США и ограничивались нефтегазовым сектором Республики Казахстан. В начале XXI столетия их объем увеличился более чем в 20 раз, превратив Пекин в одного из главных финансовых «доноров» стран Центральной Азии. Влияние Китая стало особо заметным после кризиса 2008 г., когда традиционные инвесторы региона – Россия, США, ЕС – столкнулись с серьезными экономическими проблемами.

Китайские инвестиции поступают в основном в сырьевые отрасли: идут на покупку компаний, разведку и освоение месторождений, строительство энергетической инфраструктуры. При этом в своей политике Китай придерживается дифференцированного подхода: масштабы и характер связей с отдельными странами региона, равно как и преследуемые в них интересы, в силу объективных причин разнятся. В контексте двусторонних отношений со странами Центральной Азии Китай отдает предпочтение Казахстану, рассматривая его, в первую очередь, с точки зрения собственной энергетической безопасности – обеспечения стабильного и долгосрочного доступа к углеводородам этой страны и Каспийского региона в целом.

Следует отметить, что точную долю китайского капитала в нефтяной отрасли Казахстана установить достаточно трудно. Национальная компания «КазМунайГаз» заявляет, что в 2009 г. доля China Investment Corporation была не более 11%. Согласно другим источникам, в 2010 г. доля китайских компаний в общей добыче нефти в республике превысила 22%⁷. В январе 2013 г. многие казахстанские СМИ опубликовали информацию о том, что в текущем году эти показатели составят более 40%. В руководстве «КазМунайГаз» назвали эти цифры «неверными». Однако, согласно данным Forbes Kazakhstan, на сегодняшний день в республике 22 нефтяные компании с китайским участием. В восьми из них китайский капитал составляет 100%, в «СНПС-Актобемунайгаз» – около 95%, в «Ланкастер Петролеум» – почти 88%, еще в восьми компаниях китайская доля составляет 50% и выше⁸. Помимо нефти, китайские инвесторы все более активно вкладывают средства в освоение урановых и медных месторождений Казахстана.

Совершенно очевидно, что масштабы китайского присутствия поступательно растут и уже являются значительными. В 2012 г. китайская доля в казахстанском товарообороте составила 17,5% (23,98 млрд долл.), сравнявшись с показателями России – традиционного торгового партнера Казахстана (23,85 млрд долл., или 17,4% общего внешнеторгового оборота Казахстана)⁹. Причем, если первоначально китайские интересы затрагивали преимущественно торговую сферу, лишь в незначительной степени сопровождаясь развитием транспортно-коммуникационных связей, то сегодня достаточно отчетливо просматриваются усилия КНР по активизации проектно-инвести-

онной деятельности. Основными направлениями этих усилий продолжает выступать нефтегазовая отрасль и обслуживающие ее коммуникации.

В этой связи возникает следующий вопрос: каким образом китайский фактор способен влиять на развитие российско-казахстанских отношений? В. В. Михеев выделяет два основных варианта развития ситуации. Первый – Казахстан использует соперничество России и Китая за казахстанские ресурсы и внутренний рынок исключительно в своих интересах, играя на расхождениях и противоречиях между Москвой и Пекином. Россия в этом случае провоцируется на поиск вариантов ослабления позиций Китая, на поиск новых, прежде всего, энергетических ниш в Казахстане (атомная энергетика, уран), а Китай, в свою очередь, на укрепление собственных позиций в Казахстане за счет новых финансовых вливаний. Такой сценарий может дать краткосрочные выгоды каждой из сторон, однако чреват постоянными волнообразными осложнениями взаимных отношений, а в долгосрочном плане – потерями оттого, что силы тратятся на противодействие, а не на взаимодействие. Второй вариант – объединение усилий России, Китая и Казахстана и проведение скоординированной и прозрачной политики развития Центральноазиатского региона, в котором Россия и Китай являются лидерами, а Казахстан – связующим звеном¹⁰.

В настоящее время российско-казахстанские отношения развиваются скорее в направлении первого сценария. При сохранении подобной тенденции это отрицательно повлияет на двусторонние связи. Не стоит забывать и о том, что с казахстанской стороны к границе прилегают семь областей, с российской – двенадцать субъектов Федерации. А значит, ухудшение российско-казахстанских отношений неизбежно скажется на уровне жизни большого количества людей. Важно и другое. Теряя влияние в Казахстане, Россия может получить своего рода цепную реакцию. Вернемся к прогнозу центра Stratfor о том, что Китай «уводит из-под носа России» Центральную Азию. «Ключевое значение в этом плане имеет Казахстан... Если Астана перейдет в сферу влияния Пекина, другие страны Центральной Азии не только сочтут экономически целесообразным последовать ее примеру, но и получат в лице Казахстана... полезный “буфер”, отделяющий их от разгневанной России»¹¹.

Какую же стратегию может противопоставить Россия расширению китайской сферы влияния и перспективам превращения Центральной Азии в Pax Sinica? Стратегия в данном случае понимается не как искусство ведения войны и нейтрализации соперника (подобный подход автоматически возводит Китай в ранг врага, что в корне неверно), а как целенаправленная программа действий по сохранению и укреплению присутствия России в регионе.

Сразу отметим, что факторов, которые способствовали бы усилению российских позиций

в Центральной Азии, немного. Зб. Бжезинский в конце XX столетия писал, что Россия «слишком слаба политически, чтобы полностью закрыть регион от внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать данные области исключительно собственными силами»¹². В наступившем столетии коренных трансформаций в сложившейся ситуации не произошло. И все же попробуем эти факторы выявить и обосновать (естественно, не претендуя при этом на исчерпанность и всеохватность). Выделенные факторы будут касаться российско-казахстанских отношений, во-первых, по причине лидерских позиций Казахстана в регионе, во-вторых, потому что именно он среди центральноазиатских государств в наибольшей степени демонстрирует политическую заинтересованность в сближении с Россией.

Итак, первый фактор – это *географический фактор*, или *фактор совместных границ*. Согласно данным Федерального агентства по устройству государственной границы РФ, общая протяженность российско-казахстанской границы – 7598,6 км: 7512,8 км – сплошная сухопутная; 85,8 км – морская. Как уже отмечалось, к границе примыкают семь казахстанских областей и двенадцать субъектов Российской Федерации. В общей сложности здесь проживают более 32 млн. человек. Совокупный валовой продукт российско-казахстанского приграничья превышает 300 млрд. долл. При этом ВРП казахстанских приграничных регионов составляет 40% ВВП Республики Казахстан, а ВРП российских приграничных регионов – 20% ВВП РФ¹³.

Казахстан и Китай граничат на участке протяженностью 1782 км. С казахстанской стороны к государственной границе примыкают Алма-тинская и Восточно-Казахстанская области; с китайской – СУАР, занимающий по уровню экономического развития 25-е место среди 33 (без учета Тайваня) административных единиц КНР; средняя плотность населения – 12,5 чел./кв. км (32-е, т. е. фактически, предпоследнее место). По площади этот автономный район занимает 1-е место в стране (1,7 млн. кв. км), а значит, пункты пропуска на казахстанско-китайской границе значительно удалены от более развитых районов КНР. Нельзя упускать и то, что в Синьцзяне традиционно сильны сепаратистские настроения. Другими словами, выход Китая на границу с Казахстаном представляет собой далеко не самый оптимальный вариант, затрудняя развитие двусторонних связей.

Граница России и Казахстана характеризуется большей контактностью и проницаемостью, поскольку они являются членами Таможенного союза. На границе Казахстана и Китая действует незначительное количество таможенных пунктов, но страны активизируются в этом направлении (например, в июне 2012 г. подписано соответствующее межправительственное соглашение). За счет развития железнодорожной инфраструктуры с Китаем Казахстан планирует к 2020 г. вдвое

увеличить объем транзитных перевозок по своей территории.

Конечно, в эпоху глобализации и стремительного развития средств коммуникации роль географических факторов снизилась, тем не менее, их действие никто не отменял. А географический фактор в данном случае больше на руку России, нежели Китаю (проблема в том, сможет ли Россия правильно распорядиться этим конкурентным преимуществом).

Во-вторых, *политико-экономический фактор*. Казахстан, наряду с Россией и Белоруссией, – член Таможенного союза ЕврАзЭС и потенциальный «костяк» Евразийского союза. Согласно достигнутым договоренностям, к 2015 г. должны быть завершены все необходимые процедуры для подписания соответствующих соглашений. Конечно, большой вопрос, смогут ли лидеры государств договориться между собой, поскольку этого не всегда удается достичь, даже на уровне двусторонних отношений. Однако определенные и, что самое важное, вполне конкретные шаги в этом направлении делаются.

В-третьих, *культурный фактор*. У постсоветских государств общее прошлое, да и сегодня культурные связи между ними развиты достаточно хорошо. Важную роль играет русский язык, который, несмотря на снижение своей популярности, продолжает выполнять на постсоветском пространстве функции языка межнационального общения. Безусловно, культурные различия имеются, причем, весьма существенные. И все же общность России с центральноазиатскими государствами шире, чем у последних с Китаем (несмотря на их исторические контакты на перекрестках Великого шелкового пути). Неслучайно опасения жителей разных постсоветских государств по поводу усиления китайского влияния носят примерно одинаковый характер.

Безусловно, *экономические преимущества* на стороне Китая, который может предложить центральноазиатским государствам больше, нежели Россия. В частности, намного выше китайские возможности по выдаче льготных кредитов. Для постсоветских государств важно и то, что Китай преследует (по крайней мере, пока) сугубо экономические выгоды. Главное для китайцев – бизнес без навязывания политических правил игры. Россия же увязывает свои вложения с политическими дивидендами.

И все же, несмотря на впечатляющие успехи Китая, существует большое количество явных и латентных проблем, которые в будущем могут омрачить его отношения с центральноазиатскими государствами и негативно отразиться на их динамике. В качестве примера можно рассмотреть Казахстан, где постепенно усиливаются опасения по поводу возможного превращения Китая в главного игрока на казахстанском рынке энергоносителей; Астану серьезно беспокоит стремление Пекина покупать углеводороды по заниженным ценам;

растет число публикаций на тему возможного использования Пекином нефтегазовых контрактов для давления на казахстанское руководство и т. д.

Однако главное препятствие для расширения китайской сферы влияния – колоссальные внутренние проблемы, с которыми сталкивается сегодня Китай: неблагоприятная демографическая ситуация; усиливающееся социальное расслоение; высокий, в некоторых случаях критический, уровень загрязнения окружающей среды; постепенное размывание базовых культурных ценностей и пр. Именно это может стать основным барьером для усиления региональных и глобальных позиций КНР.

Конечно, это не означает, что Россия должна пассивно ждать, сможет ли Китай решить свои внутренние проблемы. Также нельзя рассматривать его исключительно как конкурента или, что совершенно недопустимо, врага. У Москвы и Пекина совпадающие интересы в области обеспечения региональной безопасности, в том числе они касаются ограничения сферы влияния Вашингтона. При этом у нашей страны есть вполне реальные механизмы не только сохранения, но и некоторого расширения сферы влияния в Центральной Азии. Важно, чтобы предпринимаемые российским руководством усилия были не сотрясанием воздуха, а направлялись на структурирование пространства вокруг России с акцентом на сохранении ею статуса региональной державы.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Концептуальные основы развития приграничья в контексте национальной безопасности России» (№ 12-03-00002а)

Примечания

- ¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 109.
- ² Stack M. Russian Nationalist Advocates Eurasian Alliance against the U.S. // Los Angeles Times. 2008. September 4.

УДК 32:327:327.39:327.799

ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ / ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

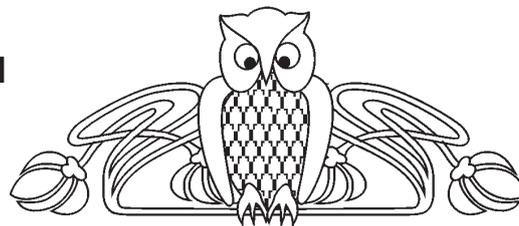
Ч. Эсенгул

Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек
E-mail: chinara.esengul@gmail.com

В статье анализируются риски и выгоды для Кыргызской Республики (КР) при вхождении в Таможенный союз (ТС) в краткосроч-

URL: <http://www.latimes.com/news/nationworld/world/la-fgw-dugin4-2008sep04,0,2871108.story> (дата обращения: 19.11.2013).

- ³ Cecire M. China's Quiet Splash in the Post-Soviet Space // OpenDemocracy. 25 February 2013. URL: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/michael-cecire/china%E2%80%99s-quiet-splash-in-post-soviet-space> (дата обращения: 17.11.2013).
- ⁴ Шэнь Вэйле, Лу Цзюньюань. Чжунго гоцзя аньцюань дили = География национальной безопасности Китая. Пекин, 2001. Цит. по: Румянцев Е. Н. Геополитические идеи современного Китая // География национальной безопасности Китая : экспресс-информация ИДВ РАН. М., 2007. № 7 (140). С. 4–11.
- ⁵ Сестанович Ст. Воздать России должное // Полис. 1995. № 1. С. 68–78.
- ⁶ Карсыбеков Е. Великий газовый путь // Вести Казахстана. Экономика. 2009. 15 декабря. URL: <http://vesti.kz/есон/34527/> (дата обращения: 15.11.2013).
- ⁷ Авликулов Б. Инвестиционное наступление Китая // Экономическое обозрение. URL: <http://www.review.uz/ru/article/301> (дата обращения: 15.11.2013).
- ⁸ В РК 22 нефтяные компании с китайским участием // Forbes Kazakhstan. 2013. 12 января. URL: http://forbes.kz/process/probing/v_rk_rabotayut_22_neftyanyie_kompanii_s_kitayskim_uchastiem (дата обращения: 20.11.2013).
- ⁹ Основные показатели внешней торговли РК по странам // Агентство Республики Казахстан по статистике. URL: http://www.stat.kz/digital/vnesh_torg/Pages/default.aspx (дата обращения: 27.02.2013).
- ¹⁰ Михеев В. В. Фактор Китая в российско-казахстанском экономическом сотрудничестве // Казахстан и Россия : экономические и политические аспекты стратегического партнерства. Алматы, 2007. С. 73.
- ¹¹ Цит. по: Сыроежкин К. Л. Казахстан – Китай : от приграничной торговли к стратегическому партнерству : в 3 кн. Кн. 1. В начале пути. Алматы, 2010. С. 12.
- ¹² Бжезинский Зб. Указ. соч. С. 170.
- ¹³ Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России : доклад Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития. СПб., 2012. С. 6.

ной и долгосрочной перспективе. С учетом экономической ситуации в стране, описываются реалистичные сценарии влияния ТС на экономические отрасли страны и различные слои населения. Автор также делится своим мнением и дает практические рекомендации с целью минимизации негативных эффектов при вступлении КР в ТС.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, Таможенный союз / Единое экономическое пространство, положительный и нега-

тивные эффекты, долгосрочная и краткосрочная перспективы, экономика.

Possible Implications of Kyrgyzstan's Membership in the Customs Union

C. Esengul

The article analyzes the risks and benefits for Kyrgyz Republic to enter to the Customs Union in the short and long term perspectives. Taking into account the economic situation in the country, the article describes the realistic scenarios of the effects of the Customs Union to economic sectors of the country and different layers of the population. The author also shares his opinion and gives practical recommendations to minimize the negative effects of joining the Kyrgyz Republic to the Customs Union.

Key words: Kyrgyz Republic, Customs Union / Common Economic Space, positive and negative effects, short and long term perspectives, economics.

Каждая стратегия развития требует реализации государственных проектов и интервенций в экономике с тем, чтобы коллективными усилиями определить и упорядочить тот путь, по которому общество должно следовать, чтобы обеспечить свое будущее развитие.

Т. Койчубев

Россия и Казахстан, наряду с Китаем, являются нашими ключевыми торговыми партнерами. Россия, Казахстан и Беларусь начали процесс реальной интеграции в рамках Таможенного союза (ТС) с лета 2010 г., хотя первые попытки экономической интеграции на постсоветском пространстве были еще сделаны в середине 1990-х г. В январе 1995 г. Беларусь, Россия и Казахстан подписали соглашения о ТС и Едином экономическом пространстве (ЕЭП), чуть позже Кыргызстан и Таджикистан присоединились. В 1998 г. КР становится членом ВТО, что негативно влияет на эффективность интеграции в рамках ТС. Позднее, в августе 2006 г. Беларусь, Россия и Казахстан создают «новый ТС» в рамках ЕврАзЭС с условием, что Таджикистан и Кыргызстан присоединятся по мере их готовности.

Решения наших партнеров и соседей влияют на нас, наши решения также влияют на них, мир стал взаимозависимым. Сегодня, когда мы делаем расчеты, мы должны считать плюсы и минусы, которые у нас будут, если мы вступим и если мы не вступим в ТС. В обоих случаях есть свои плюсы и минусы, вопрос в том, что является верным вариантом на перспективу? Далее излагаются мнение и рассуждение автора по данному вопросу с некоторым акцентом на социальные аспекты вступления КР в ТС.

Автор исходит из позиций, что для достижения нового уровня развития экономики и общества нам нужно вступать в ТС и далее углублять наше участие в евразийской экономической интеграции. Это шаг вперед для нашего общества, для нашего государства. Возможно, ощущение верности

этого шага придет позже, с истечением времени. При этом вступление – это начало пути, долгого пути, который нужно пройти достойно. Под «достойно» имеется в виду наличие двух условий: 1) продуманные и реализуемые решения со стороны политической элиты; 2) более терпеливое отношение и трудолюбие со стороны общества. Любой путь предполагает сложности и трудности помимо промежуточных достижений, но «дорогу осилит идущий». Главное идти вперед и не топтаться на месте или еще хуже отходить назад. Я считаю, что народ у нас трудолюбивый и талантливый, иначе не было бы столько трудовых мигрантов в странах ближнего зарубежья, не было бы успешных людей, работающих в странах дальнего зарубежья.

Заявление Президента КР в апреле 2011 г. о желании КР вступить в ТС вызвало неоднозначную реакцию в экспертной среде и среди широкой общественности. Следует признать, что это непопулярная мера. На мой взгляд, непопулярность обусловлена не столько степенью возможного вреда от вступления, сколько нежеланием определенных внутренних и внешних общественно-политических сил менять статус-кво, который их вполне устраивает с точки зрения защищенности их интересов. В то же время на существующее положение вещей можно посмотреть и через призму проблем, которые не позволяют достигнуть состояния устойчивой защищенности национальных интересов КР.

Хотелось бы выделить следующие ключевые проблемы общенационального характера:

- неразвитость экономики;
- недоверие населения к власти;
- низкий уровень профессиональных знаний и квалификаций у основной части населения; знаний и навыков, необходимых для разработки, реализации программ и проектов развития страны.

Относительно этих проблем можно и нужно рассматривать вопрос вступления КР в ТС. Ниже приводится сравнительная таблица, в которой указываются плюсы и минусы вступления КР в ТС. С учетом всех моментов нужно принимать решение и вести переговоры. По умолчанию предполагается, что КР не нужно вступать в ТС, пока у нас не будет готовности, особенно с точки зрения социальных эффектов данного шага и готовности нашего правительственного, неправительственного и частного сектора, работать совместно для смягчения негативного воздействия от вступления в ТС (таблица).

Комментарии относительно плюсов и минусов при вступлении КР в ТС

Понижение реэкспорта приведет к тому, что многие, кто сегодня заняты на рынках Дордой, Карасуу, могут потерять свою работу. Однако правительство ведет переговоры с ЕЭК на предмет создания зоны свободной торговли на базе этих рынков. Результаты переговоров еще неизвестны.

Плюсы и минусы при вступлении КР в ТС

	Если вступаем в ТС	
	Плюс	Минус
Экономический аспект	<p>Исследования показали, что у КР больше тарифных позиций, где он обладает сравнительным преимуществом в торговле с Россией и Казахстаном, нежели чем в торговле с Китаем (2);</p> <p>Недопущение увеличения разрыва в развитии с другими странами ТС;</p> <p>Обеспечение устойчивого экономического роста;</p> <p>Проведение модернизации экономики аз счет:</p> <ul style="list-style-type: none"> • создания рабочих мест и обеспечение высокого уровня занятости; • привлечения прямых иностранных инвестиций; • роста применения новых технологий; • встраивание в международные производственные цепи; • улучшение структуры производства.(3) <p>Беспошлинный доступ продукции КР на рынок стран ТС;</p> <p>Обеспеченность источниками нефтепродуктов, древесины и других основных товаров, важных для экономики КР (4)</p>	<p>Повышение цен для потребителей на некоторые виды товаров в связи с введением Единого импортного тарифа ТС;</p> <p>спад в секторах с низкой конкурентоспособностью;</p> <p>понижение уровня реэкспорта;</p> <p>банкротство отдельных компаний малого и среднего бизнеса;</p> <p>рост безработицы в ряде секторов;</p> <p>рост инфляции;</p> <p>давление на бюджет государства за счет снижения сборов импортных пошлин;</p> <p>потеря возможности определять свою торговую политику</p>
	<p>Среднесрочная и долгосрочная перспектива</p> <p>Появляются надежды и возможности для структурных изменений экономики страны; возможность за счет совместных проектов открыть новые рабочие места и инициировать образовательные проекты, что в конечном итоге приведет к улучшению качества человеческого капитала</p>	<p>Краткосрочная перспектива</p> <p>Сложности, которые будут ощущаться на уровне простого потребителя, могут не позволить иметь «необходимый» социальный капитал и временной ресурс для реализации плановых мер в качестве члена ТС; усилит проблему недоверия населения к власти</p>
Военно-политический аспект	<p>Укрепление обороноспособности страны за счет сотрудничества со странами ОДКБ;</p> <p>обеспечение национальной и региональной безопасности в ЦА за счет ОДКБ;</p> <p>развитие сотрудничества в сфере внешней политики по вопросам, представляющим взаимный интерес;</p> <p>дальнейшее развитие межрегионального и приграничного сотрудничества, формирование эффективных структур межрегионального взаимодействия</p>	<p>Основным минусом будет большая зависимость от России и других стран ОДКБ в решении своих внешнеполитических и военных вопросов</p>
	<p>Среднесрочная и долгосрочная перспектива</p> <p>Обеспечение безопасности и стабильности как условие для устойчивого национального и регионального развития в ЦА;</p> <p>Увеличение доверия населения к власти</p>	<p>Краткосрочная перспектива</p>
Социально-культурный аспект	<p>Трудовые мигранты в РФ РК получают привилегии;</p> <p>высокий уровень взаимного проникновения на общественном уровне;</p> <p>обеспечение совместимости стандартов образования;</p> <p>всемерное развитие сотрудничества в сфере культуры, связей по линии парламентов и деловых сообществ, контактов между людьми.</p>	<p>Облегченные условия для трудовых мигрантов</p> <p>Если будет больше выезжать, то это положительно влияет на уровень безработицы в КР, снижает социальную напряженность и положительно влияет на уровень бедности. Плюс сумма денежных переводов может возрасти</p> <p>К тому же если мигранты начнут возвращаться в КР, тогда может сработать эффект навыков при возвращении мигрантов, увеличится квалифицированная рабочая сила, что окажет положительное влияние на экономический рост (1)</p> <p>Однако есть риск, что облегченные условия для занятости в странах ТС могут привести к выезду квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, что отрицательно повлияет на инновационные и производственные способности страны, будущие социальные издержки по образованию, это все может отрицательно повлиять на экономический рост</p>
	<p>Долгосрочная перспектива</p> <p>Улучшение качества человеческого капитала;</p> <p>более динамичное и разностороннее развитие экономики КР</p>	<p>Краткосрочная и среднесрочная перспектива</p>

Относительно повышения цен на товары, импортируемые из третьих стран, в основном повышение коснется товаров, которые завозятся из Китая и имеют низкую цену и соответственно низкое качество. Но это будет эффект одновременного действия, который будет ощутим в первый год вступления в ТС, в дальнейшем членство в ТС позволит повысить стандарты потребителя: наши люди начнут обращать внимание не только на соотношение количество/цена, но в первую очередь на соотношение качество/цена. Важно, чтобы произошла смена парадигмы мышления и восприятия. Следует понимать, что мы не можем жить только на ре-экспорте товаров, произведенных другими странами, мы не можем не развивать собственного производства, чтобы обеспечить свою экономическую безопасность. Мы не можем все время потреблять товары только низкого качества (основная часть населения). Торговля с Турцией также может сократиться, но можно и нужно продумать варианты привлечения инвестиций из Турции для открытия своего текстильного бизнеса на территории КР, что позволит вывести определенную часть теневого швейного бизнеса КР в легальное пространство.

В секторах, которые не будут конкурентоспособны, ожидается спад, но при желании и при правильном управлении можно будет воспользоваться возможностью привлечения ПИИ именно на развитие данных секторов или же развивать новое производство и постараться открыть новые рабочие места. Инвесторы, принимая решение, будут иметь в виду более широкий региональный рынок и вкладывать капитал в масштабные проекты. Это позволит использовать экономию в масштабных рамках, учитывать региональное разделение труда и даст возможность организации производства новых видов продуктов, которые ранее не производились в стране. Ожидается усиление конкуренции, что означает рост эффективности и снижение затрат.

Среди населения наблюдается смешанное восприятие последствий вступления КР в ТС. К примеру, на одном из обсуждений, работник рынка Карасуу сказал следующее: «Сегодня нам хорошо, мы покупаем из Китая дешевую бытовую технику, оборудование производства, покупаем ткань, фурнитуру, шьем и продаем в Казахстан, Россию. При ТС всего этого не будет, как будем жить и кормить семьи?».

Заявление неверно в том плане, что согласно дорожной карте КР запросила льготы для развития своей швейной индустрии. Предполагается, что КР будет просить введение на переходный период изъятий из Единого таможенного тарифа и других единых мер регулирования по отдельным чувствительным видам товаров и секторам. В перечень таких видов товаров для обсуждения в правительстве предлагается включить ткани и фурнитуру, необходимые для производства швейной продукции, медикаменты, отдельные виды оборудования и аппаратуры, минеральные удобрения, химикаты, пластмассы и другие виды продуктов. Что касается

дешевых товаров и производства, то я уже ранее озвучивала, что нам необходимо уже самим стараться развивать свое производство, повышать стандарты к качеству товаров.

По поводу обязательств КР в рамках ВТО, то следует отметить, что КР намерен вступить в ТС после того как Казахстан станет членом ВТО в 2014 году (согласно данным СМИ Казахстана, которые цитируют министра РК по делам экономической интеграции), Россия уже является членом ВТО. Это позволит КР параллельно пересмотреть свои тарифные обязательства и привести их в соответствие с ТС¹.

Социальные аспекты вступления в ТС

Условно пока можно сказать, что те группы лиц, которые работают в таких отраслях, как сельское хозяйство, текстильно-швейная индустрия и горнодобывающая отрасль, получают выгоды, так как данные сектора будут субсидироваться, и внешние инвестиции будут идти именно в эти отрасли для поддержки их экспортного потенциала. В связи с этим предполагается поддержка как городских, так и сельских жителей, чтобы они смогли работать на отрасли, ориентированные на экспорт, как текстильная отрасль и сельское хозяйство.

Также будет повышена административная значимость приграничных районов, этого будут требовать не только экономические реалии, но и необходимость обеспечения безопасности границ. Потому жители приграничных территорий, скорее всего, почувствуют на себе положительные эффекты.

По мнению автора, сильный удар примут на себя работники бюджетных структур: учителя, врачи и другие работники бюджетных учреждений, потому как поступления в бюджет могут сократиться в силу снижения сборов импортных пошлин, а цены на товары из третьих стран поднимутся в цене. Это самый острый и сложный вопрос, который нужно решить правительству. В случае отсутствия продуманных способов закрыть бюджетный дефицит следует повременить со вступлением в ТС.

На молодежь вступление в ТС может повлиять также двояко. С одной стороны, сельская молодежь может быть мотивирована выехать на заработки в качестве трудового мигранта. Средний возраст мигранта из КР – 29 лет², так как регулирование этих процессов будет облегченным и стандартизированным в странах ТС, что может, в свою очередь, привести к массовому оттоку рабочей силы и понизить производственный потенциал КР.

Последствия для работников крупных рынков не будут столь драматичными как это преподносится в настоящее время, так как по расчетам торговля с Китаем в целом не сильно сократится, к тому же Китай будет также искать варианты «обойти» барьеры ТС и будет стараться найти выгоду от взаимодействия с ТС через Кыргызстан³.

КР, при условии вступления в ТС, необходимо продумать и проработать с партнерами по ТС варианты сближения норм пенсионного законодательства, работать над решением вопроса пенсионного обеспечения мигрантов как в стране пребывания, так и просчитать пенсионную нагрузку в случае возвращения мигрантов в КР.

Превентивные меры

Защитные механизмы в случае возможных социальных конфликтов после вступления в ТС могут включать:

– широкомасштабную информационную кампанию для информирования широких масс о последствиях, о необходимых мерах для подготовки к негативным эффектам, и перспективах, которые открываются как для населения, так и для государства; когда люди знают возможные риски и перспективы, они могут более адекватно реагировать на сложные ситуации и не обязательно устраивать демонстрации;

– вступление и членство в ТС должно быть увязано с политикой развития регионов, необходимые будут программы развития областей на основе выявления сравнительных преимуществ той или иной области, которая могла бы реализовать свое преимущество за счет членства КР в ТС.

Вступление в ТС и ЕЭП и миграционные процессы

Вопрос изучения потоков и причин движения людей – очень интересный и многогранный. Если говорить о трудовой миграции граждан КР, то следует сказать, что его изучение зависит от принципиальной позиции и модели принимаемой Правительством КР в отношении данного вопроса. Необходимо определиться с миграционной политикой, и в связи с этим недавно высказывание нашего президента дает определённые стратегические ориентиры. Президент сказал: «думаю, в стране наступил такой переломный момент, когда нашим трудовым мигрантам нужно возвращаться домой»⁴. Понятно, что такое заявление главы государства ориентировано на среднесрочную и долгосрочную перспективы и является сигналом для общественных и политических сил.

Наши мигранты находятся в РК и РФ. ТС и ЕЭП позволят улучшить социальную защиту мигрантов, облегчить оформление документов на работу. На фоне таджиков и узбеков, которых также немало в РФ и РК, кыргызстанские мигранты получат улучшенные условия.

Первый пакет документов по формированию ЕЭП включал два соглашения, которые регулируют передвижение рабочей силы на территории стран ТС: 1) Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств и 2) Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов

их семей (разработаны до 1 января 2011 г. и введены в действие с 1 июля 2011 г.).

Различные источники дают разные цифры, но в целом условно можно сказать, что около 1 миллиона граждан КР являются трудовыми мигрантами в РК и РФ. Поэтому при вступлении в ТС Правительство КР будет стараться, с одной стороны, защитить права граждан КР, которые находятся за рубежом и трудятся в этих странах; с другой стороны, правительство будет стараться создать стимулы для трудоустройства граждан в КР. В случаях неприсоединения КР к ТС самый сильный удар будет по нашим мигрантам.

Выводы

Сильно не хватает информации о приоритетах при вступлении КР в ТС, о ходе переговоров с ЕЭК, в целом о деятельности межведомственной комиссии по присоединению КР в ТС – это касается не только простого населения, но и работников других государственных учреждений, в том числе и исследовательских структур как НИСИ КР⁵. Все официальные и неофициальные запросы в Министерство экономики КР остаются без ответа.

Основная цель вступления в ТС – это возможность для повышения качества человеческого капитала и модернизация экономики страны, понятно, что в краткосрочной перспективе будет достаточно тяжело осуществить ощутимые реформы. Нам нужно время и правильные решения и их реализация в приемлемые, но сжатые сроки. Поэтому возможные вопросы для обсуждения на переговорах включают предложения о предоставлении переходного периода для действия норм национального законодательства по вопросам технического регулирования; получения статуса свободных экономических зон для крупных приграничных оптовых рынков республики; и получение финансовой помощи для поддержки экономического развития, в частности для обеспечения развития инфраструктуры, а также по развитию ряда отраслей производства.

Необходимо вступать в ТС, но это должно быть постепенное и структурированное вступление; при вступлении нужно, чтобы интересы КР были учтены, в том числе при координации политики в отношении развития промышленности и других отраслей в странах ТС; это очень важно для сближения уровней развития;

Страна – это живой организм, где государство и общество функционируют как две части одного целого; нельзя их противопоставлять и сталкивать искусственно.

Рекомендации:

1. Продумать информирование населения о процессе присоединения к ТС, о плюсах и возможных рисках; усилить работу информационных

отделов аппаратов Президента и Правительства, а также отдельных ведомств.

2. Использовать трансферты мигрантов как инвестиционный ресурс.

3. В ряде интеграционных объединений существуют механизмы, принятые на уровне государственных соглашений, предусматривающие меры по поддержке развития и диверсификации экономики стран-членов, отстающих по своему уровню развития. Добиться такого механизма в рамках ТС/ЕЭП – это еще одна задача, которая стоит перед КР. Хочется надеяться, что разрыв в уровне развития со странами-членами ТС будет снижаться. Но такое развитие событий зависит от многих факторов. В том числе от наличия финансовых ресурсов, инвестиционного климата, готовности крупных и средних корпораций в странах ТС перенести какие-то свои промежуточные переделы, например, производство комплектующих в КР, заинтересованности инвесторов из других стран вкладывать капиталы в нашей стране, от состояния институтов в КР, их способности осуществлять соответствующую политику.

4. На стадии вступления в ТС следует обсудить предложение по проведению совместных консультаций между соответствующими министерствами и ведомствами КР и стран ТС по принятию согласованных стратегий развития промышленности и других отраслей с учетом выгод регионального разделения труда, создания производственных сетей, кластеров и т. д.

5. Также нужно активно участвовать в процессе разработки миграционной политики, параллельно с этим нужно усилить контроль над потоком трудовых ресурсов за рубеж.

6. Продумать механизмы стимулирования инвестиций из стран ТС в КР.

7. Продумать и рассчитать варианты поддержки работников бюджетных учреждений для ослабления единовременного эффекта от повышения цен.

Примечания

- ¹ Некрасов В. А. Киргизия перед выбором : Всемирная торговая организация или Таможенный союз? // Евразийская интеграция : экономика, право, политика. 2011. № 9. С. 98–104.
- ² Последствия вступления Кыргызстана в ТС и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны, ЕАБР, Центр интеграционных исследований : доклад № 13. СПб., 2013.
- ³ Фарук Ульген и Халук Левент. Экономические последствия вступления КР в ТС Беларуси, Казахстана и России: анализ воздействия. 23 ноября 2011 г.
- ⁴ Киргизский президент позвал гастарбайтеров на родину. 3 декабря 2013г. // Lenta.ru. – URL: [http://lenta.ru/news/2013/12/03/comeback/?fb_action_ids=10201503809529617&fb_action_types=og.recommends (дата обращения: 03.12.2013)].
- ⁵ Аналитический отчет НИСИ КР «Перспективы участия Кыргызской Республики в Евразийском Экономическом Союзе : плюсы и минусы», сентябрь. Бишкек, 2013.

УДК 327 (575.2)

ПРОЕКТ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КИТАЙ – УЗБЕКИСТАН И ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА КЫРГЫЗСТАНА

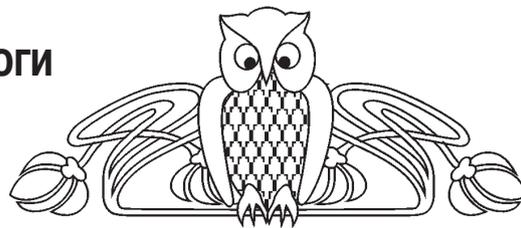
М. В. Лапенко

Саратовский государственный университет
E-mail: lapenkov@mail.ru

Одним из существенных недостатков экономики Кыргызстана на современном этапе является отсутствие развитой транспортной системы. В настоящее время главной целью кыргызского руководства является объединение юга и севера страны через железнодорожное сообщение, а также повышение транзитной роли республики в Центральной Азии.

В статье дается анализ одного из проектов создания новой железной дороги, которая должна соединить Узбекистан и Китай через Кыргызстан. Проекта, который вызвал неоднозначную реакцию со стороны экспертного сообщества и политиков КР. Автор также рассматривает ключевые аспекты транспортной стратегии Кыргызстана в современных условиях.

Ключевые слова: Центральная Азия, Кыргызстан, транспортно-логистические проекты, железная дорога, региональная безопасность.

New Project of the Railway Uzbekistan – China
and Transportation System of Kyrgyzstan

М. V. Lapenko

The most pressing problem of Kyrgyzstan's economy is the lack of well-developed transportation system. Actually the main issue for Kyrgyzstan is to connect the North and South parts of the country through railroad to promote the transit role of Kyrgyzstan in Central Asia.

This article analyzes the new railroad project – the railway Uzbekistan – Kyrgyzstan – China. This project performs a controversial reaction among the experts and the political leaders of Kyrgyzstan. Author also considers the key aspects of the transport strategy of Kyrgyzstan in modern conditions.

Key words: Central Asia, Kyrgyzstan, transport and logistics projects, railroad, regional security.

В последние годы страны Центральной Азии вовлечены в острую конкурентную борьбу как региональных, так и внерегиональных игроков. Развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве, активное включение в мировую торговлю в рамках ВТО меняют содержание и наполнение экономических связей, направленность грузопотоков, миграционных процессов, что, в свою очередь, актуализирует развитие транспортно-логистических проектов.

Вопрос о создании новых маршрутов в Центральной Азии встал особенно остро в связи с выводом коалиционных войск из Афганистана в 2014 г. и стремлением Соединенных Штатов «крепко связать» Афганистан и центрально-азиатские страны.

Введение в эксплуатацию новой железной дороги само по себе уже важное событие для экономического и политического развития, однако оно же может стать началом экономической экспансии, если в его строительстве и финансировании принимают участие иностранные государства, достаточно вспомнить историю строительства железных дорог России, Америки и Китая.

Исходя из современных подходов к проблемам национальной и региональной безопасности, реализация тех или иных транспортно-логистических проектов может либо способствовать укреплению региональных связей, либо привести к дальнейшему разрыву и противоборству в регионе, потере суверенитета, превращению в сырьевой придаток и углублению региональной дифференциации. Все эти процессы можно хорошо проследить на примере Кыргызстана.

Кыргызстан обладает крупными месторождениями каменного угля, сурьмы, ртути, урана, цинка, олова, вольфрама, свинца, редкоземельных металлов и других полезных ископаемых¹. Однако отсутствие необходимой инфраструктуры препятствует освоению данных ресурсов и развитию соответствующих добывающих отраслей промышленности. Серьезной проблемой является географическая замкнутость республики и коммуникационная изоляция. Особенно остро стоит необходимость соединения севера и юга республики развитой системой железнодорожного сообщения. Именно поэтому Кыргызстан крайне нуждается в строительстве новых железных дорог.

В конце января 2013 года президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О Национальной стратегии устойчивого развития КР на период 2013–2017 гг.»². Сама стратегия широко обсуждалась политиками и экспертами, а также активными представителями гражданского сектора.

Среди проектов, на которые президент сделал упор в сфере транспорта и коммуникаций, названа разработка двух ТЭО по строительству железных дорог. Первый – это давно обсуждаемый в СМИ проект строительства железнодорожной магистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан

(ККУЖД). Второй проект – это проект строительства железной дороги, которая соединит север и юг Кыргызстана.

Причем если второй проект направлен только на решение внутренних социально-экономических проблем, то первый проект рассматривается как часть реализации масштабного геополитического плана по формированию трансконтинентального транзита из Китая в Европу через территорию Кыргызстана.

Кыргызстан заинтересован в строительстве железной дороги «Китай–Киргизия–Узбекистан». По словам президента Алмазбека Атамбаева, она остро необходима республике. «Дорога не только свяжет север и юг, и тогда Кыргызстан станет единым, но и принесет транзитную прибыль», – считает Атамбаев³.

Проект строительства железной дороги ККУЖД рассматривается с конца 1996 года, когда в Ташкенте прошла первая встреча представителей Китая, Узбекистана и Кыргызстана по вопросам проведения исследовательских работ и составления предварительного ТЭО⁴.

Проектная линия железной дороги протяженностью около 268 км должна была выглядеть следующим образом: Кашгар (Китай) – Торугарт – долина Арпа – Ферганский хребет – Узген – Кара-Суу (Ошская область) – Андижан.

Китайская компания «Чайна роуд» подготовила ТЭО на строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан.

В проекте предусмотрено строительство пяти развязок, 48 тоннелей общей протяженностью 48,9 км, 95 мостов общей протяженностью 20,9 км с максимальной высотой 50 м. Также планировалось строительство перевалочной станции, на которой будет осуществляться перестановка вагонов с колеи шириной в 1 520 мм на колею шириной в 1 435 мм.

Данный железнодорожный проект вызвал шквал критики со стороны ряда политиков и общественных деятелей Кыргызстана, считающих, что эта дорога, прежде всего, необходима Китаю, который не станет решать национальных задач Киргизии без особой выгоды для себя.

Эксперт по инфраструктурным проектам Центральной Евразии, автор книги «Строительство транскыргызской железной дороги Чуй – Фергана», Кубат Рахимов в интервью одной из местных газет назвал проект «геополитическим мифом» и «прогибом» властей Кыргызстана перед Китаем.

Эксперт считает, что «в таком виде железная дорога разделит Киргизию на юг и север и усугубит противостояние регионов», что же касается «мифических доходов от транзита грузов», то Кубат Рахимов полагает, что «они не покроют расходов от строительства дороги в высокогорных условиях». «Кыргызстан на трансконтинентальном транзите по этой железнодорожной ветке быстро заработать не сможет. Максимум, что в

реальности может дать дорога, – локальные перевозки внутри региона, которые своими скромными объемами не способны обеспечить окупаемость строительства этой железной дороги. Ни о каком трансконтинентальном железнодорожном транзите из Китая в Европу через Кыргызстан речи быть не может. На данном маршруте, по словам эксперта, будет восемь госграниц, две процедуры смены колесных пар: сначала на кыргызско-китайской границе, а затем на туркменско-иранской, и еще две паромные переправы в Турции через озеро Ван и через Босфорский пролив»⁵.

Руководитель Института стратегического анализа Сергей Масаулов в интервью «Независимой газете» высказал следующую точку зрения, что «если исходить из интересов Киргизии и Узбекистана, то потребности в этой дороге нет. Ни Киргизия, ни Узбекистан не производят товаров, которые были бы востребованы на рынках Азии, кроме минеральных ресурсов и углеводородов. А это уже интересы Китая». Пекин последовательно реализует энергетические и инфраструктурные проекты. «Китай прокладывает газопроводы, строит железные дороги и автотрассы. Вся эта инфраструктура в оптимальном режиме поможет ему экономически использовать Центральную Азию для своих нужд и потребностей», – отметил Масаулов⁶.

Несмотря на то, что Кыргызская Республика действительно остро нуждается в реализации новых транспортно-логистических проектов, проект не был поддержан и со стороны правительства, возможно, в силу того, что многие аспекты (такие как финансирование, стандарты, геополитические последствия) носили неопределенный характер и не были полностью согласованы сторонами.

Важным вопросом являлся вопрос о финансировании строительства данной магистрали и ее принадлежности. Собственными бюджетными средствами КР не обладает, поэтому финансирование должно было идти с китайской стороны. Стоимость строительства ККУЖД, по приближительным расчетам, должна была составить порядка \$2 млрд, доход Кыргызстана от транзита ежегодно мог составить \$200 млн. Китай мог взять на себя расходы по строительству железной дороги, но взамен потребовать допуска к киргизским месторождениям серебра, алюминия, меди и угля.

Вопрос о стандарте железнодорожной колеи для новой дороги долгое время оставался ключевым. Кыргызстан придерживался сохранения собственной, существующей колеи, так называемого «русского стандарта», где ширина полотна составляет 1520 мм – это общий для всех постсоветских государств стандарт, а также для Словакии, Финляндии, частично Афганистана и Ирана. Китай изначально настаивал и добивался того, что дорога должна иметь европейскую ширину колеи – 1435 мм.

Для регионального сотрудничества и региональной системы безопасности важно сохранить общие стандарты, а возможность введения иных

стандартов могло вызвать резкую реакцию со стороны Москвы. «Появление в Киргизии колеи китайского стандарта автоматически ставит под вопрос безопасность. Не только киргизской, но и российской. Ее уровень понизится в Сибири, Поволжье и на Урале», – сказал «Независимой газете» руководитель Ассоциации приграничного сотрудничества Александр Собынин. По его мнению, это вопрос не просто китайско-киргизских или киргизско-российских отношений, это «вопрос будущего самой России»⁷.

Еще один сложный аспект – это характер двусторонних взаимоотношений Кыргызстана и Узбекистана. Сложные политические отношения двух республик повлияли на экономический по своей сути проект сквозного китайско-киргизско-узбекского железнодорожного сообщения. Одно время Бишкек даже вел переговоры с Пекином по поводу возможной замены в проекте Узбекистана на Таджикистан.

В процессе обсуждения проекта ККУЖД анализировались и возможные геополитические изменения. Присутствие Китая в центрально-азиатской части постсоветского пространства постепенно усиливается, и происходит это в обход механизмов ШОС, пребывающей пока в институционально рыхлом состоянии и имеющей ряд внутренних противоречий.

Цель проекта – соединить Узбекистан и Китай через кыргызстанскую территорию. Сейчас все узбекские и таджикские грузы по железной дороге идут транзитом через Казахстан (железные дороги Казахстана АО НК «Казахстан темир жолы»), который имеет два действующих стыка с Китаем – Достык – Алашанькоу и Коргас – Хоргос. Таким образом, Китай уже имеет выход в Казахстан с двумя переходами.

При этом Пекин готов построить еще одну ветку в центрально-азиатском направлении, которая, с одной стороны, свяжет Узбекистан и Кыргызстан с его северными провинциями, а с другой стороны, даст выход на Узбекистан и далее к Каспию, в Иран, кроме того, создаст короткий маршрут в Европу, который сократит время транспортировки грузов.

Данная железнодорожная магистраль крайне важна для Узбекистана, поскольку он изолирован от Мирового океана, другими словами, он нуждается в свободном выходе к Тихому океану и рынкам стран АТР, кроме того, в китайско-киргизско-узбекском транспортном проекте у него есть конкретные интересы.

К примеру, в узбекском Асаке (Андижанская область) находится автозавод «Uz-Daewoo», порядка 80% комплектующих для которого поставляются из Южной Кореи. Трансьевроазиатская железная дорога через порт Ляньюньган на восточном побережье Китая свяжется, в частности, с корейским портом Пусан, что благоприятно отразится на объемах и стоимости поставок в Узбекистан.

Кыргызстан, являясь в данном случае объектом геополитики, с помощью данного проекта ничего особо не приобретает, кроме того, что усиливает свою транзитную роль. При этом Кыргызстан со своей стороны предоставляет территорию Китаю на 50 лет для строительства дороги и освоения месторождений, таким образом, рискует потерять часть суверенитета и превратиться в аграрный придаток.

Кроме того, по мнению большинства экспертов, Кыргызстан, к сожалению, пока еще слаб как субъект геополитики и без поддержки евразийских союзников ничего не сможет противопоставить экономической экспансии Китая. Железная дорога – это инструмент, это инфраструктурная проекция экспансии. Приоритет же развития Кыргызской Республики – это соединение железной дорогой севера и юга.

В силу данных обстоятельств реализация проекта затянулась. Президенты Кыргызстана и Узбекистана Алмазбек Атамбаев и Ислам Каримов должны были принять окончательное решение по строительству железной дороги «Китай–Кыргызстан–Узбекистан» на саммите ШОС 12–13 сентября 2013 в Бишкеке. Кроме того, ожидалось, что проект соглашения о строительстве железной дороги Китай – КР – Узбекистан будет подписан в рамках визита председателя КНР Си Цзиньпина в Кыргызстан.

Саммит прошел. Визит председателя КНР состоялся. Однако подписание проекта было отложено на неопределенный срок. Между тем первый вице-премьер-министр Джоомарт Оторбаев рассказал «Вечернему Бишкеку», что в рамках визита данный вопрос обсуждался, причем на высоком уровне. «В настоящее время разрабатывается бизнес-модель строительства железной дороги. Это очень масштабный проект, поэтому требуется время», – сказал он⁸.

Что могло стать причиной отказа от проекта, о котором на протяжении последних нескольких лет крайне оптимистично отзывались некоторые высокопоставленные чиновники КР?

Во-первых, это жесткая критика экспертного сообщества, которое крайне негативно отнеслось к проекту строительства;

во-вторых, китайский вариант не решал главной проблемы Кыргызстана – соединение севера и юга страны;

в-третьих, повлияла позиция России, стратегическим интересам которой могла бы угрожать данная железнодорожная магистраль;

в-четвертых, наличие альтернативных проектов, например, со стороны официального Тегерана, иницилирующего прокладку трассы Иран–Афганистан–Таджикистан–Кыргызстан–Китай;

в-пятых, ориентир Кыргызстана на евразийскую интеграцию и реализацию транспортно-логистических проектов в рамках ТС, ЕврАзЭС и ОДКБ.

Амбициозным проектам Пекина в железнодорожной сфере противостоят другие проекты.

Так, развитие транспортную инфраструктуру Кыргызстана возможно и при участии России и Казахстана. Данный вопрос рассматривался на заседаниях ШОС, ОДКБ и на 59-м заседании Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества (в конце ноября 2013 года). Железнодорожные транспортные коридоры на данный момент являются также приоритетным направлением для реализации транзитного потенциала в странах ЕврАзЭС.

В конце мая в Бишкеке на очередном саммите Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) рассматривался вопрос о строительстве железнодорожной магистрали, которая прошла бы из России в Казахстан и Кыргызстан и далее через Таджикистан вышла в Туркмению, Афганистан и Иран, чтобы закончиться на берегах Персидского залива.

О том, что железнодорожный вопрос будет внесен в повестку дня саммита, сообщил 27 мая президент КР Алмаз Атамбаев. По его словам, дорога Россия–Казахстан–Киргизия–Таджикистан–Иран–Персидский залив. «Это такая трансжелезная дорога, которая необходима в принципе всем», – подытожил Атамбаев⁹. Предварительно вопрос о «трансжелезной» дороге президент Киргизии обговорил со своим таджикским коллегой Эмомали Рахмоном, который, возможно, является наиболее заинтересованной в данном проекте стороной.

Как известно, в настоящий момент единственная железная дорога, связывающая Таджикистан с внешним миром, проходит через узбекскую территорию, и в Ташкенте не упускают ни малейшей возможности лишней раз продемонстрировать тесную зависимость. Узбекские власти периодически задерживают грузы, предназначенные для таджикских предприятий, в том числе для алюминиевого завода – крупнейшего в республике. На узбекско-таджикской границе тормозятся вагоны с ГСМ, сельскохозяйственной техникой и, конечно, с оборудованием для строящейся в Таджикистане Рогунской ГЭС, против возведения которой категорически возражают в Ташкенте.

По итогам саммита генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа подтвердил, что вопрос о строительстве упомянутой «трансзиатской» магистрали был внесен в повестку дня. «Обсуждался вопрос о возможности строительства железной дороги Россия–Казахстан–Кыргызстан–Таджикистан, – сообщил Бордюжа. – Этот вопрос напрямую не касается задач Организации Договора о коллективной безопасности, но, тем не менее, президенты уделили внимание вопросу, договорились о том, что дадут поручения своим соответствующим ведомствам, а конкретно российским железным дорогам, железным дорогам Казахстана, соответствующей структуре Кыргызстана, с тем, чтобы они проработали вопрос о целесообразности и экономической и финансовой возможности реализации этого проекта».

В Бишкеке и Душанбе делают упор на то, что грандиозный железнодорожный проект будет выгоден в равной степени всем его участникам. Но здесь необходимо учитывать, что финансировать его будут, по сути, только две страны – Россия и Казахстан, а в дальнейшем, если проект все же станет реальностью, к ним, возможно, присоединятся и Иран с Туркменией.

«Сейчас мы ведем совместно с Киргизией и Казахстаном работы по формированию проекта строительства новых железных дорог в Киргизской Республике, – сообщил президент компании РЖД Владимир Якунин. – Вопрос о развитии транспортной сети КР был поставлен во время встречи глав стран, входящих в ШОС, где и было принято решение начать, пока предварительную, работу по этому вопросу».

В отличие от проекта ККУЖД данные предложения вызывают одобрение со стороны экспертного сообщества. В частности, например, политолог Токтогул Какчекеев оценил данные планы как «показатель того, что за многие годы союз наших народов укрепился и развивается. Соответственно помогают этому и транспортные узлы. На территории Киргизии их может быть несколько. Железная дорога Китай–Кыргызстан–Узбекистан – стратегическое направление для будущего театра военных действий со стороны Китая. Дорога же, которую собираются строить Россия и Казахстан – отвечает нашим потребностям единения и развития республики, а также поможет интеграции в Таможенный союз. Поможет ликвидировать деление страны на Север-Юг. Отвечает она интересам как России, так и Казахстана, Киргизии – стратегически и экономически. Словом, это хорошее решение»¹⁰.

В свою очередь Соединенные Штаты поддерживают проект по строительству железной дороги между Таджикистаном и Туркменистаном через территорию Афганистана, который планируется реализовать к 2015 году.

Министерство обороны США оказывает помощь Афганистану в создании железнодорожной инфраструктуры, которая соединит его с соседними государствами Центральной Азии. В ежеквартальном докладе, подготовленном для Конгресса США аппаратом специального инспектора по проектам реконструкции в Афганистане (SIGAR), говорится, что «Афганистан в настоящее время не располагает ни сколь-либо значимой железнодорожной сетью, ни опытом ее эксплуатации, ни каким-либо собственным потенциалом в этой области», но «государства-доноры надеются, что ситуация изменится в связи с появлением Афганской железнодорожной администрации, создание которой было одобрено кабинетом министров в сентябре 2012 года», кроме того, также подчеркивается, что «Центральное командование ВС США оказывает содействие в разработке “Национального плана развития железных дорог”, в котором будут представлены

рекомендации по созданию железнодорожной инфраструктуры»¹¹.

«Развитие транспортных сетей в Афганистане является одним из способов осуществить интеграцию Афганистана в более широкий региональный контекст, что имеет огромную важность в свете планируемого вывода союзных войск из Афганистана после 2014 года», – заявил в интервью НЛ «Шелковый путь» эксперт по Центральной Азии из Института международных исследований при Чарльзском университете в Праге Ян Шир, который является также научным сотрудником Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джона Хопкинса в Вашингтоне¹².

По данным исследования, подготовленного по заказу министерства общественных работ (МОР) Афганистана и Азиатского банка развития (АБР), будущая афганская железная дорога протяженностью 1100 километров станет северным железнодорожным коридором.

Северный железнодорожный маршрут в Афганистане обеспечит для Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана выход на мировые рынки через иранский порт Бендар-Аббас, а также «создаст новый железнодорожный коридор для государств Центральной Азии, который будет свободен от влияния со стороны России и обеспечит им такой выход на мировые рынки, которого раньше никогда не было»¹³.

«Объемы торговли с регионом ЦАРЭС, в особенности с Ираном, Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном, значительно возрастут. Еще более важен тот факт, что этот новый маршрут создаст совершенно новый транспортный коридор между Центральной Азией и мировыми рынками через морские порты на побережье Индийского океана, минуя Россию и СНГ. Протяженность этого маршрута будет вдвое меньше маршрута, который традиционно используется этими странами и идет через Россию к побережью Балтийского моря», – подчеркивается в исследовании.

В этой связи можно предположить, что в транспортно-логистических проектах Вашингтона для Центральной Азии нет кыргызской повестки, что, возможно, будет сказываться на региональной интеграции и безопасности.

Таким образом, исходя из существующих на данный момент проектов, можно сделать вывод о том, что руководство КР пытается найти выход из транспортной изоляции, в которой Кыргызстан оказался после распада Советского Союза и максимально использовать транзитный потенциал республики. Не менее важной является задача объединения севера и юга КР в единую транспортную систему и сохранения суверенитета.

В рамках развития транзитных возможностей КР Президент А. Атамбаев не исключает вариант строительства железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан. Кроме того, он также стремится актуализировать обсуждение проекта строительства железной дороги из России к Персидскому

заливу. На основании этого можно сделать вывод о том, что в Бишкеке планируют сделать КР главным транспортным узлом Центральной Азии, где пересекались бы пути с востока на запад и с севера на юг.

В век глобализации и усиления регионального соперничества Кыргызстан, как и многие другие постсоветские республики находится в условиях геополитического выбора.

Однако для центрально-азиатских стран вопрос геополитического выбора является практически невозможным, поскольку из-за географических особенностей Центральная Азия является транзитным регионом.

В силу этого для каждой центрально-азиатской республики важно диверсифицировать свою транспортную систему и обеспечить доступ к основным морским портам. Односторонняя и однозначная позиция будет ограничивать экономические возможности и республик (в данном случае – Кыргызстана), и региона Центральной Азии в целом.

Примечания

- ¹ Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период с 2013 по 2017 гг. URL: http://www.president.kg/files/docs/nsur_rus..doc (дата обращения 15.10.2013).
- ² Там же. С. 110.
- ³ *Цит. по:* Китайская дорога разрежет Киргизию пополам. Инфраструктурные проекты Пекина затрагивают безопасность России URL: <http://politobzor.net/show-4533-kitayskaya-doroga-razrezhet-kirgiziyu-popolam-infrastrukturnye-proekty-pekina-zatragivayut-bezopasnost-rossii.html> (дата обращения 12.10.2013).
- ⁴ *Рахимов К.* Строительство транскыргызской железной дороги —Чуй – Фергана URL: <http://ceatl.com/wp-content/uploads/2012/12/%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-22-%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F-101.pdf> (дата обращения: 10.10.2013).
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Цит. по: Панфилова В.* Китайская дорога разрежет Киргизию пополам. Инфраструктурные проекты Пекина затрагивают безопасность России. URL: www.ng.ru/cis/2013-09-10/7_kirgizia.html (дата обращения: 12.10.2013).
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Цит. по: Бегалиева Н.* Документ о железной дороге не подписан главами Китая и Кыргызстана. URL: http://www.vb.kg/doc/243186_dokument_o_jeleznoy_doroge_ne_podpisan_glavami_kitaia_i_kyrgyzstana.html (дата обращения: 15.09.2013).
- ⁹ *Бологов П.* Из варяг в персы. В ОДКБ размечтались о «трансжелезной» дороге к берегам Индийского океана. URL: www.lenta.ru/articles/2013/05/29/railway (дата обращения: 15.09.2013).
- ¹⁰ *Цит. по: Железные дороги Киргизии могут перейти под контроль России и Казахстана* URL: www.nr2.ru/asia/471909.html (23.11.2013).
- ¹¹ SIGAR. Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. January 2013. P. 145. URL: <http://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2013-07-30qr.pdf> (дата обращения: 13.09.2013).
- ¹² *Цит. по:* Афганизация Центральной Азии: США помогут создать железнодорожную инфраструктуру, которая создаст коридор, «который будет свободен от влияния со стороны России». URL: www.russianskz.info/politics/4248-afganizaciya-centralnoy-azii-ssha-pomogut-sozdat-zheleznodorozhnyu-infrastrukturu-kotorya-sozdast-koridor-kotoryy-budet-svoboden-ot-vliyaniya-sostorony-rossii.html (дата обращения: 13.09.2013).
- ¹³ Там же.

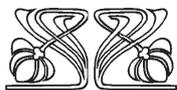
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94–21 (470.44) |17/ 18|

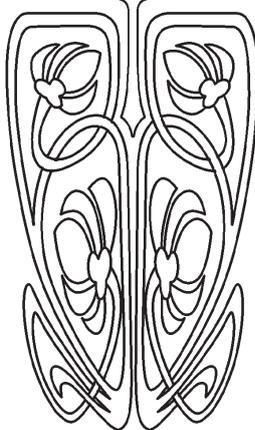
КУЛЬТУРНЫЕ НОВШЕСТВА В СРЕДЕ КУПЕЧЕСТВА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. С. Майорова

Саратовский государственный университет
E-mail: majorova-as@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В XVIII – начале XIX в. в среде русского купечества тяготение к культурным новациям проявлялось в том, что богатые купцы стремились приобщиться к европеизированной культуре дворянства. В городах Саратовской губернии в тот период только вольские купцы благодаря своему богатству могли воспринять некоторые стороны дворянской культуры.

К 50-м гг. XIX в. в среде саратовского купечества оформились новые культурные приоритеты, у купцов проявляется стремление к обеспечению своим детям высшего образования. Наиболее богатые из них начали выступать инициаторами создания новых элементов культурного потенциала и культурно-коммуникативных центров губернского города. Возникновение мемуаротворчества в купеческой среде является показателем осознания самооценности человека своего сословия.

Ключевые слова: саратовское купечество, культурные новшества, купеческие мемуары, культурно-коммуникативные центры, интеллектуальные кружки.

Cultural Innovation Among Saratov Province Merchants in Late XVIII – First Half of the XIX Century

A. S. Mayorova

Late XVIII and early XIX centuries saw the attraction to cultural innovations among Russian merchants manifested in the fact that wealthy merchants sought to join the westernized culture of the nobility. Of all the cities of Saratov province of that period only Volsk merchants could acquire some aspects of aristocratic culture due to their wealth.

By the middle of XIX century new cultural priorities of Saratov merchants took shape; the merchants now were willing to give their children higher education. The richest of them initiated the creation of new elements of the cultural potential and cultural and communication centers of the provincial town. The popularity of memoir writing among the merchants is an indicator of the growing awareness of the intrinsic value of human of their estate.

Key words: Saratov merchants, cultural innovation, merchant memoirs, cultural and communication centers, intellectual circles.

Город сформировался как особая целостность, особый отдельный мир. На протяжении всей своей истории город не только функционировал, он оказывал преобразующее воздействие на развитие отношений в обществе и организацию социокультурного пространства. Основная цель города – обеспечение сообществу оптимальных условий жизнедеятельности, труда, общения, отдыха и т. п. Он отличается от других типов поселений своей особой структурой и значительным по количеству и плотности населением. Специфику города определяют не только социально-топографические особенности и хозяйственные занятия населения, но также и образ жизни, быт, производственный и общественный уклад, формы общежития и собственная культура.

И. И. Свирида называет города «локусами, которые служат точками сгущения культурной энергии, пространством бытования различных искусств, определяют векторы культурной ориентации»¹. В

городах сосредоточены не только товарообмен и товарное производство, но также институты власти, религиозного культа и культуры. Среди населения городов встречаем социальные группы, которые определяют специфику городской среды. Самая заметная среди них, которая характерна для русских городов уже на ранних этапах их существования – это купечество. Несмотря на то, что этот социальный слой играл очень важную роль в экономике России, его культурные ориентиры в течение многих веков не обладали самостоятельностью.

Историки обычно указывают на то, что в XVIII – начале XIX в. основная масса русского купечества оставалась в сфере народной культуры. Те же из них, кто достигал высокого уровня благосостояния, стремились приобщиться к «европеизированной культуре дворянства»². Однако внимательными исследователями уже отмечены перемены в культурном облике русского купечества, которые были результатом внутренних процессов, происходивших в его среде. А. В. Семенова и А. И. Аксенов подчеркивают, что вторую половину XVIII – первую половину XIX в. можно охарактеризовать как переломный период для менталитета русского купечества. Основным показателем этого перелома они считают ясно обнаружившуюся тенденцию к росту его образовательно-культурного уровня. В это время, по их мнению, «шел процесс создания национального типа купца-предпринимателя, озабоченного не только личным обогащением, но и идеями общественного служения, гражданского долга...»³ В первом томе коллективной монографии «Очерки русской культуры XIX века» В. Н. Козляков и А. А. Севастьянова, анализируя культурную среду провинциального города первой половины XIX в., сообщают очень интересный факт – участие купечества в культурной жизни губернского центра. Членами кружка Н. И. Второва, который существовал в Воронеже в 1848–1857 гг., были купцы И. А. Придорогин и А. Р. Михайлов. Причем второй из них охарактеризован как один из самых просвещенных воронежских жителей⁴.

В трудах историков-регионоведов пока можно отметить первые шаги в изучении культурного облика купечества Саратовской губернии, а также новаций, которые проникали в его среду. При этом следует отметить, что вопрос о культурных новшествах, носителем которых были представители купечества губернии, затрагивался в ряде работ дореволюционных историков. Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский писали о купцах, которые являлись первыми книгопродавцами в Саратове, а Н. Ф. Хованский – об организаторах купеческих клубов⁵. В коллективных трудах «Очерки истории Саратовского Поволжья» и «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период»⁶ проблемы культурного облика обитателей городов и, в частности, купечества не освещались. Диссертация В. В. Кузнецова является первым

специальным исследованием, в котором рассматриваются различные стороны жизни купцов малых волжских городов Саратовской губернии⁷.

Отдельная глава в ней отведена духовной и общественной жизни купечества малых городов Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX в.⁸ При рассмотрении духовной жизни представителей этого сословия основное внимание автор уделяет изучению характера распространения среди них старообрядчества. Таким образом, он акцентирует внимание на традиционных аспектах сословной культуры. В соответствии с темой своей работы Кузнецов не привлекает материалов о духовной жизни купцов губернского города. Несколько по-иному он рассматривает эту проблему в специальной статье об участии волжского уездного купечества в общественной жизни губернии⁹. В ней Кузнецов представил материал по двум вопросам – об участии купцов в органах сословного и городского самоуправления и о характере их благотворительности. В данном случае автор использовал сведения не только по уездным городам губернии, но и по Саратову. Заслуживает внимания его наблюдение о том, что в первой половине XIX в. появились светские черты в купеческой благотворительности. Купцы оказывали финансовую поддержку не только Церкви, но также и медицинским, и образовательным учреждениям¹⁰.

Существуют также работы, посвященные купеческим семьям, которые оставили заметный след в истории культуры Саратова. В статье М. В. Булычева и Е. К. Максимова представлены ценные сведения о купцах Вакуровых – Дмитриии Максимовиче и его сыне Василии Дмитриевиче¹¹. Они показывают значительные заслуги Вакуровых в распространении просвещения в губернском городе. Н. В. Самохвалова смогла выявить интересные факты, касающиеся деятельности купца Франца Осиповича Шехтеля, его брата Осипа Осиповича и их близкого родственника купца Тимофея Ефимовича Жегина. Они активизировали театрально-концертную жизнь Саратова в середине XIX в.¹² В обеих статьях убедительно показано, что уже в первой половине XIX в. в купеческой среде появились образованные люди, которые были ориентированы на деятельность в сфере образования и культуры.

Источниками для изучения состава саратовского купечества и его сословной культуры являются статистические описания и заметки статистиков первой половины XIX в., в которых можно найти сведения о численности представителей этого сословия по городам, а иногда – и характеристики их социокультурного облика. Самая ранняя фиксация сведений такого рода содержится в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», составленном в 1807 г. Оно было опубликовано совсем недавно¹³. К сожалению, в более позднем статистическом описании губернии, опубликованном А. Ф. Лео-

пользовым в 1839 году, имеются только численные данные о купечестве городов по гильдиям¹⁴. Они позволяют получить некоторое представление о степени благосостояния купцов того или иного города. Общеизвестно, что культурные новшества становились ориентирами в жизни представителей именно богатого купечества. Поэтому судить о степени их распространения среди купцов можно на основании данных об их благосостоянии. Очень интересные сведения о культурных традициях и новациях в среде купечества Вольска содержатся в очерке Н. И. Костомарова «Поездка в г. Волгск», составленном им в период работы в саратовском губернском статистическом комитете¹⁵.

Существенными достоинствами среди источников, которые помогают представить новшества в сословной культуре купечества губернии, обладают свидетельства мемуаристов. Довольно значительное место уделено описанию купеческих нравов в губернии чиновник К. И. Попов. В связи со служебными поручениями он совершал поездки по уездным городам, бывал среди тамошних купцов, оценивал характер их общения с представителями губернской администрации. Попов высказывал свои суждения о купеческом обществе разных городов, в том числе и Саратова¹⁶. Описания большинства из них даны в воспоминаниях петербургского чиновника В. И. Беккера¹⁷. Его впечатления о внешнем облике Вольска позволяют судить о том, какие стороны столичной культуры были восприняты вольскими купцами в первой половине XIX в.

Особую ценность для изучения культурных новаций в купеческой среде могут представлять мемуары и дневники, которые были результатом творчества саратовских купцов. К настоящему времени выявлен только один такой дневник, основное содержание которого относится к периоду до 1865 года. Его рукопись хранится в Государственном архиве Саратовской области, при описании она получила заголовок «Дневник Д. М. Вакурова»¹⁸. В данном случае не были учтены наблюдения саратовских архивистов начала XX века. Дело в том, что при поступлении этой рукописи на хранение в Саратовскую ученую архивную комиссию в 1909 г. член комиссии В. И. Серебряков установил на основании ее содержания, что записи в дневнике внесены двумя авторами – Дмитрием Максимовичем Вакуровым, а затем, после его смерти – его сыном Василием Дмитриевичем¹⁹. Серебряков опубликовал фрагменты из этого дневника, в которых зафиксированы метеорологические наблюдения авторов²⁰.

Характеристика купечества городов Саратовской губернии впервые дана в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии», составленном в 1807 г. по инициативе саратовского губернатора П. У. Белякова (впервые оно было опубликовано совсем недавно)²¹. Следует иметь в виду, что в данном описании нет Николаевска, Новоузенска и Царева. Эти города были

образованы в 1836 г.²² а в 1851 г. Николаевский, Новоузенский и Царевский уезды были присоединены к Самарской и Астраханской губерниям²³. О купечестве губернского города в нем сказано следующее: «Состояние здешних купцов крайне посредственное: знатных капиталистов нет, настоящих купцов, издревле род свой ведущих, весьма мало, а большая часть из новоприписавшихся в купеческое звание в недавних годах». Для нас наибольший интерес представляет замечание авторов этого документа о том, что даже самые зажиточные купцы Саратова имеют доходы, «доставляющие им прожитие, хотя и незнающее, но довольное по их недалекому вкусу, мало чем крестьян зажиточных превышающему...»²⁴. Это означает, что образ жизни самых богатых купцов Саратова мало отличал их от богатых крестьян.

О вольских купцах сказано совершенно по-другому: «Промышленность волских купцов возникла с открытия города. Удобность местоположения города, выгодная водяная коммуникация по Волге, избыток граждан по землям и наипаче отличное рачение их к торговле и промыслам привели город в самое цветущее состояние»²⁵. Ко времени составления «Топографического описания» во всей губернии только купцы этого уездного города выделялись своими успехами в торговле и богатством. Другие города, включая и Саратов, не могли похвалиться энергично обогащавшимся купечеством. О камышинских купцах в описании сказано только то, что среди них «есть достаточные»²⁶. Почти во всех остальных городах торговлей занимались далеко не все, кто записался в купечество. Купцам и мещанам Хвалынска в данном источнике посвящены следующие высказывания: «Купцы и мещане, быв в сие звание не по своей воле, но при переименовании села городом более по необходимости обращены, не имеют прямо с сим званием соответствующих капиталов и промыслов... Все граждане вообще недостаточны, богатых очень мало, и то единственно приписавшиеся в купечество из крестьян...»²⁷ Купцы и мещане Кузнецка также «не по своей воле» были записаны в эти сословия, при этом они не имели ни капиталов, ни «наклонности к торгу»²⁸. О сердобских купцах сказано то же самое, с уточнением – «промысел купеческий не более 10 человек отправляют»²⁹. Благосостояние царицынских и петровских купцов, видимо, даже не вызывало желания сказать что-либо на этот счет. О царицынских купцах упоминается в связи с тем, что в городе есть каменные лавки в количестве 28, и только в 5 из них торгуют местные купцы³⁰. О петровских купцах и мещанах – что они имеют собственные лавки в количестве 16³¹. В Аткарске из записанных «по необходимости» в купцы жителей «в торгах никто не обращается»³².

Сведения о купцах из «Топографического и исторического описания Саратовской губернии» показывают, что в большинстве городов в их среде невозможно было встретить претензий на какие-

либо подражания традициям европеизированной дворянской культуры. Однако исключение в этом отношении благодаря своему богатству составляли вольские купцы, которые смогли украсить свой город каменными особняками. Значительный импульс их быстрому обогащению, а также и каменному строительству в Вольске, был придан откупной деятельностью его именитого гражданина В. А. Злобина. Она продолжалась с начала 90-х гг. XVIII в. до 1812 г. В течение этого периода Злобин почти постоянно жил в Петербурге³³.

Богатый откупщик, в конце концов, разорился, его имущество было продано с торгов, а на жителях города остался огромный долг (городское общество выступало поручителем по обязательствам Злобина)³⁴. Однако богатейшие вольские купцы сохранили свои капиталы, и размах их торговых операций не претерпел изменений. Есть основания полагать, что связи вольских купцов с Петербургом продолжали существовать и в дальнейшем, после разорения Злобина. Столичный чиновник В. И. Беккер, побывавший в Саратовской губернии в 1842 г., с удивлением описывает внушительные размеры вольских храмов. Особо внимания заслуживает его замечание о том, что новый православный собор в Вольске имел «удивительное сходство с петербургским Преображенским собором»³⁵. Сходство этой церкви со столичным собором – очень интересный факт. Он говорит о том, что и тогда существовали связи вольских богатых купцов с Петербургом и что они воспринимали в качестве образцов современную им петербургскую архитектуру.

В начале XIX в. в Вольске было 23 каменных дома, что по тем временам было редкостью для уездного города³⁶. Каменный дом воспринимался тогда не только как символ «регулярного города», но и как признак городского образа жизни³⁷. Специалисты считают, что во второй четверти XIX в. в городе было построено большинство зданий, которые и ныне украшают его центр, причем все они обладают явными признаками классицизма³⁸. Каменным сооружениям «вторили» деревянные особняки. Сдержанные и благородные формы заняли господствующее положение в архитектуре этого уездного города. Новые для провинциальных городов начала XIX в. художественные вкусы, как видим, отразились и в созидании храмов, и в строительстве особняков. В этой области купцы Вольска выступали сторонниками новаций.

В губернском городе процесс усвоения купечеством дворянской культуры, вероятно, начался позднее. Об этом можно судить на основании мемуаров саратовского чиновника К. И. Попова. По его словам, в 20-е гг. в губернском городе «дворянство как-то от купечества отделялось», на балах редко бывали жены и дочери купцов, знакомства молодежи из купеческих семейств с дворянами не поощрялись. В то же самое время «иные купцы желали и искали случая, чтобы своих дочерей отдавать замуж за дворян (но не за простых чиновни-

ков) и сыновей женить на их дочерях, чтобы иметь крепостных людей и деревеньку с крестьянами на их имена...», но таких купеческих семейств было мало»³⁹. Подобные явления хорошо известны по источникам из других городов России.

К 50-м гг. XIX в., по замечаниям Попова, саратовские купцы уже активно использовали многие стороны дворянской культуры: «В настоящее время купеческий класс превзошел дворянский, как в образовании детей своих, в светской жизни, так и в высшей степени роскоши в нарядах; купцы щеголяют экипажами, лошадьми, упряжью, наемною прислугою и имеют, вместо кухарок, поваров; детей своих учат танцам, музыке, пению и иностранным языкам. Дома их, как по наружному, так и по внутреннему устройству отличаются особенною чистотою в мебелировке комнат. Живут с большим комфортом и для славы своей не жалеют ничего»⁴⁰. Как видим, в описании преобладают внешние признаки, которые отличали в глазах современников сословную культуру дворянства в первой половине XIX в. Мемуариста более всего интересовали новации в сфере повседневной жизни и отчасти – в области образования и воспитания.

Однако не только тяготение к усвоению привлекательных сторон дворянской культуры можно увидеть в 50-е гг. XIX в. в среде саратовского купечества. К тому времени здесь уже оформились новые культурные приоритеты, купцы начали выступать инициаторами создания новых элементов культурного потенциала и культурно-коммуникативных центров губернского города. В качестве нового ориентира в купеческой среде проявляется стремление к обеспечению своим детям высшего образования. Осуществить это могли только самые состоятельные из купцов, и потому такие факты были редкими, но они отмечены в источниках и в исследованиях. В 40-е гг. XIX в. один из представителей купеческой семьи Шехтелей, Осип Осипович, уехал из Саратова и окончил Санкт-Петербургский технологический институт. Позднее он вернулся в губернский город и помогал своему старшему брату вести дела⁴¹. В 1851 г. сын купца Д. М. Вакурова Василий после окончания гимназии поступил в Казанский университет, а в 1855 г. он вернулся в Саратов⁴². По сведениям, которыми располагают М. В. Бульчев и Е. К. Максимов, В. Д. Вакуров имел ученую степень, хотя и занимался после окончания университета купеческим делом⁴³. Примерно в то же время, а, возможно, и раньше, в Московском коммерческом училище получили образование саратовские купцы А. М. Буркин и Х. И. Образцов⁴⁴.

Инициаторами создания новых элементов культурного потенциала и культурно-коммуникативных центров Саратова были представители тех же купеческих семей, дети которых учились в высших учебных заведениях. Так, Д. М. Вакуров вошел в историю Саратова как основатель книжной торговли в городе. Нам не известна точная

дата открытия его книжной лавки, современники называли приблизительную дату – 30-е гг. XIX в. Саратовские краеведы Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский, посвятившие специальную статью истории книжной торговли в губернском городе, отвели в ней немалое место деятельности Вакурова и дали характеристику его личности⁴⁵. Они пишут, что Вакурова считали в Саратове необыкновенным человеком. Он происходил из крестьян Владимирской губернии. В 1825 г., как отмечено в его «Дневнике», он «откупился на волю от господина Бутурлина Петра Михайловича» и в 1826 г. «определился» в саратовское купечество⁴⁶. Вакуров обладал выдающимися деловыми качествами и быстро нажил капитал. Кроме того, он был человеком добросовестным и достойным доверия, поэтому был избран в число ратманов, а в 1843 г. стал городским головой. В 1844 г., как сообщает он сам, был уволен от должности по болезни, а в 1846 г. вновь избран в городские головы⁴⁷.

Духовников и Хованский отмечают, что «по уму и по отличавшей его правдивости, он занимал видное место в обществе. За ним были и симпатии низшего класса общества, саратовских мещан и мелких торговцев, интересы которых он отстаивал всегда». Среди купечества он выделялся «и по уму, и по платью»⁴⁸. Выдающиеся качества этого человека, конечно, были особенностями его личности. Можно думать, что некоторые черты он приобрел и благодаря той среде, в которой вырос и воспитывался. М. В. Булычев выяснил, что Вакуров родился в селе Палех Вязниковского уезда Владимирской губернии. Как и многие крестьяне этой губернии, он занимался развозной торговлей (был офеней, по терминологии того времени), что позволило ему разбогатеть и выкупиться на свободу⁴⁹. Особого внимания заслуживает то, что Вакуров был уроженцем Палеха. В этом селе с начала XVII в. существовал иконописный промысел, к концу века здесь сложился своеобразный художественный стиль. Начиная с того времени жители села занимались офенской торговлей, распространяя свои иконы⁵⁰. К началу XIX в. искусство палешан приобрело широкую известность, здесь были свои художественные династии. Это наложило отпечаток на духовный облик жителей села, их называли «народом развитым, исполненным светлых убеждений»⁵¹. Не удивительно, что Вакуров был не просто грамотным человеком, а понимал ценность книги.

Книжная торговля Д. М. Вакурова началась с того, что он покупал для себя книги, которые привозили в Саратов на ярмарку, и познакомился с книжными фирмами. Он выяснил размеры спроса на книги среди саратовцев и затем устроил, так сказать, книжное отделение в своей лавке в гостином дворе, где он торговал галантереей. Лавка Вакурова была затем переведена в его собственный дом, вблизи Троицкого собора. О характере книжной продукции в этой лавке сведений не

сохранилось, предполагают, что в основном это была учебная литература. В сороковые годы Вакуров прекратил книжную торговлю. Известно, что после избрания его городским головой он уже не мог уделять достаточно времени своим торговым делам⁵².

Первый купеческий клуб под названием «Саратовское городское собрание» появился в губернском городе в конце 30-х гг. XIX в. Инициаторами его создания выступили немцы-предприниматели⁵³. Прошение на имя саратовского губернатора об открытии немецкого танцевального клуба было подано в 1840 г. группой немцев, некоторые из них были владельцами предприятий, а другие – «занимали видные места в саратовской администрации». Целью его создания было названо «приятное препровождение времени в часы досуга». Хованский выяснил, что фактически клуб уже существовал к тому времени, когда было подано прошение⁵⁴.

Разрешение на открытие было дано, после чего был составлен устав клуба и подан на рассмотрение правительства. Согласно уставу «в клубе допускались танцы, чтение газет и других изданий, игра в карты и в шахматы»⁵⁵. Его инициаторы, в соответствии с законами того времени, должны были зарегистрировать свое «вольное собрание». Однако на пути утверждения устава клуба возникли препятствия, его содержание пришлось изменить. В 1843 г. устав был утвержден. Клубу присвоили название «саратовское городское собрание», поскольку название «немецкий клуб» вызвало возражения со стороны правительства. Термин клуб не считался «приличным», а определение «немецкий», очевидно, не входило в концепцию государственной идеологии (немцы не были ни православными, ни русскими). Клуб находился вначале в доме одного из основателей – Штейна, а потом переехал в другой частный дом. Дата прекращения его существования не известна. Судя по содержанию статьи Хованского о саратовских клубах, во второй половине 50-х гг. он уже не существовал.

Несмотря на то, что его официальное название не соответствовало первоначальному, обозначенному в первом варианте устава, в памяти жителей города он остался как немецкий клуб. Под этим названием он упоминается в мемуарах В. А. Шомпулева, который сообщает некоторые подробности о функционировании клуба. Его посещали местные солидные помещики, которые занимались там игрой в карты⁵⁶. Кроме того, в клубе устраивали маскарады, в которых принимали участие представители местного «высшего общества»⁵⁷. Клуб являлся первым опытом объединения людей купеческого сословия для общения в свободное время. Вероятно, довольно скоро после его открытия саратовские дворяне стали посещать клуб и даже устраивать в нем свои мероприятия. Таким образом, состав его посетителей и характер мероприятий были шире, чем предполагалось

первоначально его создателями. Тем не менее, сама идея объединения для проведения свободного времени лиц, принадлежавших к купечеству, оказалась плодотворной.

Продолжением «дела, начатого фабрикантами-немцами», по словам Хованского, было основание саратовского купеческого клуба (впоследствии он получил название коммерческого) в 1858 г.⁵⁸, который оказался гораздо более долговечным, чем его предшественник. О его организаторах у Хованского было больше сведений, чем о создателях саратовского городского собрания. Эти сведения показывают, что в то время среди купечества встречались люди образованные и с широким кругом интересов. Они принимали участие в «интеллигентных кружках», которые возникли в городе в середине 50-х гг. XIX в. Хованский дает характеристику этих кружков и их участников, подчеркивая, что в них отразилось «умственное движение, которое охватило все русское общество после Крымской войны». Он пишет, что члены кружков «устраивали чтение журналов и книг и беседы по поводу прочитанного».

Важно то, что автор статьи называет имена «некоторых из образованных людей местного купечества», которые их посещали: «Таковы были Х. И. Образцов, А. М. Буркин, В. К. и К. К. Шапошниковы, Т. Е. Жегин, В. Д. Вакуров». Из названных Хованским лиц братья Шапошниковы были московскими купцами, временно проживавшими в Саратове, а все остальные – саратовскими⁵⁹. Именно этих людей, пишет Хованский, и считали основателями купеческого клуба. Таким образом, благодаря инициативам образованных представителей местного купечества в Саратове появился новый культурно-коммуникативный центр – купеческий клуб. Нельзя считать случайным то, что создавали его дважды. В первой половине XIX в. в русской провинции подобное объединение представителей купеческого сословия для организации досуга было культурным новшеством. Вероятно, поэтому оно «прижилось» не сразу. Может быть, в 40-е и в начале 50-х гг. среди саратовских купцов было слишком мало людей, которые в свободное время предпочитали «танцы, чтение газет и других изданий, игру в карты и в шахматы»⁶⁰ традиционным развлечениям. К концу 50-х гг. количество купцов, которые были заинтересованы в существовании клуба, оказалось вполне достаточным, чтобы он возродился вновь.

В то же самое время представители богатого купеческого семейства Шехтелей смогли поддержать театрально-музыкальную жизнь Саратова на период, когда шло строительство нового здания театра (в 1858 г. старое здание было снесено). Ф. О. Шехтель не только создал новую театральную площадку. Он выступил новатором в области организации культурно-коммуникативного центра, который соответствовал запросам

современности. В 1859 г. Шехтель построил в своем загородном саду «летний вокзал для танцев» (вокзал, по терминологии того времени, – музыкально-танцевальный зал). К нему была пристроена сцена для театра. По окончании спектакля по желанию публики устраивались танцы. В самом начале существования театра в нем давали не только театральные представления, но также просвещали публику, наглядно знакомя ее с астрономией и геологией, показывая «туманные картинки». Там же устраивались иллюминации и фейерверки. Как пишет Самохвалова, это была невиданная доселе зона отдыха, которая стала излюбленным местом отдыха горожан⁶¹. Театр в то время действовал с мая по сентябрь – он был летним. В зимние месяцы спектакли ставились в доме Ф. О. Шехтеля на Московской улице.

С 1865 г. антреприза театра была передана его младшему брату О. О. Шехтелю. К сожалению, это купеческое семейство вскоре постигло разорение, а в 1867 г. оба брата умерли. Любителем театра был представитель еще одного богатого купеческого семейства, родственник Шехтелей Т. Е. Жегин. Как отмечает Самохвалова, он принимал участие в организации благотворительных вечеров и концертов⁶².

Важным новшеством в духовной культуре купечества следует назвать формирование в его среде представления о самоценности человека своего сословия. Создание произведений мемуарно-дневникового характера является показателем данного процесса. В первой четверти XIX в. (примерно в 1822 г.) саратовский купец Д. М. Вакуров начал делать записи в дневнике, которые вел до своей смерти в 1865 г. Дневник был продолжен его сыном⁶³. Как уже отмечалось, саратовцы считали Вакурова необыкновенным человеком. Ведение им дневника служит подтверждением этого мнения. В дневнике Вакуров фиксировал важнейшие события в жизни своей семьи⁶⁴. Среди источников мемуарно-дневникового характера, появившихся в Саратове в первой половине XIX в., это пока единственный, известный нам, дневник, который вел купец. В его содержании отразились такие грани облика местных купцов, как стремление к просвещению, к пополнению своих знаний, и в то же время – отсутствие тяготения к рефлексии по поводу событий, запечатленных на бумаге.

Сведения о культурных новациях в среде саратовского купечества, которые появлялись за период с конца XVIII в. до середины XIX в., сохранились в основном в источниках, которые освещают жизнь купечества Вольска и Саратова. В начале XIX в. купцы большинства городов губернии, кроме Вольска, были бедны и вели образ жизни, близкий к крестьянскому. На протяжении полувека изменились культурные приоритеты в купеческой среде. В этой сфере появилась ориентация на обеспечение купеческой молодежи получения высшего образования. Купеческая среда губернского города стала взаимодействовать более активно с культурно-

коммуникативными центрами и с учреждениями культурного потенциала. Результаты этого стали заметны в 50-е гг. XIX в.

Новшества в культурной среде саратовского купечества определялись тремя основными факторами. Как в XVIII в., так и в начале XIX в. уровень благосостояния купеческого семейства определял возможности усвоения элементов сословной культуры дворянства, в том числе соответствующего образования и воспитания. В дальнейшем этот фактор продолжал оставаться актуальным. Вторым фактором, судя по всему, была «деловая подвижность» купцов, их деловые связи с другими губернскими городами, и – особенно – со столицами. Они способствовали приобщению к новациям в области художественной культуры. Интересным и своеобразным явлением в культурном пространстве Саратовской губернии было усвоение вольскими купцами столичных художественных вкусов. Третий фактор – существенные изменения в области русской культуры в первой половине XIX в., рост приоритета грамотности и образования, возникновение новых форм культурного общения (кружки, клубы). Новые явления, характерные для середины 50-х гг., не обошли стороной купечество Саратова. Саратовские купцы принимали участие в интеллектуальных кружках. Возникновение мемуаротворчества в купеческой среде Саратова в первой половине XIX века дает основание указать на наличие в ней самосознания личности.

Примечания

- ¹ Свирида И. И. Культура и пространство; аспекты изучения // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. С. 10.
- ² См.: Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII – начала XX века. М., 1997. С. 149.
- ³ Семенова А. В., Аксенов А. И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007. С. 3.
- ⁴ Очерки русской культуры XIX века. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 152–153.
- ⁵ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. О развитии книжной торговли в Саратове // Саратовский край : Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 323–352; Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы в Саратове // Там же. С. 353–362.
- ⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993 ; Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010.
- ⁷ Кузнецов В. В. Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007.
- ⁸ Там же. С. 143–183.
- ⁹ Кузнецов В. В. Участие волжского уездного купечества в общественной жизни Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Саратовский краеведческий сборник : научные труды и публикации. Саратов, 2011. Вып. 5. С. 3–17.
- ¹⁰ Там же. С. 13.
- ¹¹ Булычев М. В., Максимов Е. К. Купцы Вакуровы // Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 26–31.
- ¹² Самохвалова Н. В. Роль купцов Шехтелей и Жегиных в культурной жизни Саратова // Культурное пространство города : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. С. 94–101.
- ¹³ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011.
- ¹⁴ [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым : в двух частях. СПб., 1839.
- ¹⁵ Костомаров Н. И. Поездка в г. Волгск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. 3. С. 87–111.
- ¹⁶ [Попов К. И.] Записки о Саратове К. И. Попова // Саратовский край... С. 155–236.
- ¹⁷ [Беккер В. И.] Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22.
- ¹⁹ Серебряков В. И. Выдержки из дневника гг. Вакуровых // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 192.
- ²⁰ Там же. С. 193–203.
- ²¹ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011.
- ²² [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839. С. 118.
- ²³ Мордовцев Д. Л. Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отд. 3. С. 58.
- ²⁴ Топографическое и историческое описание Саратовской губернии... С. 35.
- ²⁵ Там же. С. 42.
- ²⁶ Там же. С. 67.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 90.
- ²⁹ Там же. С. 96.
- ³⁰ Там же. С. 77.
- ³¹ Там же. С. 85.
- ³² Там же. С. 102.
- ³³ Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 90.
- ³⁴ Там же. С. 95.
- ³⁵ [Беккер В. И.] Указ. соч. С. 3.
- ³⁶ Кузнецов В. В. Купечество малых волжских городов... С. 42.
- ³⁷ Кошман Л. В. Города и городская жизнь в России XIX столетия : Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 76.
- ³⁸ Терехин С. О. Века и камни : (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990. С. 18.
- ³⁹ [Попов К. И.] Указ. соч. С. 178–179.
- ⁴⁰ Там же. С. 179.

- ⁴¹ Самохвалова Н. В. Указ. соч. С. 96.
⁴² ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22. Л. 11, 12.
⁴³ Булычев М. В., Максимов Е. К. Указ. соч. С. 30.
⁴⁴ Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы... С. 344.
⁴⁵ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. О развитии книжной торговли... С. 326–332.
⁴⁶ ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 329–330.
⁴⁹ Местное самоуправление Саратова : История и современность. Саратов, 2005. С. 27–28.
⁵⁰ Некрасова М. А. Искусство Палеха. М., 1966. С. 16–20.
⁵¹ Там же. С. 47.
⁵² Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 332.
⁵³ Хованский Н. Ф. Немецкий и коммерческий клубы... С. 353.
⁵⁴ Там же. С. 354.
⁵⁵ Там же. С. 353.
⁵⁶ Шомпулев В. А. Провинциальные типы сороковых годов // Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 54.
⁵⁷ Шомпулев В. А. Ряд похищений и увлечений // Шомпулев В. А. Записки... С. 102.
⁵⁸ Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 354.
⁵⁹ Там же. С. 344.
⁶⁰ Хованский Н. Ф. Указ. соч. С. 353.
⁶¹ Самохвалова Н. В. Указ. соч. С. 97.
⁶² Там же. С. 98, 99.
⁶³ Серебряков В. И. Указ. соч. С. 192.
⁶⁴ ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 22.

УДК 94(47).084.3

ГАРНИЗОННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА ЗАЩИТЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ

А. А. Симонов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail.ru

В статье рассматривается участие отрядов, сформированных из тыловых гарнизонов Казанского военного округа, в событиях, связанных с утверждением советской власти на территории Поволжья и Урала.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Гражданская война в России, Казанский военный округ, тыловые гарнизоны, демобилизация русской армии, советское военное строительство.

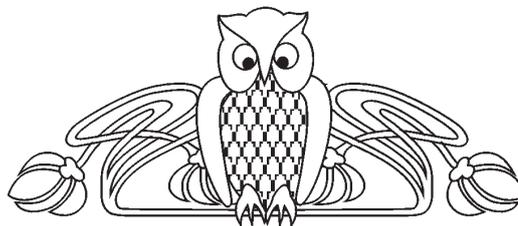
Garrison Units of Kazan Military District in Fight for Soviet Ascention to Power

A. A. Simonov

Article focused on participation of military units from Kazan-region military reserve, deployed for protection of Soviet power in the Volga and Ural regions

Key words: October Revolution, Civil war in Russia, Kazan military district, rare garrisons, Demobilization in the Russian Army, Soviet military building.

После Октября 1917 г. большевистский прагматизм не сразу отверг многие государственные институты предшествующего режима. К вооружённым силам это относилось в первую очередь. Страна продолжала участвовать в мировой войне, её армия и флот оставались важнейшим фактором сдерживания внешней угрозы. Идея альтернативных вооружённых сил, в частности народного ополчения или, по-другому, всеобщего вооружения народа, — ещё требовала теоретиче-

ского осмысления, не говоря уже о практике. Для новой власти неизбежным оказалось решение использовать, хотя бы временно, старую военную машину.

На тот момент русская армия представляла собой гигантскую социальную массу. На фронте в октябре 1917 г. находилось более 6 млн солдат и офицеров. В тыловых гарнизонах — около 1,4 млн¹. Держать под контролем такое количество военнослужащих было крайне сложно. Дело усугублялось прогрессирующим разложением вооружённых сил, запущенным ещё при Временном правительстве. В целом же процессы, которые шли в русской армии в конце 1917 г., представляли собой результат взаимодействия объективных и многочисленных субъективных факторов и не контролировались какой-либо политической партией, в том числе и большевиками². Военнослужащие принимали непосредственное участие в политической жизни страны, и от их отношения к происходящим событиям во многом зависела судьба нового государственного строя. Советская власть нуждалась в эффективном решении армейского вопроса.

Созданию военных органов Советского государства положил II Всероссийский съезд Советов. 26 октября 1917 г.³ его делегаты приняли постановление о создании фронтовых и армейских временных революционных комитетов⁴, распоряжениям которых обязаны были подчиняться командующие фронтами и армиями. Деятельность новых органов носила чрезвычайный характер. Главной задачей считалось установление в армей-

ской среде порядка, необходимого для удержания фронта⁵.

В тылу к активному участию в армейской жизни подключилась местная советская администрация. Работали военно-революционные комитеты и другие подобного рода организации, созданные для утверждения во власти.

Решаемые ими военные вопросы выходили за рамки местного значения. Например, при участии многопартийного Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 г. было избрано временное руководство Казанским военным округом. Командующим стал большевик прапорщик Н. Е. Ершов, его помощником – полковник М. А. Руанет, исполняющим должность начальника штаба – генерал-майор И. И. Козлов⁶.

14 ноября 1917 г. в Казани собрался окружной съезд представителей частей и учреждений округа. Присутствовали представители всего 15 гарнизонов, хотя в округе их числилось 98⁷. Тем не менее съезд полномочно передал всю полноту власти в Казанском военном округе сначала временной коллегии, а 25 ноября – постоянной коллегии из пяти лиц под наименованием «Совет комиссаров по управлению округом». Из членов коллегии трое представляли партию большевиков (Н. Я. Ежов, Н. В. Скачков, Я. Д. Чанышев) и двое – левых эсеров (Останин и Котляров). Председателем Совета комиссаров был избран Н. Я. Ежов. Состав этого Совета не менялся вплоть до апреля 1918 г., то есть до начала ликвидации Казанского округа как военно-административной единицы⁸.

Говорить о том, что новое руководство округом управляло им в полном объеме, конечно же, не приходится. Да и сам округ как военно-административная единица во многом потерял своё назначение. Главную задачу военно-окружной системы – готовить резервы для Действующей армии – он уже не выполнял. За перемирием с Четверным союзом, которое объявило Советское правительство, маячил долгожданный мир, и в войсках преобладало демобилизационное настроение. Дезертирство приняло массовый характер. Солдаты практически вышли из-под контроля командования. В создавшейся обстановке СНК принял 10 ноября Декрет о постепенном сокращении численности армии. Согласно ему в бессрочный запас увольнялись солдаты призыва 1899 г.⁹ В этот же день декрет был передан по телеграфу во все армии и округа и сильно взбудоражил солдатские массы. В декрете не указывалось, кто отвечает за проведение демобилизации, и это вызвало ещё больше недоразумений¹⁰.

Между тем вплоть до конца 1917 г. Советское правительство не оставляло попыток укрепления и удержания войск на «внешнем» фронте. Эта мера стала особенно необходимой в связи с осложнениями в ходе мирных переговоров с Германией, угрозой вторжения немецких войск и усилившимся развалом вооружённых сил. В меньшей степени это касалось «внутреннего» фронта про-

тив отдельных очагов казачьих и белогвардейских выступлений. Но и здесь не исключалось наряду с боевыми частями участие тыловых формирований из военнослужащих.

Необходимо напомнить, что гарнизоны тылового Казанского военного округа¹¹, исключая Оренбург и Уральск, где преобладали казачьи формирования, в основном сразу признали новую власть или оказались к ней нейтральны. Лишь в Казани и Саратове некоторые воинские части поучаствовали в стычках, поддержав Временное правительство или победившие в итоге Советы.

В Казани, например, где имелся гарнизон около 50 тыс. человек¹², меньшую, антисоветскую, группировку составили юнкера военно-учебных заведений, казаки, офицеры и эскадрон конников из запасного кавалерийского полка в Сызрани. Противостояли им красногвардейцы казанских предприятий и солдаты из запасных пехотных и артиллерийских частей гарнизона. Само описание вооружённых стычек в Казани, имевших место 24 и 26 октября 1917 г., не содержит сколь-нибудь точных сведений ни о численности сражавшихся, ни о жертвах. Учитывая разложение армейских частей, речь может идти о нескольких сотнях активных участников с обеих сторон. Противники Советской власти перестали сопротивляться больше под воздействием сложившихся на политической арене обстоятельств, чем по причине военного поражения: оружие они сложили, когда стало известно о свержении Временного правительства в Петрограде¹³.

В другом крупнейшем поволжском гарнизоне – Саратовском – общая численность войск доходила до 60 тыс. человек¹⁴. Здесь противостояние между «думцами» и Саратовским Советом тоже вылилось в вооружённое столкновение. Причём большинство военнослужащих гарнизона заняло нейтральную позицию. Совет постарался привлечь на свою сторону наименее разложившиеся части гарнизона – пулемётчиков и артиллеристов. В результате большевики смогли создать сводный отряд из пулемётчиков и склонить на свою сторону 1200 артиллеристов – всего около 3000 военнослужащих. Огневая поддержка артиллерии оказалась особенно весомым вкладом в победу над сторонниками Временного правительства, поскольку примерно такое же количество офицеров, юнкеров местной школы прапорщиков, студентов, гимназистов и других горожан встало на сторону Временного правительства. Утром 29 октября 1917 г., после ночного артиллерийского обстрела, защитники городской думы согласились на капитуляцию¹⁵.

В этот период Советы представляли собой политический блок большевиков с левосоциалистическими партиями – левыми эсерами, эсерами-максималистами, меньшевиками-интернационалистами и анархистами. Характер взаимоотношений внутри блока был достаточно сложным, многообразным. При всем этом блок

состоялся. «Триумфальное шествие Советской власти» оказалось возможным и быстрым во многом благодаря ему¹⁶. В степени же влияния на армию из всех партий блока первенство было за большевиками. Это подтвердили ноябрьские выборы 1917 г. в Учредительное собрание. Голосование военнослужащих Казанского военного округа ярко выявило характер влияния на них большевиков. К сожалению, не известен процент голосования от общей массы солдат, то есть сколько всего их пришло на выборы. Тем не менее, например, в Перми за большевистских кандидатов проголосовало 53% военнослужащих, а в Челябинске – свыше 72%¹⁷. В Саратовском гарнизоне в выборах приняли участие 12 660 военнослужащих. Большевики получили 8993 голоса, то есть две трети (70,6%). Следом шли эсеры, набравшие 1897 голосов (14,9%). В уездном Балашове Саратовской губернии с гарнизоном около 20 тыс. человек¹⁸, солдаты тоже отдали большевикам две трети своих голосов¹⁹. Похожая картина наблюдалась и в других местах Казанского военного округа. Имея такую поддержку, большевики и левые социалисты могли теперь рассчитывать на руководство армией.

В оставшиеся месяцы 1917 г. военная тема регулярно поднималась на заседаниях исполкомов местных Советов. При них стали появляться специальные военные органы, создаваемые на базе прежних солдатских секций, имевшихся при исполкомах Советов. Секции постепенно приобретали исполнительно-распорядительные права и превращались в структуры с расширенными полномочиями. Это указывает на начавшееся разграничение функций власти военной и гражданской. Характерен пример Саратова. Там военная секция при местном Совете уже в ноябре принялась издавать руководящие документы без утверждения их губисполкомом. Причём приказы и распоряжения предназначались не только организациям, но и частным лицам. В первую очередь это касалось продовольствия, которого не хватало ни городу, ни огромному гарнизону²⁰. Такой «сепаратизм» был присущ и другим подобным военным организациям, из-за чего они меняли названия, подчёркивая свою значимость и независимость. Например, в Екатеринбурге в начале ноября из военной секции образовался военный отдел губисполкома. В Вятке и Самаре военные отделы появились в середине декабря. Тогда же в Уфимском Совете прежний исполком военной секции был преобразован в военную коллегию из 7 человек. Тенденция создания специальных органов военного управления наблюдалась в деятельности военных секций Советов в Камышловле, Ирбите, Перми²¹.

Первым местом вооружённых выступлений на территории Казанского военного округа стал Южный Урал, где хозяйничал оренбургский атаман А. И. Дутов. Поводом же для активизации действий послужило письмо, написанное 22 но-

ября 1917 г. рабочими и железнодорожниками Оренбурга В. И. Ленину, с просьбой о военной помощи. Послание оказалось кстати: буквально за два дня до его отправки Совнарком обсуждал ситуацию в Оренбургской губернии. На заседании выступил чрезвычайный комиссар правительства по Средней Азии П. А. Кобозев, который только что вернулся из Оренбурга. Он то и объяснил необходимость срочного решения вопроса со строптивым атаманом, деятельность которого перекрывала стратегически важные пути в Сибирь и Среднюю Азию, угрожала продовольственной безопасности Европейской России. К решению проблемы был подключён главком Н. В. Крыленко. Высказал свою точку зрения и нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий, указавший на недостаточность местных сил для борьбы с Дутовым²². Решать же проблему должен был Кобозев: ему Совнарком поручил создать группу войск и сосредоточить её в Бузулуке и Челябинске.

Непосредственная помощь возлагалась на армию. 25 ноября 1917 г. советское правительство приняло обращение «Ко всему населению России». В документе подчёркивалась опасность казачьих восстаний на Дону и Урале и сообщалось, что СНК «распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа»²³. Известна также записка В. И. Ленина от 26 ноября, адресованная наркомом по военным делам и командующему войсками Петроградского военного округа В. А. Антонову-Овсенко и заместителю наркома по военным делам Н. И. Подвойскому. Глава правительства просил экстренной военной помощи против Дутова²⁴.

25 ноября Петроградский военно-революционный комитет обсудил вопрос о положении на Урале и в Сибири. Прямо на заседании было решено направить на Урал отряд матросов с Северного фронта. С Румынского фронта отбыл также отряд из 360 солдат 196-го пехотного Инсарского полка и группа артиллеристов при 10 орудиях. Из тыловых гарнизонов Казанского военного округа были стянуты небольшие армейские отряды из Самары (500 солдат), Казани (совместный – 200 солдат и красногвардейцев), Сызрани (120 кавалеристов), Томска и Омска (300 штыков, 2 пулемётные команды). По численности тыловые армейские отряды хотя и незначительно, но уступали рабочим красногвардейским отрядам, прибывшим из промышленных районов Волги и Урала. В дальнейшем, к началу 1918 г., эта разница значительно увеличилась. На тот момент общая численность советских сил на Оренбургском фронте составила не менее 10–12 тыс. человек, в основном красногвардейцев²⁵. Резервы же армии, охваченной демобилизационной лихорадкой, попросту иссякли. Показателен эпизод с Самарским отрядом под командой В. К. Блюхера. Он по прибытии в Челябинск самодемобилизовался, даже не приняв участия в боевых действиях против дутовцев²⁶.

Другой очаг напряжённости вспыхнул на Дону, объявившем себя независимым от Советской России²⁷. Из всего региона Поволжья и Урала ближе всего находилась к нему Саратовская губерния, а конкретнее – Царицынский уезд. Именно о посылке туда военного отряда зашла речь на заседании Саратовского Совета 19 ноября 1917 г. Решение принималось трудно, поскольку первые месяцы существования Советской власти в Саратове были осложнены упорной политической борьбой нового режима с эсеровской оппозицией. Местному Совету самому требовались надёжные армейские подразделения. Отряд всё же постановили отправить, но одновременно обратиться за помощью к руководству Казанского военного округа за дополнительными силами. Жест в то время достаточно свойственный провинциальным Советам – якобы не одни мы отвечаем за ситуацию в губернии, хотя вооружёнными силами на её территории должны распоряжаться самолично. В отряд, кстати, включили 250 пулемётчиков с 40 боевыми пулемётами и орудийную батарею²⁸. Силы немалые. Но отправилось ли в итоге это формирование по назначению, доподлинно не установлено. Известно только, что на следующий день начались тренировки губисполкома с капитанами и лоцманами пароходов, которые отказались перевозить войска в условиях закончившейся навигации²⁹. К тому же, 21 ноября ситуация в Саратове ещё больше обострилась – правые эсеры организовали в городе 10-тысячную демонстрацию протеста. В таких условиях большевики вряд ли бы отказались от поддержки боееспособного отряда. Возможно, с его помощью 28 ноября и была разогнана эсеровская Городская дума³⁰. Подтверждается данная версия и тем фактом, что 9 декабря царицынские большевики вновь обратились в Саратов за военной помощью. На этот раз решено было местный гарнизон не трогать, а выявить «свободные силы» в уездных воинских частях и обратиться в Казань за снарядами и артиллерией. Кроме того, приказ о немедленной высылке тысячного отряда был отправлен в Николаевск соседней Самарской губернии, а в Астрахань послана делегация в штаб 50-й запасной пехотной бригады³¹.

Однако усиливавшееся с каждым днём разложение армии, увеличение потока самодемобилизации делали невозможным выполнение подобных планов. Причём тыловые гарнизоны буквально разбегались. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, торопились успеть к земельному дележу. Бесконтрольность демобилизации могла крайне усложнить ситуацию на местах. От власти – центральной и региональной – требовались решительные меры.

В итоге, например, в том же Саратове 28 декабря решили наконец отказаться от опоры на части гарнизона и «осуществить план, принятый в Петрограде»³². Речь идёт о приказе Главковерха Н. В. Крыленко № 1007 от 25 декабря о создании на фронте и в тылу Народной социали-

стической гвардии³³. Тогда же наряду с предложением расширить городскую Красную гвардию прозвучало мнение привлечь к охране города солдат, заинтересовав их денежными премиями³⁴. Спонтанное решение об организации в Саратове по сути дела наёмной добровольческой армии, получило подтверждение в Ставке. В конце декабря там были разработаны «Общие соображения по сформированию армии». Проект предполагал одновременное формирование добровольческих частей в тылу и на фронте³⁵. Причём в разделе о целях и принципах формирования Народно-социалистической гвардии говорилось, что она «создаётся из солдат действующей армии, запасных частей и всех добровольцев, желающих вступить в её ряды»³⁶.

Примерно по такому принципу в начале января в Саратове была создана «Восточная армия по борьбе с контрреволюцией» численностью около 3000 человек. Предназначенная сначала для действий в Области Войска Донского, она срочно была перенацелена на Астрахань, где 12 января 1918 г. вспыхнуло антисоветское восстание астраханских казаков³⁷. Это было последнее воинское формирование в Казанском военном округе, созданное с привлечением действующих военнослужащих старой армии.

Дальнейшие события показали, что в тыловых гарнизонах Поволжья и Урала обвальную демобилизацию не смогло приостановить даже германское наступление в феврале 1918 г. Показателен пример той же «Восточной армии»: её добровольцы-солдаты, возвратившиеся в третьей декаде февраля из астраханского похода, наотрез отказались подчиниться распоряжению губернского Совета о включении их в начавшуюся создаваться Красную армию. Военнослужащие поспешили в свои части за полагающимся им при демобилизации выходным пособием. «Восточную армию» пришлось распустить³⁸.

Темпы демобилизации всё время возрастали и достигли пика к концу февраля 1918 г. В итоге около половины русской армии было демобилизовано ещё до германского наступления³⁹. Брестский мир обязал Советскую Россию окончательно ликвидировать старую армию. 30 марта Наркомвоен приказал внутренним округам завершить расформирование собственных войск к 12 апреля. Одновременно с демобилизацией личного состава и расформированием частей старой армии и добровольческих формирований из них в гарнизонах бывшего Казанского военного округа развернулась работа по созданию первых частей Красной армии.

Примечания

- ¹ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 16–17.
- ² *Гаврилов Л. М.* Истоки и финал демократизации

- русской армии // Армия и общество 1900–1941 гг. Статьи и документы. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://august-1914.ru/gavril.pdf> (дата обращения: 27.03.2013).
- ³ Все даты до 14 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.
  - ⁴ Временные революционные комитеты зачастую именовались военно-революционными комитетами по аналогии с местными военными организациями при Советах рабочих и солдатских депутатов. См.: *Молодцыгин М. А.* Красная Армия : рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997. С. 22.
  - ⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 21; *Короблев Ю. И. В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября.* М., 1979. С. 138.
  - ⁶ *Ежов Н. Я.* Военная Казань в 1917 году. Казань, 1957. С. 72–73.
  - ⁷ В 1917 г. в 98 гарнизонах Казанского военного округа размещались 588 воинских частей и учреждений, числилось более 17 тыс. офицеров и около 800 тыс. нижних чинов. Части округа составляли 13 запасных бригад (79 запасных пехотных полков и 2 пулеметных полка), три запасные артиллерийские бригады, запасной кавалерийский полк и ополченские дружины. См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 1 Д. 81. Л. 50; *Ежов Н. Я.* Указ. соч. С. 14–15.
  - ⁸ *Ежов Н. Я.* Указ. соч. С. 77–78; Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 10, 19.
  - ⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 66–67.
  - ¹⁰ *Базанов С. Н.* Выход России из войны, демобилизация армии и заключение Брестского мира // Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 396.
  - ¹¹ Кроме губернских гарнизонов, свои тыловые гарнизоны в годы Первой мировой войны имелись практически во всех уездных городах Казанского военного округа. Их численность варьировалась от сотни человек (Бирск, Златоуст, Хвалынский и т.д.) до нескольких десятков тысяч (самые большие в Екатеринбург и Сызрани).
  - ¹² Штаб 13-й запасная пехотная бригада и некоторые части этого соединения (94-й, 95-й, 164-й и 240-й пехотные запасные полки), 2-я и 5-я артиллерийские запасные бригады, 685-я и 686 пехотные дружины, Казанское пехотное училище, 1-я и 2-я Казанские школы подготовки прапорщиков пехоты и др. части учреждения военного ведомства. См.: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 81. Л. 50; Оп. 4. Д. 242. Л. 311; *Ежов Н. Я.* Указ. соч. С. 15.
  - ¹³ В отечественной историографии без ссылок на какие-либо документы численность антисоветских сил в Казани оценивается примерно от 7000 чел. до 2500 чел.; численность сторонников Советской власти – до 20 000 чел. См.: Краснознаменный Приволжский. С. 11; *Ежов Н. Я.* Указ. соч. С. 66. В фундаментальном историческом труде «Октябрь в Поволжье» численность противоборствующих сторон вообще никак не оценивается. См.: Октябрь в Поволжье / под ред. В. К. Медведева. Саратов, 1967. С. 220–223.
  - ¹⁴ 14 октября 1917 г. военная секция Саратовского Совета подала в исполком ведомость, в которой общая численность гарнизона определялась в 65 696 чел. 29 сентября Саратовская городская дума в справке о расквартировании войск указала общее число военнослужащих 51 500 чел. Осенью 1917 г. в Саратове дислоцировался штаб 14-й запасной пехотной бригады и некоторые части этого соединения (90-й, 92-й и 141-й запасные пехотные полки, 3-й и 4-й запасные пулеметные полки), 4-я запасная артиллерийская бригада, 3-я Саратовская школа прапорщиков, а также различного назначения мелкие тыловые части и учреждения военного ведомства. См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 776. Л. 6–7, 22; *Васькин В. В.* Солдаты гарнизонов Нижней Волги в борьбе за власть Советов : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1972. С. 16.
  - ¹⁵ *Симонов А. А.* Краткосрочные временные военно-учебные заведения в Саратовском Поволжье. 1915–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 66–67.
  - ¹⁶ *Стариков С. В.* Левые социалисты в Российской революции, март 1917 – июль 1918 гг.: на материалах Поволжья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. URL: <http://www.disscat.com/content/levye-sotsialisty-v-rossiiskoi-revoljutsii-mart-1917-iyul-1918-gg-na-materialakh-povolzhya> (дата обращения: 7.07.2013).
  - ¹⁷ *Молодцыгин М. А.* О некоторых вопросах военного строительства на Урале в первые месяцы Советской власти // Урал и оборона Советской страны. Свердловск, 1968. С. 33.
  - ¹⁸ Балашовский филиал государственного архива Саратовской области (БФ ГАСО). Ф. К. Оп. 1. Д. 202. Л. 14.
  - ¹⁹ *Рейли Д. Дж.* Политические судьбы российской губернии. Саратов, 1995. С. 301, 307.
  - ²⁰ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918) : сб. документов. М. ; Л., 1930. С. 258.
  - ²¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 10. Оп. 2. Д. 315. Л. 5; *Молодцыгин М. А.* О некоторых вопросах военного строительства на Урале в первые месяцы Советской власти. С. 35–37.
  - ²² *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 125.
  - ²³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 154–155.
  - ²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. С. 19.
  - ²⁵ Подробнее см.: *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о Гражданской войне. Т. 1. М., 1924. С. 21; *Ганин А. В.* Александр Ильич Дутов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 70; *Его же.* Атаман А. И. Дутов. С. 126–127, 140–141; *Петров С.* Из истории Гражданской войны. Борьба с Дутовщиной (первый этап 1917 и 1919) // Борьба классов. 1934. № 4. С. 66; *Селяничев А. К.* Флот под красным флагом революции. М., 1983. [Электронный ресурс]. URL: <http://time.tom.ru/wordpress/?p=4033> (дата обращения: 13.04.2013); Гражданская война в СССР : в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 87.
  - ²⁶ *Блюхер В. К.* Революционные отряды рабочих, крестьян и казаков Южного Урала в боях за Советскую родину // На Южном Урале : Воспоминания участников Гражданской войны. М., 1958. С. 72.
  - ²⁷ Гражданская война в СССР. Т. 1. С. 80.
  - ²⁸ *Антонов-Саратовский В. П.* Политика Саратовского Совета // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 28; Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 246–247.

- ²⁹ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 249.
³⁰ Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 293–294.
³¹ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 276.
³² Там же. С. 302.
³³ Кляцкин С. М. К вопросу об использовании русской армии для нужд обороны Советской республики. С. 30.
³⁴ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 302.
³⁵ Кляцкин С. М. На защите Октября. С. 85.
³⁶ Там же. С. 85–86.
³⁷ Подробнее об этом формировании см.: Симонов А. А.

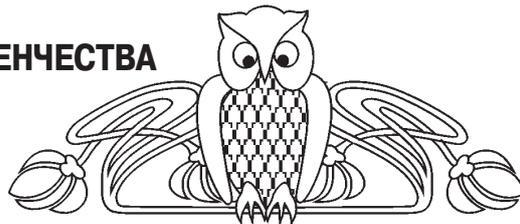
- Астраханский поход «Восточной армии по борьбе с контрреволюцией» // Партизанская и повстанческая борьба : опыт и уроки XX столетия. Доклады академии военных наук (Поволжское отделение, воен. история). № 3 (38). Саратов, 2009. С. 91–95.
³⁸ Молдавский Б. Обзор военных событий от 11-го декабря 1917 года до 15-го сентября 1918 года // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 30.
³⁹ Базанов С. Н. Выход России из войны, демобилизация армии и заключение Брестского мира // Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 397.

УДК 316.344.34–05.87(470.44)(09)

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА СТУДЕНЧЕСТВА ВУЗОВ В г. САРАТОВЕ В 1920-е ГОДЫ

Н. В. Стребкова

Саратовский государственный университет
E-mail: hope8917@gmail.com

В статье рассматривается динамика социального состава студентов вузов г. Саратова в 1920-е гг. Автор анализирует связь между изменениями в социальном составе и постановлениями правительства.

Ключевые слова: студенты, социальный состав, постановления, рабоче-крестьянская прослойка.

The Dynamics of Social and Class Structure of University Students in Saratov during 1920s

N. V. Strebkova

The article devoted to the dynamics of change in the social class of university students in Saratov during 1920s. The author analyzes the connection between changes in the social structure and government resolutions.

Key words: students, social class, resolution, working class and peasantry.

Временное правительство своим декретом от 3 марта 1917 г. отменило все национальные и сословные ограничения, в том числе и для поступления в высшие учебные заведения¹. Это сказалось на приеме в вузы уже осенью 1917 г. Например, если на 1 января 1917 г. в Саратовском университете числилось 1072 студента, то на 1 января 1918 г. там занималось уже 2250 студентов². Советская власть пошла дальше и поставила своей задачей «довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 года дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»³. Так, накануне нового 1918/1919 учебного года В. И. Ленин разработал проект постановления Совета Народных Комиссаров «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР», в котором содержались указания Комиссариату народного

просвещения о проведении мероприятий, обеспечивавших рабочим и крестьянам свободный доступ к высшему образованию. «На первое место, – говорилось в проекте, – безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»⁴. Тем самым создавались значительные привилегии для рабоче-крестьянской прослойки и затруднялся доступ в высшие учебные заведения представителям прочих социальных слоев.

2 августа 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения», которыми был предусмотрен прием в высшие учебные заведения всех граждан обоего пола, достигших 16 лет. Воспрещалось требовать от поступающих какие бы то ни было документы, кроме удостоверения об их личности и возрасте. Отменялась плата за обучение, была установлена государственная стипендия студентам⁵. Все это вызвало огромный наплыв трудящейся молодежи в высшую школу.

Особое внимание на формирование социального состава студенчества стали обращать властные и партийные органы после окончания гражданской войны. Провозгласив доступность высшей школы для трудящихся и открыв двери вузов для рабоче-крестьянской молодежи, Советское государство в течение 1921–1927 гг. добилося в этом направлении значительных успехов. Социальный состав студентов изменился, в их числе стала преобладать рабоче-крестьянская прослойка. Главную роль в реализации этой задачи сыграла деятельность рабфаков и введение новых правил приема⁶.

Однако оказалось, что многим поступившим университетское обучение не под силу, и поэто-

му в феврале 1919 г. при Институте народного хозяйства им. Плеханова был открыт рабочий факультет. Затем рабфаки были организованы при всех университетах. В постановлении Народного комиссариата просвещения от 11 сентября 1919 г. говорилось: «Открыть при университетах республики подготовительные курсы, как автономные учебно-вспомогательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу, присвоив им название рабочих факультетов». Первоначальный срок обучения на рабфаках составлял 6 месяцев, но этого оказалось недостаточно, и его продлили до 2, затем 4 лет. Набор на рабфаки проводился только по направлениям райкомов РКП, комсомола, профсоюзов. К концу Гражданской войны насчитывалось 74 дневных рабфака и 14 вечерних, на них обучалось несколько десятков тысяч человек⁷. Помимо очевидной цели подготовить представителей рабоче-крестьянской прослойки к обучению в вузах рабфаки также выполняли задачу по изменению социального состава студентов.

Именно правила приема в высшие учебные заведения стали основным средством, определившим социальный состав учащихся, и были составлены так, чтобы представители рабочих и беднейшего крестьянства имели реальную возможность попасть на студенческую скамью, несмотря на слабую подготовку. Новые правила приема, выработанные в 1921 г. Агитпропотделом ЦК РКП (б) совместно с Главпрофобом, устанавливали принцип командирования на учебу. Вместо объявленной ранее полной свободы поступления в университет всех граждан, достигших 16-летнего возраста, узаконивалась другая крайность. В первую очередь принимались члены Коммунистической партии, во вторую – лица, рекомендованные комсомолом, профсоюзами, различными советскими учреждениями. Остальные граждане принимались только при наличии свободных мест. Правила приема усложнялись тем, что все поступающие сдавали экзамены по политической грамотности⁸. Поэтому неудивительно, что с 1921 г. началось быстрое изменение социального состава студентов. В вузы в большом количестве поступали рабочие, красноармейцы, партийные и комсомольские работники и активисты.

В 1921 году также был введен принцип командирования в вузы абитуриентов партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, которые были обязаны руководствоваться «классовым» принципом при отборе кандидатов. Поступающие, получившие командировку, принимались в первую очередь, однако должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ II ступени и рабочих факультетов. Следует отметить, что в 1921 году не запрещалось принимать в высшую школу людей, не имевших командировок, хотя они попадали на нижнюю ступень иерархической лестницы поступающих и поэтому зачислялись в последнюю

очередь, в случае наличия свободных мест. Начиная с 1922 года, согласно правилам приема, поступление лиц без командировок в советские вузы было ограничено, а в некоторые – вовсе закрыто. Общее количество вакантных мест распределялось между командировавшими организациями: рабочими факультетами, ЦК РКП (б), ВЦСПС, ЦК РКСМ, ПУР, которые должны были направлять на учебу кандидатов, отвечавших классовым принципам. Таким образом, классовое происхождение абитуриента стало решающим фактором при его приеме в высшую школу⁹.

10 апреля 1923 г. коллегия Главпрофоба одобрила Положение о приеме на рабфаки. Оно вводило еще более жесткую регламентацию и ставило серьезные преграды для поступления на рабочие факультеты нежелательных элементов. По новым правилам на рабфак зачислялись следующие категории: рабочие с трехлетним стажем физического труда и рабоче-крестьянским происхождением; крестьяне, проработавшие не менее 3 лет без использования наемного труда, выходцы из беднейших крестьянских слоев; члены РКП (б) и РКСМ с трехлетним стажем пребывания в этих организациях и не менее года занимавшиеся физическим трудом; члены РКП (б) и РКСМ, имевшие трехгодичный стаж пребывания в своих организациях, не занимавшиеся физическим трудом. Регламентировалось и распределение мест на рабфаки: 60% студентов зачислялось по рекомендации профсоюзов, 30% – партийных организаций, 10% мест отводилось для представителей крестьянства, которые направлялись по рекомендациям волостных ячеек РКП (б) и РКСМ¹⁰.

Новые правила приема и комплектования студенческого состава вскоре отразились на вузах страны. Рассмотрим их результаты на примере саратовских высших учебных заведений. Так, в Саратовский государственный университет в 1923/24 учебном году на первый курс было зачислено 1240 человек, из которых рабочих и их детей было 287 человек, крестьян и их детей – 578 и трудовой интеллигенции – 360¹¹, то есть по результатам этого приема рабочие и крестьяне составили 55,2% всех принятых¹². В 1924/25 учебном году состав поступивших в СГУ был следующий: рабочих с производства – 22%, крестьян – 33,2%, служащих – 18%, интеллигенция – 24,25%, ремесленников – 2,6%. В 1925/26 учебном году из всех обучавшихся в вузах Саратова студентов (5281) рабочих и их детей было 1230 человек (22,4%), крестьян и их детей – 2007 (39%), служащих и их детей – 1469 (29,6%), лиц интеллигентного труда – 378 (7,8%), лиц, живущих на нетрудовой доход – 97 (1,8%)¹³. Все принятые по саратовским вузам в 1926 г. 1060 человек по социальному положению распределялись таким образом: рабочих – 31 человек (2,92%), крестьян – 84 (7,93%), служащих – 300 (28,3%), прочих – 645 (60,85%). В группу «прочих» по положению были отнесены

учащиеся, окончившие подготовительные к вузу ступени школ, главным образом дети различных социальных слоев по происхождению. Из их числа выходцы из рабочих составили 107 человек (16,59%), крестьян – 193 (29,92%), служащих – 212 (32,87%), трудовой интеллигенции – 62 (9,61%), прочих – 71 (11,01%). Таким образом, рабочие и крестьяне в этом приеме составили 16,72% и 36,43% соответственно¹⁴. При сравнении социального состава поступивших в 1926 г. с предыдущим 1925 г. следует отметить снижение рабоче-крестьянской прослойки и повышение служилого и прочего элемента. Особенно резкое снижение наблюдалось в СХИ (на 16%) и СВИ (на 11%), в то время как в СГУ на медфаке – на 0,2% и на факультете хозяйства и права – на 0,3%. Между тем именно СХИ и СВИ готовили кадры только для деревни. Наблюдалось и снижение приема рабочих: в СХИ на 4,5%, в СВИ на 5,8%. Удельный вес служащих повысился: в СХИ на 12%, в СВИ на 8,7%, в СГУ на педфаке на 6,5%, на ФХП на 5%.

В июне этого же года член ЦК Рабпро-са Ф. В. Кипарисов отмечал на заседании Президиума ЦК Союза работников просвещения и коллегии НКП, что «важнее для хозяйственного развития иметь хорошего инженера, а не плохого инженера обязательно из рабочей среды»¹⁵.

В саратовских высших учебных заведениях продолжало наблюдаться небольшое уменьшение рабоче-крестьянского состава поступающих. Например, при сравнении социального состава подавших документы на ФХП СГУ в 1927 г. с 1926 г. можно отметить следующее: в 1926 г. рабочих и их детей было 40 (22,6%), крестьян и их детей – 48 (27,1%), служащих – 15 (8,5%); в 1927 г. соответственно 64 (42,7%), 49 (32,7%), 5 (3,3%)¹⁶. В следующем 1929/30 учебном году из 330 человек, принятых на педфак СГУ, рабочие и крестьяне составляли 79%¹⁷. В этот же учебный год (1927/1928) на ФХП было принято 150 человек, из них рабочие и крестьяне составили 75,4% (113 человек)¹⁸, в сельскохозяйственный институт – 155 человек, из которых рабоче-крестьянская прослойка составила 97 человек¹⁹. В ветеринарном институте в этом же году рабоче-крестьянская прослойка составила 53,32% всех поступивших²⁰.

Таким образом, динамика социального состава студентов вузов Саратова развивалась скач-

кообразно. После очередного постановления СНК происходило увеличение удельного веса рабоче-крестьянской прослойки, затем следовало падение и вытеснение рабочих и крестьян представителями других социальных групп. Принималось новое постановление, и процесс повторялся. Но все-таки к концу 1920-х гг. в вузах страны, в том числе и саратовских, среди студентов преобладали представители рабоче-крестьянской прослойки.

Примечания

- ¹ Российское законодательство Х–XX вв. : в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 123.
- ² Архив СГУ. 1917. Д. 49. Л. 10, 72.
- ³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970. С. 48.
- ⁴ Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1965). М., 1967. С. 15.
- ⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1975. С. 549.
- ⁶ История Ленинградского университета. Л., 1969. С. 254.
- ⁷ Аврус А. И. История российских университетов. Саратов, 2005. С. 98.
- ⁸ Квакин А. В., Постников Е. С. «Завоевание высшей школы» : Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов). М., 2009. С. 353–354.
- ⁹ Андреев Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // «НЛЮ». 2008. № 90. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5-pr.html> (дата обращения: 24 ноября 2013 г.).
- ¹⁰ Квакин А. В., Постников Е. С. Указ. соч. С. 357.
- ¹¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО) Ф. 27. Оп. 3. Д. 425. Л. 26.
- ¹² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 832. Л. 58.
- ¹³ Там же. Оп. 4. Д. 372. Л. 68.
- ¹⁴ Там же. Д. 328. Л. 7.
- ¹⁵ Купайгородская А. П. Советская высшая школа в 1917–1928 гг. : дис. ... д-ра истор. наук. Л., 1990. С. 257–258.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 769. Л. 12.
- ¹⁷ Там же. Ф. 92 Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
- ¹⁸ Там же. Ф. 27. Оп. 4. Д. 769. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Л. 15.
- ²⁰ Там же. Л. 11.

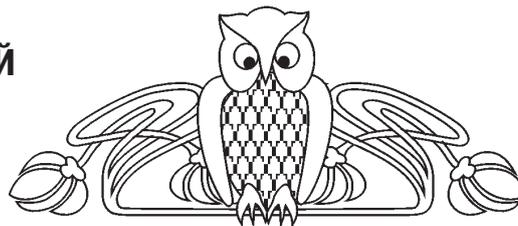

УДК 94(470.44).084.8+37.018.324(09)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЭВАКУАЦИИ: ИСПАНСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ № 1 В СЕЛЕ КУККУС

А. П. Фернандес

Российский государственный архив фонодокументов, Москва
E-mail: annafernandes@yandex.ru

В настоящей статье ставится цель проследить на основе ранее не изученных мемуарных источников и малоизвестных архивных материалов, как проходила эвакуация детдома № 1 для испанских детей в село Куккус (ныне – село Приволжское Ровенского района Саратовской области). Анализируется деятельность администрации детдома № 1 и рассматриваются трудности, с которыми столкнулись воспитанники и педагоги детдома в дни войны на новом месте. Значительное место отводится анализу мер для улучшения условий жизни детей.

Ключевые слова: детдом № 1 для испанских детей, Саратовская область, Сталинградская битва, Куккус, эвакуация.

The Story of One Evacuation: Orphanage № 1 for Spanish Kids in the Village Kukkus

A. P. Fernandes

The article is based on the unknown documents and memoirs considers the evacuation of the orphanage № 1 for Spanish kids to the village Kukkus (now – Village Privolgskoe of Rovensky district of Saratov region). The author is analyzing the work of the administration of the orphanage. The article examines the difficulties that the kids and the staff faced at the new place during the war. The article mostly focuses on the problem what was done to improve living conditions of the kids.

Key words: orphanage № 1 for Spanish kids, Saratov region, Kukkus, evacuation.

Для испанских детей, прибывших в 1937 году из охваченной Гражданской войной Испании, возможность наслаждаться мирной жизнью в СССР оказалась слишком недолгой. Ведь на их памяти еще были бомбардировки их родных городов. Если в большинстве стран, приютивших у себя малолетних испанских эмигрантов, дети в основном распределялись по семьям, то в Советском Союзе в 1937–1939 гг. были созданы специальные детские дома-интернаты, в которых они жили и учились, причем преподавание велось на родном для ребят языке. Один из детских домов для испанцев, о котором идет речь в данной статье, располагался в помещениях Дома отдыха инженеров легкой промышленности у подмосковной станции «Правда». Летом 1941 г. ребята из детдома должны были отправиться в пионерский лагерь на берегу Финского залива, а особо отличившихся ждала путевка в Артек, однако планы беззаботного летнего отдыха перечеркнула Великая Отечественная война.

Для понимания трудностей и проблем, с которыми столкнулся детдом во время эвакуации,

необходимо обратиться к историческим источникам и архивным материалам. Так, документы, проливающие свет на эту тему содержатся в фонде А-307 ГАРФ. Это отчеты, переписка администрации детдома с Наркомпросом и властями на местах. Немалое значение для исследователей имеют источники личного происхождения, в частности, мемуары бывших воспитанников и педагогов детдома.

Воспитанница детского дома № 1 Виртудес Компань Мартинес вспоминает, что 22 июня 1941 г., когда с официальным обращением к советскому народу выступил Нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, в детдоме шла подготовка к очередному празднику. Известие о вероломном нападении гитлеровской Германии стало для всех полнейшей неожиданностью. «Несколько секунд стояла гробовая тишина. Затем начались слезы, причитания, обсуждения... нас накрыла буря эмоций»¹.

Эвакуация детей и персонала детдома № 1 для многих началась неожиданно. Вот как вспоминала об этом испанская воспитательница Леонор Эстевес: «Однажды директор собрал учителей и воспитателей и сообщил, что получил приказ из Наркомпроса (советского Министерства образования) срочно эвакуироваться в район Волги. Немедленно началась подготовка»².

Директор Николай Паншин начал приготовления, хотя его критиковали за то, что он берет с собой слишком много. Однако время показало, насколько он был прав. «Взяли все продукты, которые могли: макароны, крупы, консервы, чечевицу, муку, растительное масло и др. Это обеспечило питание в течение всего путешествия, которое мы совершили на теплоходе... Директор распорядился, чтобы в небольшой швейной мастерской сшили рюкзаки для каждого ребенка, куда положили пару смен белья, полотенце, мыло, зубную пасту и личную фляжку. Сотрудники и старшие ребята упаковывали книги, школьные принадлежности...»³

Всего к началу эвакуации в детдоме № 1 было 389 воспитанников. А сам детский дом представлял собой огромный административно-хозяйственный аппарат. Он включал в себя значительный штат обслуживающего персонала: педагогов, воспитателей, врачей, медсестер, санитарок, уборщиц, прачек, истопников, портних и вязальщиц. В эвакуацию детей решено было отправить

на теплоходе. Отъезд из столицы состоялся 26 августа 1941 г.⁴

Воспитанники взошли на борт судна в маленьком порту на канале Москва – Волга недалеко от деревни Тишково. На этом же теплоходе «Калинин» эвакуировались еще несколько детдомов для испанских детей. Как отмечают исследователи, Саратовская область, особенно в первый год войны, считалась глубоким тылом. Видимо, этим объясняется решение советского руководства направить в эти края 4 испанских детских дома, насчитывавших более 1300 детей⁵.

Вот как вспоминает об этом Виртудес Мартинес: «Когда наступила наша очередь, мы поднялись на верхнюю палубу теплохода «Калинин». По двое мы завернулись в одеяла, которые привезли с собой, одно подстелив под себя и укрывшись другим. Мы были очень уставшими, и перспектива ночевать под открытым небом нас ничуть не волновала»⁶.

Путешествие было непростым. Ведь теплоход был переполнен людьми, а кают на всех не хватало. Еще один юный пассажир теплохода Вирхилио де лос Льянос Мас на всю жизнь запомнил это путешествие по Волге. «Мы, старшие, укутавшись, спали на палубах, ибо ночи в конце сентября были уже холодными. На двухпалубном теплоходе мы плыли на юг по Волге, но место назначения было нам неизвестно... Воды канала были спокойными, а волжские берега – живописными»⁷.

Несмотря на красоту русских осенних лесов, путешественники не могли наслаждаться красотой природы в спокойной обстановке. Ведь где-то рядом от этого величавого покоя лилась кровь и гибли люди. Да и судьба теплохода, перевозившего испанских детей, порой весела на волоске. Вот как вспоминает об этом Виртудес Мартинес: «Не помню, сколько времени длилось наше путешествие по Волге. Однако запомнился еще один случай, когда однажды ночью все проснулись от страшного шума от взрывов бомб, которые разрывались рядом с нашим кораблем. Проснувшись, с палубы мы наблюдали, каким курсом двигается самолет, который нас бомбардировал. К счастью, ни одна бомба в нас не попала. Везенье или случайность? Не знаю, но вторую такую же ночь мы бы не выдержали. Наш директор Паншин, годы спустя на встрече с ним вспоминал, что на следующий день после той ночи у него впервые появились седые волосы»⁸.

Наконец, воспитанники и персонал детдома № 1 достигли Автономной республики немцев Поволжья. Цель данной статьи не предусматривает подробного рассмотрения вопроса о ликвидации республики. Напомним, что в результате печально знаменитого Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», более 365 тысяч коренных жителей были депортированы на дальние земли Казахстана и Сибири⁹.

По признанию Леонор Эстевес, многие испанские политэмигранты – учителя и воспитатели детдомов – мало симпатизировали немцам из-за их вмешательства в ход гражданской войны в Испании и нападения на СССР. Но то, как обошлись с исконными обитателями Немреспублики, вызвало массу вопросов. В своих воспоминаниях, она пишет, что директор Николай Паншин объяснил испанским педагогам, что немцы были шпионами, получавшими приказы по радио и помогавшие гитлеровцам. «Была раскрыта целая шпионская сеть. Также он нас предупредил, что вода в колодцах и фрукты на деревьях были отравлены и чтобы мы сделали все от нас зависящее, чтобы дети не пили ту воду и не ели плодов»¹⁰.

Изначально детдом разместили в помещениях бывшей Школы комбайнеров и филиале средней школы. «Дети и персонал были размещены свободно, каждый воспитанник имел отдельную койку и место, были помещения для групповых занятий, библиотеки-читальни, клубной работы, физкультурный зал, отдельное помещение кухни-столовой, помещение госпиталя-изолятора, хозяйственные помещения (конюшня, свинарник, склады, погреб, сарай). Приняли от школы комбайнеров некоторое имущество для интерната: койки, столы, стулья, шкафы, 7 лошадей с транспортом»¹¹.

Само село Куккус, покинутое ее исконными обитателями, производило гнетущее впечатление. «Нас удивило, что мы не встретили ни людей, ни даже собак. Последние находились на пристани в ожидании возвращения своих хозяев. Также, как и улицы, дома тоже стояли абсолютно пустыми; двери были захлопнутыми, но не запертыми на ключ, словно приглашали всех желающих войти. Внутри все блестело чистотой и поражало безупречным порядком. Складывалось впечатление, что с минуту на минуту хозяева вернутся»¹².

Немцы Поволжья были людьми работающими и хозяйственными, многие из колхозов автономной республики считались передовыми. Уровень жизни был довольно высоким. «... закрома были полны пшеницы, на полях лежали огромные сочные арбузы, а чердаки были забиты мешками семечек, фасоли и гороха с личных наделов»¹³.

С нетерпением ждали возвращения хозяев и жалобно мычали в стойлах коровы, которым требовалась ежедневная дойка. Однако в округе не было ни души, за исключением воспитанников и обслуживающего персонала детдома № 1.

«Мы, подростки 13 и 15 лет, у которых никогда не было случая учиться этой благородной работе, даже не могли приблизиться к коровам, потому что боялись их. Однако жалость и желание помочь, которые мы чувствовали по отношению к бедным животным, придали нам смелости попробовать начать доить буренок. Одна из воспитательниц, которая в детстве жила в деревне, к тому же заверила нас, что коровы не только не будут противиться, но, наоборот, порадуются нашей

помощи. Она показала, как это делается. Тремя пальцами – большим, указательным и средним, мы должны были осторожно брать вымя, потихоньку сжимать, чтобы не напугать животное, и начинать доить ритмичными движениями. Первая попытка, поначалу неуклюжая, дала свой результат: молоко текло рекой... Ура! Теперь мы могли пить молока вдоволь»¹⁴.

Дойка коров оставила яркое впечатление. Хотя и с трудом, но испанским детям удалось научиться этому необычному занятию.

«На счастье, сразу же выявились “инструкторы”, вспомнившие сельское детство. Баски и астурийцы прекрасно доили коров. Мне же было трудно – горожанин, я никогда не видел близко коровы. Однако девочка из Астурии (которая, к тому же, мне очень нравилась) обучила меня искусству доения. Других потребителей ценного продукта, кроме нас, в деревне не было, и мы организовывали конкурсы: кто больше выпьет молока за один присест?»¹⁵.

Хотя детям запретили пить воду из колодцев, потому что они могут быть отравлены, этот приказ быстро был нарушен. Как вспоминает Леонор Эстевес, «ребята постарше поили местной водой котлов, птиц и коз и, видя, что ничего страшного с ними не произошло, давали воду младшим. Вода оказалась очень чистой и приятной на вкус. Дети стали ходить по окрестностям в поисках моркови, помидоров и арбузов»¹⁶.

Об одной такой рискованной вылазке сохранились воспоминания Виртудес Мартинес: «Однажды темной и промозглой ночью, когда все спали, а воспитатели удалились в свои комнаты, я и другие девочки-добровольцы взяли наволочки и тайком покинули наш дом. Практически наощупь мы обнаружили поле, засеянное морковью. Овощи были достаточно крупными и предназначались для прокорма скота, поэтому их было легко обнаружить среди вязкой грязи, которая их покрывала. Тяжело было идти по полю, так как ноги то и дело проваливались в мутную жижу. В детдом мы вернулись поздно – уставшие, грязные, зато довольные, с наволочками, полными сладкой морковки. Все 25 девочек из нашей комнаты ожидали нашего прихода в большом беспокойстве. Как только мы разделили морковь между всеми, воцарилась тишина, и сидя на своих постелях, все начали с наслаждением пережевывать “лакомство”»¹⁷.

Для учебных занятий детдому было выделено 6 классных комнат в Куккусской средней школе, что поначалу вполне обеспечивало нормальные занятия в 2 смены. Однако в начале ноября помещения школы пришлось освободить, в связи с тем, что в Куккусский район начало прибывать большое количество эвакуированного населения, которое негде было разместить, и здание школы было использовано под перевалочный пункт. Учебные занятия были перенесены в здание бывшей Школы комбайнеров, где проживали дети и персонал. Мест для занятий катастрофически не хватало.

Почти все испанские детские дома страдали от отсутствия топлива. Как результат, в помещениях и спальнях, где размещались дети, стояла очень низкая температура¹⁸.

«Помещение, в котором жили и занимались дети, имело центральную систему отопления, совершенно разрушенную. Несмотря на все приложенные усилия, восстановить систему отопления не удалось, и здание пришлось законсервировать, переводя детей в отдельные домики с печным отоплением, которое, кстати, также было неисправным. Домики оказались ветхими, непригодными к условиям суровой здешней зимы, и несмотря на то, что печи усиленно топились, температура в помещениях редко поднималась выше +3. Занятия были организованы в спальнях»¹⁹.

Зима 1941–1942 гг. оказалась особенно трудной. Дров достать удалось очень мало, к тому же древесина была плохого качества и плохо горела из-за сырости – было много дыма и мало тепла. В результате плохого отопления в здании было невообразимо холодно. Вода для питья в ведре в течение ночи замерзала: «От полного замерзания и превращения в ледышек нас спасло то, что мы спали по двое в постелях»²⁰. По воспоминаниям воспитательницы Леонор Эстевес, «окна внутри комнат были заледеневшими, лед был величиной с палец»²¹.

Острой стояла проблема нехватки дров. Их добывали разными способами. Вот как вспоминал об этом Вирхилио де лос Льянос Мас: «Нас, “старшую семерку», мобилизовали на заготовку дров. Требовалось переправляться на правый берег, богатый лесом, и доставлять дрова в детдом для обогрева и приготовления пищи. Каждый день в жуткий холод еще затемно мы запрягали быков парами в сани и отправлялись на правый обрывистый берег Волги. В лесу по колено в снегу валили огромные деревья, очищали их от сучьев и большими двуручными пилами распиливали бревна, а куски 3–4 метра»²².

Заготовкой дров, разумеется, занимались не только подростки 10–12 лет, но и взрослые, в том числе женщины. Леонор Эстевес в своих мемуарах откровенно пишет о том, какими способами удавалось добывать столь ценный материал для обогрева холодного кирпичного здания детдома: «Ночами выходили группами и оставляли деревенские дома без изгородей»²³.

До декабря 1941 г. питание детей испанских детских домов было достаточным, потому что к отпуске по нормам продуктам имелись дополнительные запасы, завезенные самими детдомами. Плюс дети получили своеобразное «наследство» от депортированных жителей. Продукты, оставшиеся от немцев, вскоре закончились. Начиная с декабря месяца, питание в основном базировалось на общих нормах для детских домов. Однако указанием Обкома ВКП (б) были приняты меры к усилению питания в детдомах для испанских детей²⁴. Но все же установленные

облисполкомом нормы для питания детей не выполнялись, и продукты поступали в детдом не в полном объеме. Пища была скудной. Виртулес Мартинес сохранила в памяти меню. «Утром мы получали 50 граммов хлеба, тарелку каши и стакан чая с двумя кусочками сахара; на обед – овощной суп и тарелку каши, сладкую воду, имитирующую компот и 50 граммов хлеба; на ужин наш рацион состоял из 50 граммов хлеба, свеклы и стакана чая»²⁵.

Леонор Эстевес вспоминала, что были такие моменты, когда детям на ужин выдавали кипяток с половиной свеклы и сто граммов черного хлеба. «Мы, педагоги, не имели даже этого. Некоторые дети тайно проносили кусочки хлеба в карманах, но этот подарок мы не могли принять... Чтобы утолить постоянный голод дети питались разного рода растительностью: почками, древесной корой. У многих в результате этого случалось несварение желудка»²⁶.

Но и взрослые были подчас готовы рискнуть своим здоровьем, лишь бы только наесться до отвала. «Однажды мы обнаружили на улице замерзшую курицу. У нее был настолько слабый вид, что это вызывало подозрение о туберкулезе. Мы ее сварили и разделили на шестерых. В конце концов, холод и голод были невообразимыми»²⁷.

Страдания приносили не только холод, голод и болезни. Некоторые взрослые испанцы стали жертвами паразитов – платяных вшей. «Конча Белла, которая была редкостной аккуратисткой, постигло невезение – у нее завелись платяные вши. Несмотря на то, что она постоянно стирала и прожаривала белье – от них никак не удавалось избавиться. Она очень страдала из-за этого...»²⁸

Несмотря на тяжелые бытовые условия, детям необходимо было учиться. Учителями в детдоме в основном работали испанцы. Так, из архивных документов мы узнаем, что испанский язык преподавал Агусто Видаль, географию – Сайс Вербера Хесус, физику-химию – Ратильчека Хосе. Учительницами начальных классов были Фернандес Сапико Анхелина, Суарес Натали Мария, Аррибас Сайс Эллиса²⁹. Среди 20 учителей 13 были испанцами, а из 21 воспитателя – 5³⁰.

Испанцы преподавали почти все предметы за исключением русского, литературы и истории, которому обучали русские учительницы. Много лет спустя бывшие воспитанники детдома с благодарностью вспоминали своих учителей. «В 1939 году после окончания гражданской войны в Испании в СССР эмигрировали многие борцы Народного фронта. Среди них было много интеллектуалов, честных и образованных людей. Так как они не знали русского языка, в России они были востребованы только как учителя в детдомах для испанских детей. Благодаря им, наши ребята смогли не только не забыть испанский язык, но и овладеть им на достаточно высоком уровне. Помимо предметов, входящих в школьную программу, они учили нас обычаям и традициям ис-

панского народа. Зимой 1942–1943 гг., когда из-за близости Сталинградского фронта нам отключили свет, и мы были вынуждены прервать занятия, наши учителя приходили в классы и в сумраке пересказывали нам рассказы и романы испанских писателей, а также знакомили нас со значимыми произведениями мировой литературы. Именно в то время я впервые услышала имя Шекспира»³¹.

Добрую память о себе оставил учитель математики Аррон Хулио Габриэль. «Это был очень умный и приятный человек. Свои лекции в течение зимних сумрачных дней в классах без света он обильно сдобрял анекдотами из жизни сумасшедшего дома. Математику он объяснял настолько доходчиво и понятно, что я, например, никогда повторно не заглядывала в тетрадь. Так что я хорошо знала математику, правда, на испанском»³².

С теплом бывшие воспитанники детдома годы спустя вспоминали и русских педагогов. «Помню закутанную в пушистый платок учительницу литературы. Эта милая русоволосая женщина познакомила нас с творчеством Льва Толстого. В наше сознание Отечественная война 1812 года вошла зимой Великой Отечественной. Русский Платон Каратаев был так похож на испанских партизан! Мы принадлежали к двум народам, победившим Наполеона, и почувствовали себя участниками Истории»³³.

Вирхилио де лос Льянос Мас признается, что не помнит другого более тяжелого и нескончаемого периода в жизни, чем зимние дни и ночи 1941–1942 гг., а директор Николай Паншин назвал эвакуацию детдома в бывшую республику Немцев Поволжья «большой ошибкой»³⁴. Именно на плечи директора лег основной груз заботы в детдоме. Ведь все необходимое нужно было выбивать самому. Рабочий день директора в основном проходил не в кабинете, а в седле, верхом на лошади. «Паншин, несмотря на бессонные ночи, уже в шесть тридцать утра приступал к работе. Он объезжал окрестные колхозы, прося выделит продукты и одежду для детей. Он любил детей, любил работу, но имел взрывной характер: кричал и сердился на взрослых и молодежь. Дети его обожали... Много ночей мы наблюдали, как в его кабинете горел свет керосиновой лампы до трех часов утра, и после этого он шел делать обход, инспектировал помещения...»³⁵

Суровая зима, в конце концов, уступила место весне, а вместе с приходом тепла, пусть не намного, но условия жизни в детдоме все-таки улучшились. Усилия директора Николая Паншина не пропали даром. Так, у коллектива детского дома оказалось шесть коров.

«Молоко, которое мы имели в своем распоряжении, распределялось между самыми слабыми и больными, а остальным добавляли его в суррогат кофе и раздавали кашу, сваренную на молоке. Норма хлеба возросла до 250 граммов в день»³⁶.

Некоторые сведения о том, что удавалось достать пробивному директору, сохранились в

архивах. Так, одна из справок, направленных в ЗАГО СЕНО, гласит: «Оргкомитет Саратовского Облисполкома по Куккусскому району просит Вас отпустить 500 кг сена детскому дому № 1 испанских детей в счет будущих нарядов для района. Зам. председателя Оргкомитета (Бланченко)»³⁷.

По воспоминаниям Виртудес Мартинес, Паншину удалось получить участок земли, где воспитанники и учителя сажали огурцы, помидоры и другие овощи. Еще на одном отдельном выращивалась морковь. Все лето на этих клочках земли работали школьники³⁸.

Это подтверждается и докладной запиской директора детского дома № 1 Н. Паншина в Наркомпрос от 8 августа 1942 г., в котором он пишет о том, что вся жизнь детей проходит главным образом в труде: «3 и 4 классы вместе с работниками дома работают в своем подсобном хозяйстве (на прополке, окучивании, уборке зерновых), малыши ходят собирать колоски и лекарственные травы. Так что основное место в жизни детей занимает труд...»³⁹

Трудовую закалку получали и старшеклассники, которые работали по приглашению колхозов в комбайновых бригадах. Еще зимой они изучали теорию и практику вождения колесных сельхозтракторов марки ХТЗ (Харьковского тракторного завода) и зерновых комбайнов «Сталинец-1». Среди тех, кому удалось получить права тракториста и комбайнера, был Вирхилио де лос Льянос Мас: «Сев и последующая уборка урожая дались нелегко – нам, новичкам, не хватало практических навыков. Первую “упряжку” возглавлял Габриэль Аррон, а во главе второй работал Аугусто Видаль – оба уроженцы Каталонии, интеллигенты и прекрасные преподаватели... Корпуса наших комбайнов украшала звездная россыпь: каждая звездочка означала, что в закрома Родины, как тогда говорили, внесены 40 тонн зерна»⁴⁰.

О достижениях своих подопечных сообщал в отчете в Наркомпрос директор Николай Паншин: «Одна из бригад вышла на первое место в районе, получила благодарность и премию (комбайнер – испанский учитель т. Аррон Габриэль), 2 бригады старших воспитанников 7 класса работают на других полевых работах (вязка, скидирование, молотба)...»⁴¹

Успехами своих товарищей на колхозных полях гордился весь коллектив детдома: «Наши мальчики проявили себя хорошо и осенью были награждены как одни из победителей соцсоревнований. Справедливости ради отмечу, что соревноваться им приходилось с такими же подростками, русскими сверстниками, 14–16 лет»⁴².

Обстановка на Сталинградском фронте оставалась тяжелой. «Нам поручили организовать охрану здания ночью. Не знаю, каким образом должен быть осуществлен этот глупый приказ, потому что у нас не было никакого оружия, за исключением длинной оглобли, к тому же мы не знали немецкого и слабо изъяснялись по-русски.

...Мы видели пролетающие самолеты, иногда спускающихся десантников. Но кем они были – русскими? врагами? Мы не знали. Этот факт не был приятен. Нам было не по себе, по крайней мере, я могу честно признаться, что испытывала страх»⁴³.

Казалось бы, тяжелые условия жизни должны были способствовать большой смертности ослабленных от холода и голода детей. Однако серьезных инфекционных заболеваний удалось избежать, как следовало из отчета директора Николая Паншина: «... в окружении тифозной инфекции, скарлатины, кори, коклюша, ни один наш ребенок не болел указанными болезнями, кроме 4-х случаев дизентерии в первый месяц пребывания детей и туберкулеза»⁴⁴.

Виртудес Компань Мартинес упоминает о шести смертях в детдоме во время эвакуации. Согласно документам, хранящимся ГАРФе, в 1944 году с начала войны было зарегистрировано 7 смертей. Причем не все из них произошли вследствие голода и болезней. Так, Фуенте Херес Люсия из 4 класса утонула⁴⁵.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом 2 февраля 1943 г. если не улучшил положение коллектива детдома, то, по крайней мере, дал надежду на скорую победу. Немцы отступали, а война уходила из этих мест. Испанских подростков направляли учиться и работать в Саратов. В те годы в Саратове функционировали три техникума, куда отправлялись на учебу выпускники испанских детдомов – медицинский, ФЗО № 12 с химическим уклоном и ремесленное училище при заводе «Комбайн». Когда детдом летом 1944 г. эвакуировался обратно в Москву, это смогли сделать и его многие бывшие воспитанники, получившие, благодаря усилиям Николая Паншина, вызов из столицы.

Итак, документы и воспоминания показывают, что положение во время войны детского дома № 1 для испанских детей было сложным. Были проблемы с отоплением, размещением, питанием, страдал и учебный процесс. Но в то же время детдом не был брошен на произвол судьбы, принимались меры для улучшения положения детей, в частности выделялась земля для организации подсобных хозяйств. Организовать снабжение и учебный процесс на высоком уровне помогли самоотверженные усилия как директора, так и всего педагогического коллектива. Многие воспитанники впоследствии с теплотой вспоминали о годах, проведенных на Саратовской земле, ставших для них настоящей школой жизни.

Примечания

- ¹ *Martnez V. C. La Espanola rusa. M., 2011. P. 32* (Здесь и далее цитаты испанских авторов даны в авторском переводе).
- ² *Estevez L. La vida es lucha. Madrid, 1993. P. 263.*

- ³ Estevez L. La vida es lucha. Madrid, 1993. P. 263.
- ⁴ ГАРФ. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ⁵ Аврус А. И. Испанские детские дома в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте российской истории : сб. науч. тр. / под ред. Ю. Г. Голуба, В. Н. Данилова. Саратов, 2000. С. 105.
- ⁶ Martnez V. C. Op. cit. P. 37.
- ⁷ Де лос Льянос Мас В. Ты помнишь, tovarish...? Из архива одного из детей, вывезенных в СССР во время гражданской войны в Испании. М., 2008. С. 46.
- ⁸ Martnez V. C. Op. cit.
- ⁹ Герман А. А. Немецкая автономия на Волге : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 1994. С. 303.
- ¹⁰ Estevez L. Op. cit. P. 247.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ¹² Martnez V. C. Op. cit. P. 41.
- ¹³ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁴ Martnez V. C. Op. cit. P. 40.
- ¹⁵ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁶ Estevez L. La vida es lucha. Madrid, 1993. P. 268.
- ¹⁷ Martnez V. C. La Espanola rusa. М., 2011. P. 42.
- ¹⁸ Филаретова В. Л. Испанские детские дома в период Великой Отечественной войны в Саратовской области // Навеки в памяти народной... : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы / отв. ред. В. Н. Данилов. Саратов, 2010. С. 98.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ²⁰ Martnez V. C. Op. cit. P. 44.
- ²¹ Estevez L. Op. cit. P. 269.
- ²² Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 48.
- ²³ Estevez L. Op. cit.
- ²⁴ Филаретова В. Л. Испанские детские дома... С. 99.
- ²⁵ Martnez V. C. Op. cit.
- ²⁶ Estevez L. Op. cit. P. 271–272.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid. P. 269.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 2. Д. 20. Л. 2.
- ³⁰ Аврус А. И. Испанские детские дома в Саратовской области... С. 108.
- ³¹ Martnez V. C. Op. cit. P. 44.
- ³² Ibid. P. 56.
- ³³ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 49.
- ³⁴ ГАРФ. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
- ³⁵ Estevez L. Op. cit. P. 270.
- ³⁶ Martnez V. C. Op. cit. P. 45.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 2. Д. 20. Л. 9.
- ³⁸ Martnez V. C. Op. cit.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–37.
- ⁴⁰ Де лос Льянос Мас В. Указ. соч. С. 51.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35–37.
- ⁴² Martnez V. C. Op. cit.
- ⁴³ Estevez L. Op. cit. P. 271.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. А-307. Оп. 1. Д. 26. Л. 15.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 10.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ТРОИЦКОГО

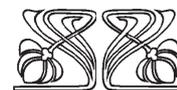
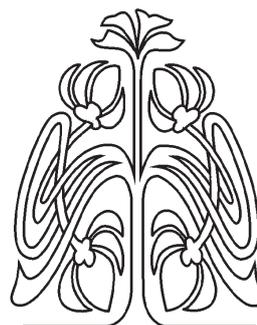

28 мая 2014 года не стало выдающегося российского историка, профессора кафедры истории России, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Николая Алексеевича Троицкого. Его блестящие труды получили широкую известность и признание научного сообщества, что нашло отражение в десятках рецензий и юбилейных статей, в библиографическом указателе «Николай Алексеевич Троицкий» (Саратов, 2002), в посвященных ему сборниках (Освободительное движение в России. Вып. 20. Саратов, 2003; Николаю Алексеевичу Троицкому – к юбилею. Саратов, 2011).

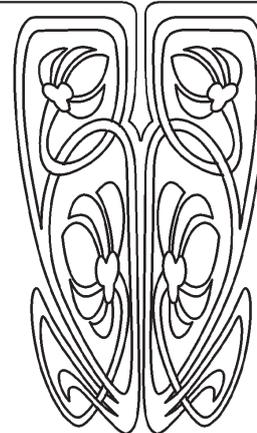
Николай Алексеевич родился 19 декабря 1931 года в заволжском селе Новорепное в рабочей семье. Он окончил истфак Саратовского университета, отработал три года по распределению в сельской школе и в 1957 г. поступил по конкурсу в аспирантуру Московского педагогического института им. В. И. Ленина. После аспирантуры Н.А. Троицкий год преподавал в пединституте г. Шадринска, а затем получил приглашение на кафедру истории СССР досоветского периода (ныне – кафедра истории России) Саратовского университета, где трудился с 1961 года до последних дней своей жизни. Более четверти века (1975–2002) он возглавлял кафедру истории России. О своей жизни Николай Алексеевич интересно и предельно откровенно рассказал в мемуарах (Книга о любви. Записки историка. Саратов, 2006).

В аспирантуре Н.А. Троицкий написал под руководством проф. П.И. Кабанова диссертацию «Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. (т.н. “чайковцы”»». Вновь открывшиеся возможности объективного изучения народничества позволили молодому историку провести серьезный архивный поиск и осветить деятельность самой большой революционной организации своего времени, подготовившей массовое «хождение в народ». Диссертация была защищена в 1963 году, поскольку пришлось два года ждать выхода статьи в журнале «История СССР». Тогда же в Саратове вышла книга по теме кандидатской диссертации. В 1991 году Троицкий завершил изучение этого сюжета выпуском капитальной монографии «Первые из блестящей плеяды: Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.» (Саратов, 1991).

В рамках истории освободительного движения второй половины XIX века Н.А. Троицкий в середине 1960-х годов приступил к изучению политических процессов русских революционеров с 1866 по 1895 год. Опираясь не только на опубликованные материалы, но и на документы из 20 архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Харькова, Иркутска, Риги и Саратова, историк открыл десятки неизвестных ранее по-

ПРИЛОЖЕНИЕ

литических процессов, показал их не только как орудие карательной политики правительства, но и как сферу революционной борьбы, вызвавшую сочувствие российской и международной общественности. Работа над темой завершилась блестящей защитой докторской диссертации в 1971 году. Вышедшие в издательстве «Мысль» большими тиражами книги «Безумство храбрых» (М., 1978) и «Царизм под судом прогрессивной общественности» (М., 1979) сделали имя Троицкого известным широкому кругу читателей. Привыкший всё доводить до конца Троицкий завершил свое изучение народничества книгой «Крестonosцы социализма» (Саратов, 2002), которая подвела определенный итог советскому этапу в изучении теории и революционной практики народников 1860-1880-х годов. Не будучи апологетом революционного террора, автор не уставал повторять, что это была вынужденная форма борьбы, когда любые проявления политической свободы в России были под запретом.

Деятельность адвокатуры на политических процессах 1866–1904 гг. стала для Н.А. Троицкого самостоятельным предметом изучения, что вылилось в десятки статей и ряд монографий (см., например: Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000; Корифеи российской адвокатуры. М., 2006). На материале личных архивных фондов саратовским исследователем были мастерски выписаны исторические портреты крупнейших русских адвокатов В. Д. Спасовича, Ф. Н. Плевако, Д. В. Стасова, Н. П. Карабчевского и др.

Эпоха Наполеоновских войн была, пожалуй, самой большой любовью Троицкого как историка. Ему принадлежит заслуга освобождения темы войны 1812 года из плена псевдопатриотических штампов и ошибок, что стало возможным лишь во второй половине 1980-х годов. Его книга «1812. Великий год России» (М., 1988; 2-е изд. М., 2007) стала началом нового этапа в изучении «грозы двенадцатого года». Автор пересмотрел целый ряд принципиальных вопросов темы: причины войны и соотношение сил, оценки деятельности полководцев, Бородинское сражение, пожар Москвы и др. Продолжая эту большую тему, историк создал ряд блестящих биографических книг, не оставивших равнодушными специалистов и широкий круг читателей: «Александр I и Наполеон» (М., 1994; 2-е изд. М., 2007), «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты» (М., 2002). Им написана самая полная биография Наполеона на русском языке в двух томах, рукопись которой, к сожалению, канула в недрах известного столичного издательства.

Историография и история культуры также привлекали внимание Николая Алексеевича. В частности, им написаны две книги, посвященные отражению темы народничества в художественной литературе и искусстве: «Народные заступники» (Саратов, 2007) и «Орлы-богатыри» (Саратов, 2009). Он опубликовал ряд книг и статей по историографии войны 1812 года и освободительного движения XIX века.

«Шестидесятник»-Троицкий был страстным полемистом, горячим приверженцем правды в исторических исследованиях, врагом конъюнктурщины и «начальственной науки». Он участвовал во многих дискуссиях и «научных дуэлях», о которых рассказал в своей книге «Сказания о правде и кривде в исторической науке» (СПб., 2003).

Полувековой стаж профессорства принёс Троицкому славу неповторимого лектора и реализовался в десятках методических и учебных пособий и учебников. Издательство «Высшая школа» трижды (в 1997, 1999, 2003) издавало его курс лекций «Россия в XIX веке». В учебниках Н. А. Троицкого создан неповторимый научный образ России XIX века с акцентом на политическую историю и историю освободительного движения.

С 1986 года Н.А. Троицкий был ответственным редактором межвузовского сборника «Освободительное движение в России», который известен специалистам в России и за рубежом как уникальное тематическое издание, своеобразный «бренд» саратовских историков. Он пользуется уважением научного сообщества, несмотря на проявляющееся в нашей науке конъюнктурное стремление вычеркнуть освободительное движение из истории России.

За 55 лет научного творчества Н.А. Троицкий написал более 500 статей и 40 книг. Свою книгу «Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба» он «благословил» в печать уже тяжело больной, буквально в последние дни своей жизни. (Монография выходит в издательстве Саратовского университета). Его весомый вклад в историческую науку проявился и в подготовке 3 докторов и 30 кандидатов наук. Николай Алексеевич создал работоспособный коллектив кафедры истории России.

В широком смысле слова учениками Н.А. Троицкого являются все историки Саратова – все, кто слушал его блестящие лекции, читал его учебники, книги и статьи. Светлую память о большом ученом сохраняют коллеги, благодарные ученики и читатели.

С.А. Мезин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсентьева Ирина Ильинична, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: airen1@yandex.ru

Болдырева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры философии и гуманитарной подготовки Воронежской государственной медицинской академии имени Н. И. Бурденко. E-mail: boldyrevairi@mail.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ybartho@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Galyamichev57@mail.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: a.a.german@mail.ru

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Gladav2002@mail.ru

Гошко Татьяна Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры классических, византийских и средневековых студий Украинского католического университета, г. Львов. E-mail: hoshko@ucu.edu.ua

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Демченко Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru

Зотова Анастасия Валерьевна, кандидат исторических наук Санкт-Петербургского государственного университе-

та телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru

Кустов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета. E-mail: kustovv@list.ru

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: lapenkomv@mail.ru

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: majorova-as@mail.ru

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mezinsa@mail.ru

Морозов Сергей Михайлович, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tenros@nextmail.ru

Панькин Павел Владимирович, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: 213pankinp@mail.ru

Рыбалко Ольга Константиновна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: rybalkook@gmail.com

Симонов Анатолий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Стребкова Надежда Викторовна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: hope8917@gmail.com

Фернандес Анна Павловна, ведущий специалист Российского государственного архива фондо документов, Москва. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Эсенгул Чинара, старший преподаватель факультета международных отношений Института интеграции международных образовательных программ Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек. E-mail: chinara.esengul@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arsentyeva Irina Ilinichna, Doctor of Political Sciences, Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Department, Saratov State University. E-mail: airen1@yandex.ru

Boldyreva Irina Ivanovna, History PhD, teacher of philosophy and humanities training of N. I. Burdenko Voronezh State Medical Academy, e-mail: boldyrevaairi@mail.ru

Danilov Victor Nikolaevich, History Doctor, professor, Department head of Historiography, Regional history and Archeology in the Institute of History and international relations of Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Demchenko Ekaterina Sergeevna, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

Esengul Chinara, Assistant professor, School of International Relations, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. E-mail: chinara.esengul@gmail.com

Fernandes Anna Pavlovna, staff member of the State Archive of the fonoduments, Moscow. E-mail: annafernandes@yandex.ru

Galyamichiev Alexandr Nikolaevich, History Doctor, Professor, Head of the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Galyamichiev57@mail.ru

German Arkady Adolfovich, History Doctor, Professor, Head of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: a.a.german@mail.ru

Gladishev Andrey Vladimirovich, History Doctor, Professor of Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Gladav2002@mail.ru

Goshko Tatiana Dmitrievna, History PhD, Associate Professor of Classical, Byzantine and medieval studies Ukrainian Catholic University, Lviv. E-mail: hoshko@ucu.edu.ua

Kustov Vitaliy Anatolyevich, a History PhD, doctoral candidate of the chair of Economic and Political history of Russia of Saratov State. E-mail: kustovv@list.ru

Lapenko Marina Vladimirovna, History PhD, Associate Professor

of International Relations and Russian Foreign Policy at the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lapenkomv@mail.ru

Mayorova Alla Stepanovna, History PhD, Associate Professor of the History of Russia Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mayorova-as@mail.ru

Mezin Sergey Alekseevich, History Doctor, Professor, Head of the History of Russia Department in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mezinisa@mail.ru

Morozov Sergey Mikhailovich, Postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History in the Institute of History and international relations of Saratov State University. E-mail: tenros@nextmail.ru

Pankin Pavel Vladimirovich, a postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: 213pankinp@mail.ru

Rybalko Olga Konstantinovna, a postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: rybalkook@gmail.com

Simonov Anatoly Aleksandrovich, History PhD, Associate Professor of the Chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Strebkova Nadezda Viktorovna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: hope8917@gmail.com

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, History Doctor, Professor, Professor of the History of Russia of Russia chair in the Institute of history and international relations of the Saratov State University. E-mail: ybartho@mail.ru

Zaytsev Maxim Vyacheslavovich, History PhD, Associate Professor of the History of Russia Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru

Zotova Anastasiya Valeryevna, History PhD, the Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of telecommunications. E-mail: anastasiyazotova@mail.ru

Подписка на II полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

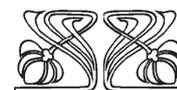
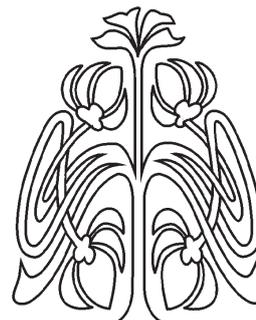
Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Новая серия».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПОДПИСКА

